A 43/95
1857

А 43/95

ВОСШЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЪ

ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ I-го.

Составлено,

по Высочайшему повелѣнію,

Статсъ-Секретаремъ Барономъ Корфомъ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

(первое для публики).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1857.

НАПЕЧАТАНО ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

Въ Типографіи II-го Отдѣленія Собственной Его Имп. Вел. Канцеляріи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Если буду Императоромъ хоть на одинъ часъ, то покажу что былъ того достоинъ.»

Такъ говорилъ (см. ниже, стр. 121) незабвенный Императоръ Николай I, утромъ 14-го Декабря 1825 года, собраннымъ передъ Нимъ Начальникамъ Гвардейскихъ полковъ.

И торжественно оправдалось это первое державное Его слово! Тридцать лѣтъ, среди благословеній мира и громовъ войны, въ законодательствѣ и судѣ, въ дѣлѣ внутренняго образованія и внѣшняго возвеличенія Его Россіи, вездѣ и всегда, Императоръ Николай I былъ на стражѣ ея чести и славы, ея отцомъ и, вмѣстѣ, первымъ и преданнѣйшимъ изъ ея сыновъ.

«Я умираю—писалъ Онъ въ умилительномъ Своемъ завѣщаніи — съ пламенною любовію къ нашей славной Россіи, которой служилъ, по крайнему моему разумѣнію, вѣрой и правдой; жалѣю что не могъ произвести того добра, котораго столь искренно желалъ.» Человѣкъ не мо-

БИБЛІОТЕКА ММ

жетъ всего; Николай исполнилъ все что возможно одному человѣку.

Но никогда, можетъ быть, двумъ изъ числа высокихъ качествъ усопшаго: безстрашію и присутствію духа, не суждено было ознаменоваться явственнѣе и сильнѣе, какъ въ первыя минуты Его воцаренія. По сыновней мысли Августѣйшаго Его Наслѣдника, подробное описаніе дня 14-го Декабря и предшедшихъ ему событій составлено было еще въ 1848-мъ году. Просмотрѣвъ его и, по собственноручномъ, неоднократномъ исправленіи, удостоивъ наконецъ Своего одобренія, въ Бозѣ почившій Императоръ рѣшительно, однакожъ, отклонилъ мысль огласить это описаніе въ общее свѣдѣніе. Отъ хода и связи событій и личныхъ дѣйствій юнаго Монарха, одна правда, строгая и нагая, принимала здѣсь какъ бы личину лести, а истинному величію всегда сопутствуетъ скромность.

Упомянутое описаніе было дважды напечатано, но оба раза лишь въ 25-ти экземплярахъ, единственно для Членовъ Императорскаго Дома и немногихъ приближенныхъ, какъ семейная тайна.

Нынѣ, когда Россіи и Европѣ уже переданы всѣ подробности *послѣдняго* дня этой великой жизни, благополучно

Царствующій Государь Императоръ признать изволилъ за благо, въ вѣчную память незабвеннаго родителя, сдѣлать общеизвѣстнымъ и повѣствованіе о *первомъ* днѣ Царственнаго Его пути. Императоръ Николай не нуждается въ хвалебныхъ возгласахъ; но для исторіи нужны истина и доблестные примѣры. Эта цѣль примиритъ великую тѣнь съ нарушеніемъ тайны ея скромности!

*Къ настоящему изданію, доступному всей публикѣ, присоединены и предисловія обоихъ первыхъ, для указанія источниковъ нашего разсказа и исторіи его составленія. *Сверхъ того оно дополнено нѣсколькими частными письмами Августѣйшихъ Членовъ Императорскаго Дома, не бывшими въ виду при двухъ первыхъ изданіяхъ, *двумя или тремя чертами изъ записокъ покойнаго Генералъ-Адъютанта Графа А. Х. Бенкендорфа и еще нѣкоторыми другими подробностями.

Передъ первымъ изданіемъ.

(1848-го года.)

Достопамятныя событія, которыми ознаменовался періодъ времени отъ полученія извѣстія о кончинѣ блаженныя памяти Императора Александра I-го до истеченія дня 14-го Декабря 1825 года, не имѣютъ до сихъ поръ полнаго и удовлетворительнаго описанія. Иностранцы, говоря о Россіи, часто ошибаются даже и тогда, когда *хотятъ* быть правдивыми, а Русскіе писатели ограничены условіями, сколько необходимой, столько же и благодѣтельной въ общественномъ нашемъ устройствѣ, цензуры. Притомъ, въ событіяхъ политическихъ, частныя лица знаютъ, большею частію, только внѣшнюю сторону, одни признаки или видимое проявленіе предметовъ, такъ сказать только *свое*, тогда какъ въ дѣлахъ сего рода главный интересъ сосредоточивается, часто, на тайныхъ ихъ причинахъ и на совокупности *всѣхъ* свѣдѣній въ общей связи. Наконецъ есть подробности, которыя, таясь въ неоглашенныхъ государственныхъ актахъ, или сохраняясь въ личныхъ воспоми-

наніяхъ самихъ дѣятелей, недоступны для массы. Отъ того всѣ изданныя донынѣ описанія упомянутаго періода времени или наполнены ошибками, пропусками, не рѣдко и преднамѣренными умолчаніями, или же повторяютъ вещи всѣмъ извѣстныя, съ бо̀льшими только или мѐньшими украшеніями слога и фантазіи. Такъ, напримѣръ, лучшее изъ повѣствованій иностранныхъ то́, которое помѣстилъ извѣстный Шницлеръ въ книгѣ своей: «Histoire intime de la Russie sous les Empereurs Alexandre et Nicolas, Paris 1847», содержитъ въ себѣ, рядомъ съ нѣкоторыми истинами, не мало погрѣшностей и въ сущности есть пространная, не совсѣмъ притомъ точная, выписка изъ напечатаннаго въ 1826 году, на всѣхъ языкахъ, «Донесенія Слѣдственной Коммиссіи», которое авторъ облекъ въ форму собственнаго разсказа и дополнилъ нѣсколькими анекдотами. Съ другой стороны, въ лучшемъ, или почти единственномъ, сочиненіи Русскомъ, гдѣ объ этомъ предметѣ говорится не въ однѣхъ только общихъ чертахъ (*), посвященныя ему десять страничекъ, соотвѣтствуя, можетъ быть, общему размѣру всей книги, слишкомъ мало удовлетворяютъ любопытству, заслуживающему здѣсь право на болѣе благородное имя—*исторической любознательности*.

(*) Историческое обозрѣніе Царствованія Государя Императора Николая Павловича, Н. Устрялова. С.-Петербургъ, 1847.

Между тѣмъ современники старѣютъ и умираютъ, преданія исчезаютъ, въ самихъ свидѣтеляхъ и очевидцахъ память былаго тускнетъ и къ истинѣ, искажаемой изустными разсказами, примѣшиваются, постепенно, вымыслы и прикрасы, которые такъ легко прививаются ко всякому великому происшествію, много занимавшему собою умы.

Чтобы возстановить факты въ ихъ чистотѣ и вмѣстѣ восполнить, для будущаго историка Россіи, такой пробѣлъ, котораго не простило бы намъ потомство, Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Александръ Николаевичъ благоизволилъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, возложить на Статсъ-Секретаря Барона Корфа составленіе, по самымъ достовѣрнымъ даннымъ, подробнаго и возможно полнаго описанія упомянутыхъ событій. Трудъ сей нынѣ оконченъ.* Это еще не исторія, возможная только въ потомствѣ, но вѣрная лѣтопись, которую вести лежитъ на обязанности современниковъ. Лѣтопись должна разсказать что̀ и какъ было; исторія оцѣнитъ бывшее и произнесетъ надъ нимъ свой приговоръ.

*Матеріалами въ настоящемъ трудѣ служили:

*I. Собственноручная подробная записка, написанная

Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ для Царственнаго Его семейства.

× II. Воспоминанія Государя Великаго Князя Михаила Павловича, положенныя на бумагу подъ непосредственнымъ Его руководствомъ.

× III. Разсказы покойныхъ Князя А. Н. Голицына и Графа М. М. Сперанскаго, записанные съ ихъ словъ еще при ихъ жизни.

× IV. Разсказы и, частію, письменныя замѣтки живыхъ свидѣтелей и дѣятелей 14-го Декабря: Генералъ-Адъютантовъ: Графа Орлова, Графа Левашова, Графа Адлерберга, Перовскаго, Кавелина и Философова, и Генерала Ростовцова.

× V. Разсказы нѣкоторыхъ другихъ достовѣрныхъ очевидцевъ и собственныя воспоминанія редактора.

× VI. Бумаги, оставшіяся послѣ покойнаго Князя В. П. Кочубея.

× VII. Подлинные акты Государственнаго Совѣта.

× VIII. Акты Слѣдственной Коммиссіи и Верховнаго Уголовнаго Суда.

× IX. Оффиціальныя реляціи 15 и 29 Декабря 1825 года.

× X. Полное Собраніе Законовъ.

× Описаніе, составленное по симъ даннымъ, было во всей подробности повѣрено Государемъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ и большею частію тѣхъ лицъ, которыхъ разсказы въ немъ помѣщены, и исправлено окончательно по собственнымъ указаніямъ Государя Императора Николая Павловича.

Передъ вторымъ изданіемъ.

(1854-го года).

Осенью 1848 года пріѣхала въ Россію Государыня Великая Княгиня Ольга Николаевна. Незадолго передъ тѣмъ было окончено составленіе настоящаго разсказа. Великая Княгиня, услышавъ о немъ въ Царственной семьѣ, изъявила редактору желаніе имѣть для себя списокъ. Онъ отвѣчалъ, что единственный экземпляръ находится у Государя Наслѣдника Цесаревича, а черновыя тетради истреблены. Тогда Великая Княгиня изъяснилась, что какъ рукописныя копіи легко уничтожаются и еще легче, при перепискѣ, наполняются ошибками, иногда искажающими истинный смыслъ, то лучше бы это описаніе напечатать, по крайней мѣрѣ для Членовъ Императорскаго Дома и для нѣкоторыхъ довѣренныхъ особъ. Мысль Великой Княгини была передана Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику и, по докладу Его, Государь Императоръ Николай Павловичъ Высочайше повелѣть изволилъ напечатать 25 экземпляровъ, что̀ и было исполнено къ 14 Декабря 1848 года.

Въ послѣдствіи, частію отъ лицъ, удостоившихся получить эту книжку, частію черезъ собственные распросы и поиски, редакторъ успѣлъ собрать еще разныя новыя свѣдѣнія и данныя о происшествіяхъ, имъ описанныхъ. Многое изъ сихъ дополненій оказалось немаловажнымъ, могущимъ еще болѣе способствовать достиженію цѣли: оставить для потомства *возможно полное* и *точное* изображеніе событій, столь важныхъ въ лѣтописяхъ отечественныхъ. Изъ числа такихъ новыхъ матеріаловъ, собранные при жизни блаженныя памяти Государя Великаго Князя Михаила Павловича, были подносимы Его Высочеству, для повѣрки съ личными Его воспоминаніями; потомъ всѣ они представлялись Государю Наслѣднику Цесаревичу, по мысли котораго возникла настоящая работа, и наконецъ Государю Императору. На каждомъ Его Величество изволилъ полагать собственноручныя отмѣтки и такимъ образомъ они получали окончательную достовѣрность. Сверхъ сего, по кончинѣ въ 1852 году Генералъ-Фельдмаршала Князя Волконскаго, въ его бумагахъ найдено много примѣчательнаго о сей эпохѣ и, между прочимъ, разныя письма блаженныя памяти Цесаревича Константина Павловича и самого Князя. Тогда рѣшено было приступить къ новому изданію. Съ сею цѣлію, вновь собранныя свѣдѣнія были размѣщены по принадлежности и, въ соотвѣтственность тому, вся работа исправлена, во многомъ даже

совсѣмъ передѣлана. Государь Императоръ Николай Павловичъ удостоилъ снова пересмотрѣть эту окончательную редакцію въ цѣломъ ея составѣ и опять въ разныхъ мѣстахъ ее исправилъ.

×Главнѣйшіе новые матеріалы, по которымъ теперь дополнено и усовершено прежнее изданіе, извлечены:

× 1) Изъ собственноручной современной памятной записки Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

× 2) Изъ бумагъ Государя Цесаревича Константина Павловича и Генералъ-Фельдмаршала Князя Волконскаго.

× 3) Изъ словесныхъ и, частію, письменныхъ сообщеній: Московскаго Митрополита Филарета, Предсѣдателя Государственнаго Совѣта Князя Чернышева, Генералъ-Адъютантовъ: Сухозанета, Исленьева, Геруа и Игнатьева, Генералъ-Лейтенанта Засса, Генерала отъ Инфантеріи Головина, С.-Петербургскаго Коменданта Барона Зальца, 2-го С.-Петербургскаго Коменданта Греча, Иподіакона Прохора Иванова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ.

× 4) Изъ записокъ, оставшихся послѣ покойныхъ Генералъ-Адъютантовъ Графа Толя и Графа Комаровскаго.

× 5) Изъ дѣлъ Государственнаго Архива.

× 6) Изъ дѣлъ Штаба Гвардейскаго Корпуса.

× 7) Изъ современнаго Камеръ-Фурьерскаго журнала.

× Доставлены еще нѣкоторыя дополненія къ прежде сообщеннымъ воспоминаніямъ отъ Генералъ-Адъютантовъ: Графа Орлова, Графа Адлерберга, Философова и Ростовцова.

× Это второе изданіе напечатано также въ 25-ти экземплярахъ.

Въ Россіи и въ остальной Европѣ давно утвердилась мысль, что Императоръ Александръ, до послѣднихъ дней Своихъ, имѣлъ тайное намѣреніе отречься отъ Престола и перейти къ жизни частной. Обыкновенно думали, что это намѣреніе родилось въ Немъ послѣ низложенія Наполеона, когда возстановитель законныхъ царствъ и умиритель Европы, утомленный славою величія, разочарованный въ мечтахъ о благодарности и привязанности человѣческой, сосредоточился болѣе въ самомъ себѣ и отъ помысловъ земныхъ воспарилъ къ небеснымъ. «Пожаръ Москвы—говорилъ Онъ, въ 1818-мъ году, Прусскому Епископу Эйлерту—просвѣтилъ Мою душу, а судъ Божій на обледенѣлыхъ поляхъ битвъ наполнилъ Мое сердце такою теплотою вѣры, какой Я до тѣхъ поръ не ощущалъ. Тогда Я позналъ Бога, какъ открываетъ Его Св. Писаніе; съ тѣхъ

поръ только Я понялъ и понимаю волю и законъ Его, и во Мнѣ созрѣла твердая рѣшимость посвятить Себя и Свое царствованіе Его имени и славѣ.» Но желаніе оставить Престолъ жило въ Немъ, даже повѣрялось отъ Него лицамъ близкимъ, еще гораздо ранѣе этого апогея Его величія. У Лагарпа видѣли письма, относящіяся къ самымъ первымъ годамъ царственнаго пути бывшаго его питомца. «Когда Провидѣніе—писалъ Онъ своему воспитателю—благословитъ Меня возвести Россію на степень желаемаго Мною благоденствія, первымъ Моимъ дѣломъ будетъ сложить съ Себя бремя правленія и удалиться въ какой нибудь уголокъ Европы, гдѣ Я стану безмятежно наслаждаться добромъ, утвержденнымъ въ отечествѣ.» Мысль объ отреченіи проявлялась даже у юноши, почти у ребенка, при жизни Императрицы Екатерины, когда между Нимъ и Престоломъ стоялъ еще Его родитель. У насъ въ рукахъ документъ, котораго содержаніе въ высшей степени любопытно, какъ первый, по всей вѣроятности, *гласный* проблескъ этого намѣренія, было ли оно тогда слѣдствіемъ минутнаго раздраженія, или плодомъ романической настроенности, свойственной иногда молодымъ лѣтамъ. Документъ этотъ не менѣе любопытенъ и какъ свидѣтельство того возвышеннаго образа мыслей, той нѣжности чувствъ, которые представляютъ Александра явленіемъ такимъ поэтическимъ въ нашей исторіи. Это—письмо 18-ти-лѣтняго Великаго Князя, отъ 10-го Мая 1796-го года, къ Виктору Павловичу Кочубею, тогдашнему Посланнику

нашему въ Константинополѣ и одному изъ любимѣйшихъ друзей Его. Вотъ оно, отъ слова до слова:

«Cette lettre, mon cher ami, vous sera remise par M. Garrick, duquel je vous ai parlé dans une de mes lettres précédentes; ainsi je peux vous parler librement sur quantité de choses.

«Savez-vous, mon cher ami, que réellement cela n'est pas bien que vous ne m'instruisez sur rien de ce qui vous regarde, car je viens d'apprendre que vous avez demandé votre congé pour aller faire une cure en Italie et que delà vous irez en Angleterre pour quelque temps. D'où vient que vous ne m'en dites rien? Je commence à croire que vous doutez de mon amitié pour vous, ou que vous n'avez pas assez de confiance en moi; car, j'ose le dire, je la mérite réellement par l'amitié sans bornes que je vous porte. Ainsi, je vous en conjure, instruisez-moi de tout ce qui vous regarde et croyez que vous ne pourrez me faire un plus grand plaisir. Au reste je vous avoue, que je suis bien charmé de vous savoir quitte de cette place, qui ne pouvait que vous procurer des désagréments sans être compensée par aucune jouissance quelconque.

«Ce M. Garrick est un très joli garçon; il a passé quelque temps ici et dans ce moment il va en Crimée, d'où il s'embarquera pour Constantinople. Je le trouve bien

heureux, parcequ'il aura l'occasion de vous voir et je lui envie en quelque façon son sort, d'autant plus que je ne suis nullement content du mien. Je suis enchanté que la matière se soit engagée d'elle-même, car j'aurais été embarassé de commencer ce sujet. Oui, mon cher ami, je le répète, je ne suis nullement satisfait de ma position: elle est beaucoup trop brillante pour mon caractère qui n'aime que la tranquillité et la paix. La cour n'est pas une habitation faite pour moi; je souffre chaque fois qui je dois être en réprésentation et je me fais du mauvais sang en voyant ces bassesses qu'on fait à chaque instant pour acquérir une distinction pour laquelle je n'aurais pas donné trois sols. Je me sens malheureux d'être obligé d'être en société avec des gens que je ne voudrais pas avoir pour domestiques et qui jouissent ici des premières places, tels que le P. S . . . , M. P . . . . . , le P. B . . . . . , les deux C. S . . . . . , M . . . . . et un tas d'autres, qui ne méritent pas même d'être nommés, qui, hautains avec leurs inférieurs, rampent devant celui qu'ils craignent. Enfin, mon cher ami, je ne me sens pas du tout fait pour la place que j'occupe dans ce moment et encore moins pour celle qui m'est destinée un jour et à laquelle je me suis juré de renoncer, soit d'une manière, soit de l'autre.

«Voilà mon cher ami, le grand secret qu'il me tardait depuis si longtemps de vous communiquer et dont je n'ai

pas besoin de vous recommander le silence, car vous sentez que c'est une chose qui peut me casser la tête. J'ai prié M. Garrick, qu'en cas qu'il ne puisse vous remettre cette lettre, qu'il la brûle et qu'il n'en charge personne pour vous.

«J'ai beaucoup pesé et combattu cette matière, car il faut que je vous dise que ce projet m'est entré en idée avant même que je vous aye connu, et je n'ai pas tardé à me décider au parti que j'ai pris.

«Nos affaires sont dans un désordre incroyable; on pille de tous cotés; tous les départements sont mal administrés; l'ordre semble être banni de partout, et l'Empire ne fait qu'accroître ses domaines; ainsi comment se peut-il qu'un seul homme puisse suffire à le gouverner et, encore plus, à y corriger les abus; c'est absolument impossible non seulement à un homme de capacités ordinaires comme moi, mais même à un génie, et j'ai eu toujours pour principe qu'il valait mieux ne pas se charger d'une besogne, que de la remplir mal; c'est d'après ce principe que j'ai pris la résolution dont je vous ai parlé ci-dessus. Mon plan est, qu'ayant une fois renoncé à cette place si scabreuse (je ne peux pas fixer l'époque d'une telle renonciation), j'irai m'établir avec ma femme aux bords du Rhin, où je vivrai tranquille en simple particulier, faisant consister mon bonheur dans la société de mes amis et l'étude de la nature.

«Vous vous moquerez de moi; vous direz que c'est un projet chimérique: vous en êtes le maître; mais attendez l'événement et après cela je vous permets de juger. Je sais que vous me blâmerez; mais je ne peux pas faire autrement, car le repos de ma conscience est ma première règle, et elle ne pourrait jamais rester en repos, si j'entreprenais une chose au-dessus de mes forces. Voilà, mon cher ami, ce qu'il me tardait tant de vous dire; à présent que cela est fait, il ne me reste qu'à vous assurer, qu'où que je serai, heureux ou malheureux, dans le faste ou dans la misère, une de mes plus grandes consolations sera votre amitié pour moi, et croyez que la mienne ne finira qu'avec ma vie.

«Adieu, mon cher et vrai ami; ce qui pourrait m'arriver en attendant de plus heureux, cela serait de vous revoir.

«Ma femme vous dit mille choses; elle a des idées toutes conformes aux miennes (*).»

Миновали многіе годы. Тотъ, кто въ первой юности мечталъ о частной жизни на берегахъ Рейна, перешагнулъ его дважды съ лаврами побѣды и съ вѣтвію мира, отомстивъ за истребленіе Москвы сохраненіемъ Парижа. Россія сіяла славою своего Монарха; колѣнопреклоненная

(*) Переводы на Русскій языкъ какъ сего письма, такъ и другихъ, находящихся въ текстѣ разсказа, помѣщены послѣ всѣхъ приложеній.

×Европа звала Его своимъ избавителемъ, своимъ земнымъ провидѣніемъ. Но среди блеска всего величія, какое только доступно человѣку, Александръ—какъ бы исполнилось уже Его призваніе—не чувствовалъ Себя счастливымъ на Престолѣ.× Въ Немъ таилась прежняя мысль и—вскорѣ она выразилась еще положительнѣе.

×Было лѣто 1819-го года. Въ то время гвардейскіе полки стояли лагеремъ, подъ Краснымъ Селомъ, не въ составѣ цѣлаго корпуса, какъ нынѣ, а побригадно. ×Кончалась очередь той бригады 1-й пѣхотной дивизіи, которою командовалъ Великій Князь Николай Павловичъ (*). Государь лично присутствовалъ при сдѣланномъ ей, передъ выступленіемъ изъ лагеря, линейномъ ученіи, остался доволенъ и былъ чрезвычайно милостивъ къ Своему брату.

×Послѣ ученья Они обѣдали у Великой Княгини Александры Ѳеодоровны, втроемъ. Бесѣда, самая дружественная, переходила сперва отъ одного обыкновеннаго предмета къ другому; но вдругъ Государь далъ ей совершенно неожиданный оборотъ. Онъ сталъ говорить, что съ радостію видитъ семейное и родительское счастіе

× (*) Эту бригаду (2-ю) составляли полки Лейбъ-Гвардіи Измайловскій и Егерскій и Лейбъ-Гвардіи Саперный баталіонъ.

молодой четы (*); что Самъ никогда его не испыталъ, виня въ этомъ связь, которую имѣлъ съ молодости; что, впрочемъ, и воспитаніе, данное Ему и брату Его Константину, не было направлено къ тому, чтобы научить цѣнить подобное счастіе, и что у обоихъ нѣтъ даже дѣтей, которыхъ можно бы Имъ признать. Монархамъ— продолжалъ Онъ далѣе—для тяжелыхъ и постоянныхъ трудовъ, сопряженныхъ съ исполненіемъ лежащихъ на нихъ обязанностей, необходимы, сверхъ другихъ качествъ—въ нашемъ вѣкѣ еще болѣе чѣмъ когда либо— здоровье и физическая крѣпость, а Онъ чувствуетъ постепенное ихъ ослабленіе и предвидитъ что вскорѣ не будетъ болѣе въ состояніи исполнять эти обязанности такъ, какъ Онъ всегда ихъ понималъ; почему считаетъ за долгъ и непреложно рѣшился отказаться отъ Престола лишь только замѣтитъ, по упадку Своихъ силъ, что настало къ тому время. «Я не разъ говорилъ объ этомъ съ братомъ Константиномъ—заключилъ Государь— но онъ, будучи однихъ со Мною лѣтъ, въ тѣхъ же семейныхъ обстоятельствахъ и съ врожденнымъ, сверхъ того, отвращеніемъ отъ Престола, рѣшительно не хочетъ Мнѣ наслѣдовать, тѣмъ болѣе что Мы оба видимъ на васъ явный знакъ благодати Божіей, даровавшей вамъ сына. И такъ вы должны напередъ знать, что призываетесь, въ будущемъ, къ Императорскому сану.»

(*) У Ней былъ уже тогда сынъ Александръ и Великая Княгиня была беременна дочерью Маріею.

Какъ громомъ были поражены молодые супруги этою внезапною и грозною для нихъ вѣстію. Въ слезахъ, Они не находили словъ для отвѣта.

Видя сильное волненіе Великаго Князя и Его супруги, Александръ, съ отличавшею Его ангельскою ласкою, старался Ихъ ободрить и успокоить. «Минута переворота такъ васъ устрашившаго—сказалъ Онъ—еще не наступила; до нея, быть можетъ, пройдетъ еще лѣтъ десять, а Моя цѣль теперь была только та, чтобы вы заблаговременно пріучили себя къ мысли о непреложно и неизбѣжно ожидающей васъ будущности.» Напрасно Великій Князь представлялъ, что никогда не готовился къ высокому сану Императора; что не чувствуетъ въ себѣ, для такого великаго дѣла, ни достаточныхъ силъ, ни достаточной крѣпости духа; что у Него одно желаніе—служить всегда Государю, отъ всей души и всего разумѣнія, въ назначенномъ Ему кругу обязанностей, далѣе чего и не простираются Его помыслы. Государь дружески отвѣчалъ, что Онъ Самъ, при вступленіи на Престолъ, находился въ подобномъ же положеніи; что, сверхъ того, дѣла̀ были тогда крайне запущены, по отсутствію всякихъ основныхъ началъ въ управленіи: ибо хотя въ послѣдніе годы жизни Императрицы Екатерины порядку было и мало, но все нѣсколько держалось еще прежнимъ; со вступленія же на Престолъ Ихъ родителя, въ слѣдствіе принятаго правила совершенно уни-

чтожать все, дотолѣ существовавшее, и остальной порядокъ былъ разрушенъ, безъ замѣна другимъ; что, слѣдовательно, положеніе Его было еще труднѣе, тогда какъ теперь, послѣ преобразованій, совершенныхъ въ Его царствованіе, Великій Князь найдетъ все въ законномъ теченіи и устройствѣ, и ему придется только ихъ поддерживать.

Разговоръ кончился. Государь уѣхалъ. Но молодая чета чувствовала то же самое, что̀ могъ бы ощущать человѣкъ, который идетъ спокойно по ровной дорогѣ, въ прекрасной мѣстности, между цвѣтовъ, если бы вдругъ у него подъ ногами открылась страшная пропасть и его увлекало бы туда неодолимою силою, такъ что онъ не могъ бы ни отступить, ни воротиться (*). Никогда до тѣхъ поръ Великій Князь не былъ ни пріобщаемъ къ участію въ государственныхъ соображеніяхъ, ни вводимъ въ дѣла высшаго управленія. До 1818-го года Онъ не имѣлъ даже никакихъ служебныхъ занятій, и все Его знакомство со свѣтомъ ограничивалось впечатлѣніями, которыя уносилъ Онъ въ душѣ, проводя каждое утро, по часу и болѣе, въ дворцовыхъ передняхъ, или въ секретарской комнатѣ, посреди шумнаго собранія военныхъ и другихъ лицъ, которыя имѣли доступъ къ Государю и, до пріема, развле-

(*) Сравненіе это заимствовано въ точности изъ собственноручной записки въ Бозѣ почившаго Императора Николая I. То же самое было наблюдаемо вездѣ, гдѣ изображаются личныя чувства и впечатлѣнія Его Величества.

кали себя большею частію шутками и насмѣшками, иногда и интригами. Часы эти, конечно, не были для молодаго человѣка совершенно потеряны, представляя ему случай къ изученію людей: Онъ постоянно наблюдалъ, многое видѣлъ, многое понялъ, многихъ узналъ и—въ рѣдкомъ обманулся. Но все это служило болѣе урокомъ для частной жизни, нежели приготовленіемъ къ Престолу. ×Только осенью 1818-го года Великій Князь былъ назначенъ Командиромъ Гвардейской бригады, а за нѣсколько времени передъ тѣмъ вступилъ въ управленіе Инженернымъ корпусомъ, по возложенному на Него, въ Іюлѣ 1817-го года, въ одинъ день съ назначеніемъ Шефомъ Лейбъ-Гвардіи Сапернаго баталіона, званію Генералъ-Инспектора. ×На санъ Императорскій Онъ смотрѣлъ не иначе, какъ съ благоговѣйнымъ страхомъ, особенно при живомъ примѣрѣ брата, который отдавалъ всего себя въ жертву своему долгу и, между тѣмъ, такъ мало успѣлъ стяжать благодарности — по крайней мѣрѣ отъ современниковъ. И вдругъ, вмѣсто призванія, предопредѣленнаго Великому Князю порядкомъ рожденія, исполнять ревностно однѣ скромныя обязанности подданнаго, вмѣсто тихихъ радостей едва начавшагося семейнаго счастія, передъ Нимъ открывалась столь неожиданная будущность—нести тяжкое, грозно-отвѣтственное передъ совѣстію и Богомъ, бремя владычества надъ огромнѣйшею державою въ мірѣ! . . . . . .

×Послѣ описаннаго разговора, Государь, при бесѣдахъ

съ Великимъ Княземъ и Его супругою, нерѣдко опять намекалъ на тотъ же предметъ, но никогда не входилъ въ подробности, а Они сами всячески старались отъ сего уклоняться. Между тѣмъ время текло безъ видимыхъ дѣйствій къ осуществленію высказаннаго Александромъ намѣренія.

20-го Марта 1820-го года, какъ извѣстно, былъ расторгнутъ бракъ Цесаревича Константина Павловича съ Великою Княгинею Анною Ѳеодоровною. Въ тотъ же день послѣдовалъ манифестъ, которымъ узаконялось, что лице Императорской фамиліи, вступившее въ брачный союзъ съ лицемъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, т. е. не принадлежащимъ ни къ какому царственному или владѣтельному дому, не можетъ сообщать ему правъ, принадлежащихъ членамъ Императорской фамиліи, и что дѣти, отъ такого союза происшедшія, не имѣютъ права на наслѣдованіе Престола. Какъ бы раскрывая передъ народомъ тайную цѣль, въ видахъ которой изданъ былъ манифестъ, Цесаревичъ 12-го Мая того же года сочетался съ Графинею Іоанною Грудзинскою, Княгинею Ловицкою. И прежде уже—мы видѣли это изъ словъ Императора Александра — Цесаревичъ уклонялся отъ воспринятія царскаго вѣнца; но если бы и было еще съ Его стороны колебаніе, то всенародный законъ, которымъ Его супруга и будущее Ихъ потомство впередъ устранялись отъ состава и правъ Императорской фамиліи, конечно могъ

и долженъ былъ утвердить Его рѣшимость: по крайней мѣрѣ Онъ скоро открылся въ ней тому изъ младшихъ Своихъ братьевъ, къ которому питалъ особенно теплую дружбу.

Послѣ тяжкой болѣзни, Великій Князь Михаилъ Павловичъ пользовался, въ лѣтніе мѣсяцы 1821-го года, водами въ Карлсбадѣ и Маріенбадѣ, и на возвратномъ пути заѣхалъ въ Варшаву—постоянное мѣстопребываніе Цесаревича. Туда, къ тому же времени, ожидали съ Эмскихъ водъ и Великаго Князя Николая Павловича съ супругою. Въ приготовленіяхъ къ Ихъ пріему, Цесаревичъ сказалъ однажды Своему брату: «видишь ли, Michel—такъ обыкновенно Онъ Его звалъ—съ тобою мы по домашнему, а когда жду брата Николая, мнѣ все кажется будто готовлюсь встрѣчать самого Государя!» Эти слова, брошенныя мимоходомъ, были только введеніемъ къ открытію важнѣйшему. Однажды оба брата прогуливались вмѣстѣ въ коляскѣ. «Ты знаешь мою довѣренность къ тебѣ—сказалъ вдругъ Цесаревичъ—теперь хочу еще болѣе доказать ее, ввѣривъ тебѣ великую тайну, которая лежитъ у меня на душѣ. Не дай Богъ намъ дожить до величайшаго несчастія, какое только можетъ постичь Россію: потери Государя; но знай, что если этому удару суждено совершиться еще при моей жизни, то я далъ себѣ святое обѣщаніе отказаться, навсегда и невозвратно, отъ Престола. У меня два главныя къ тому побужденія. Я, во-первыхъ, такъ люблю, уважаю и чту

брата Александра, ×что не могу безъ горести, даже безъ ужаса, вообразить себѣ возможность занять Его мѣсто; во-вторыхъ, жена моя не принадлежитъ ни къ какому владѣтельному дому и, что̀ еще болѣе, она— Полька: ×слѣдственно нація не можетъ имѣть ко мнѣ нужной довѣренности и отношенія наши будутъ всегда двусмысленны. ×И такъ, я твердо рѣшился уступить мое право брату Николаю и ничто, никогда, не поколеблетъ этой, здраво обдуманной, рѣшимости. Покамѣстъ, она должна оставаться между нами; но если бы когда нибудь братъ Николай Самъ заговорилъ съ тобою объ этомъ, завѣрь Его моимъ словомъ, что я буду Ему вѣрный и ревностный слуга до гроба, вездѣ гдѣ Онъ захочетъ меня употребить, а когда бъ и Его при мнѣ не стало, то съ такимъ же усердіемъ буду служить Его сыну, можетъ быть еще и съ бо̀льшимъ, потому что Онъ носитъ имя моего благодѣтеля.»

×Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора пріѣхалъ въ Варшаву Николай Павловичъ. Цесаревичъ принялъ новаго гостя со всегдашнею привѣтливостію,× но приводилъ его часто въ замѣшательство почестями, не соотвѣтствовавшими Его сану. Великій Князь всѣми мѣрами старался отъ нихъ уклониться и просилъ освободить Его отъ такого почета, который принималъ иногда даже видъ насмѣшливости; старшій братъ отговаривался шуткою: ××«это все отъ того, что ты Царь Мирликійскій!»

Прозвище это Онъ съ тѣхъ поръ сталъ обыкновенно употреблять при именованіи Николая Павловича (*).

Въ слѣдующую зиму, съ 1821-го на 1822-й годъ, послѣ маневровъ при мѣстечкѣ Бешенковичахъ, на которые собранъ былъ весь Гвардейскій корпусъ, особенныя государственныя и политическія соображенія побудили удержать этотъ корпусъ въ Западныхъ губерніяхъ. Съ нимъ, при своихъ бригадахъ, остались и оба младшіе Великіе Князя. Но къ новому году Они пріѣхали временно въ Петербургъ, куда прибыли также Цесаревичъ изъ Варшавы и Великая Княгиня Марія Павловна изъ Веймара, такъ что въ столицѣ соединилось почти все Царственное семейство.

Въ это время должно было совершиться, или по крайней мѣрѣ окончательно предуготовиться, то великое историческое событіе, которое направило дальнѣйшія судьбы Россіи.

Цесаревичъ, въ пріѣзды Свои въ Петербургъ, всегда останавливался въ принадлежавшемъ ему Мраморномъ —нынѣ Константиновскомъ—дворцѣ, и послѣ семейнаго

(*) Извѣстно что угодникъ, во имя котораго, при св. крещеніи, былъ нареченъ Великій Князь Николай Павловичъ, имѣетъ наименованіе чудотворца Мирликійскаго, отъ города, въ которомъ былъ святителемъ, и области, гдѣ находился этотъ городъ *(Миръ въ Ликіи)*.

ужина у Императрицы-матери, часовъ около десяти, увозилъ младшаго брата къ Себѣ, проводя часть ночи въ бесѣдѣ съ Нимъ. Однажды вечеромъ, въ Январѣ 1822 года, Михаилъ Павловичъ ожидалъ въ Своихъ комнатахъ (*) выхода Императрицы къ столу; но пробило десять часовъ, потомъ и одиннадцать, а за Нимъ все еще не приходили; наконецъ позвали Его уже въ двѣнадцатомъ. У Императрицы Онъ нашелъ только Цесаревича и Великую Княгиню Марію Павловну и, входя, увидѣлъ какъ Великая Княгиня обнимала брата, съ словами: «vous étes un honnète homme, mon frère!» Болѣе при Великомъ Князѣ ничего не было сказано и ужинъ прошелъ въ разговорѣ о предметахъ обыкновенныхъ. Послѣ стола Цесаревичъ, какъ всегда, повезъ Михаила Павловича въ Мраморный дворецъ.

«Помнишь ли слова мои въ Варшавѣ?»—былъ первый Его вопросъ, лишь только Они сѣли въ сани. «Сегодня вечеромъ все устроилось. Я окончательно подтвердилъ Государю и матушкѣ мои намѣренія и неизмѣнную рѣшимость. Они поняли и оцѣнили мой образъ мыслей. Государь обѣщалъ составить обо всемъ особый актъ и положить его къ прочимъ, хранящимся на престолѣ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ; но актъ этотъ будетъ

(*) Въ Зимнемъ дворцѣ. Великій Князь Николай Павловичъ жилъ тогда уже отдѣльно, въ Аничкиномъ Своемъ домѣ, и потому на ужинахъ у Императрицы бывалъ только по особеннымъ случаямъ.

содержимъ въ глубокой тайнѣ и огласится только тогда, когда настанетъ для того нужная пора.»

×Въ слѣдствіе этого рѣшительнаго объясненія, Цесаревичъ немедленно положилъ *оффиціальную* основу дѣлу, письмомъ къ Императору Александру отъ 14-го Января 1822-го года. Проектъ письма былъ сперва разсмотрѣнъ Самимъ Императоромъ и даже собственноручно Имъ исправленъ. Вотъ это письмо, съ означеніемъ въ немъ и поправокъ Александра (*):

×«Всемилостивѣйшій Государь! Обнадеженъ опытами неограниченнаго благосклоннаго расположенія Вашего Императорскаго Величества ко мнѣ, ×осмѣливаюсь еще разъ прибѣгнуть къ *оному* (**) и изложить у ногъ Вашихъ, Всемилостивѣйшій Государь! всенижайшую просьбу мою.

×«Не чувствуя въ себѣ ни тѣхъ дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобъ быть, когда бы то ни было, возведену на то достоинство, къ которому по рожденію моему могу имѣть право, осмѣливаюсь (***) просить Вашего Императорскаго Величества передать сіе право тому, кому оно принадлежитъ послѣ меня, и тѣмъ самымъ

(*) Всѣ поправки, сдѣланныя Императоромъ Александромъ въ письмѣ, означены курсивомъ.

(**) Въ проектѣ письма было написано: «къ онымъ.»

(***) Въ проектѣ было здѣсь еще слово «вѣрноподданнѣйше.»

утвердить навсегда непоколебимое положеніе нашего Государства.× Симъ *могу я прибавить* (*) еще новый залогъ и новую силу тому обязательству, которое (**) далъ *я непринужденно и торжественно*,×при случаѣ развода моего съ первою моею женою. Всѣ обстоятельства нынѣшняго моего положенія меня наиболѣе къ *сему* (***) убѣждаютъ и будутъ предъ Государствомъ нашимъ и свѣтомъ новымъ *доказательствомъ моихъ искреннихъ чувствъ* (****).

×«Всемилостивѣйшій Государь! Примите просьбу Мою благосклонно; испросите на оную согласіе всеавгустѣйшей родительницы *нашей* (*****)×и утвердите оную Вашимъ Императорскимъ словомъ. Я же потщусь всегда, поступая въ партикулярную жизнь, быть примѣромъ Вашихъ вѣрноподданныхъ и вѣрныхъ сыновъ любезнѣйшаго Государства нашего.»

Но, не смотря на все предшествовавшее,×Александръ колебался еще въ окончательномъ рѣшеніи дѣла. Отвѣтъ Его послѣдовалъ спустя болѣе двухъ недѣль, именно 2-го

(*) Вмѣсто сихъ словъ, въ проектѣ было написано: «самымъ я могу дать.»

(**) Стоявшее здѣсь въ проектѣ мѣстоименіе «я» зачеркнуто.

(***) Въ проектѣ было написано: «въ семъ.»

(****) Сими словами замѣнены слѣдующія, находившіяся въ проектѣ: «опытомъ и новымъ залогомъ въ непринужденномъ моемъ на то согласіи, будучи торжественно сдѣлано.»

(*****) Въ проектѣ было написано «моей.»

Февраля. Въ письмѣ къ Цесаревичу, написанномъ собственною Его рукою, было изображено:

«Любезнѣйшій братъ! Съ должнымъ вниманіемъ читалъ Я письмо ваше. Умѣвъ всегда цѣнить возвышенныя чувства вашей доброй души, сіе письмо Меня не удивило. Оно дало Мнѣ новое доказательство искренней любви вашей къ Государству и попеченія о непоколебимомъ спокойствіи онаго.

«По вашему желанію предъявилъ Я письмо сіе любезнѣйшей родительницѣ Нашей. Она его читала съ тѣмъ же, какъ и Я, чувствомъ признательности къ почтеннымъ побужденіямъ, васъ руководствовавшимъ.

«Намъ обоимъ остается, уваживъ причины, вами изъясненныя, дать полную свободу вамъ слѣдовать непоколебимому рѣшенію вашему, прося всемогущаго Бога, дабы Онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній.»

Этимъ тогда все и ограничилось. Николай Павловичъ и супруга Его *ничего не знали* о происшедшемъ. Только съ тѣхъ поръ Императрица Марія Ѳеодоровна, въ разговорахъ съ Ними, дѣлала иногда намеки, въ смыслѣ сказаннаго прежде Государемъ, и упоминала вскользь о какомъ-то актѣ отреченія, составленномъ

въ Ихъ пользу, спрашивая: не показывалъ ли Имъ чего Государь? Всѣ прочіе члены Царственной семьи хранили глубокое молчаніе и, кромѣ Великой Княгини Маріи Павловны, изъ Нихъ, по видимому, никто также не зналъ ничего положительнаго.

Но одними письмами семейными не могъ быть измѣненъ основный законъ Имперіи. Чтобы облечь содержаніе ихъ въ полную и обязательную силу такого же закона, необходимъ былъ еще актъ государственный— тотъ актъ, котораго составленіе Александръ обѣщалъ Цесаревичу на словахъ, но о которомъ не упомянулъ въ Своемъ письмѣ. Императоръ опять не спѣшилъ этимъ дѣломъ. Актъ былъ составленъ уже гораздо позже, въ непроницаемой тайнѣ. Единственными хранителями ея Александръ избралъ Графа Аракчеева (*), Князя Голицына (**) и еще то лице, которому призналъ за благо поручить самое начертаніе акта.

(*) Графъ Алексѣй Андреевичъ. *Оффиціально* онъ былъ въ то время Предсѣдателемъ Военнаго Департамента Государственнаго Совѣта и Главнымъ Начальникомъ Военныхъ Поселеній, *въ существѣ*—довѣреннымъ докладчикомъ и наперсникомъ по всѣмъ дѣламъ государственнымъ. Умеръ въ 1834 году, не неся никакихъ служебныхъ обязанностей, въ званіи Члена Совѣта и Шефа Гренадерскаго своего имени полка.

(**) Князь Александръ Николаевичъ, тогда Министръ Духовныхъ Дѣлъ, а въ послѣдствіи Главноначальствующій надъ Почтовымъ Департаментомъ. Позже, лишась зрѣнія, онъ оставилъ служебную дѣятельность, сохранилъ только званіе Члена Государственнаго Совѣта и умеръ, въ 1844 году, въ имѣніи своемъ, на южномъ берегу Крыма.

×Лѣтомъ 1823-го года, Московскій Архіепископъ (нынѣ Митрополитъ) Филаретъ, находясь въ Петербургѣ для присутствованія въ Синодѣ, просилъ временнаго увольненія въ свою епархію. Князь Голицынъ, въ званіи Министра Духовныхъ Дѣлъ, объявилъ ему на сіе, *открыто*, Высочайшее соизволеніе, и въ то же время, *секретно*, Высочайшую волю исполнить, прежде отъѣзда, особое порученіе Государя. ×Вслѣдъ за тѣмъ ему было передано подлинное письмо Цесаревича 1822-го года и повелѣно написать проектъ манифеста (*) о назначеніи Наслѣдникомъ Престола Великаго Князя Николая Павловича ×съ тѣмъ, чтобы актъ сей, оставаясь въ тайнѣ пока не настанетъ время привести его въ исполненіе, хранился въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, съ прочими царственными актами. Мысль о тайнѣ тотчасъ родила въ умѣ Филарета вопросъ: какимъ же образомъ, при наступленіи эпохи восшествія на Престолъ, естественно имѣющаго быть въ Петербургѣ, сообразить это дѣйствіе съ манифестомъ, втайнѣ хранящимся въ Москвѣ? ×Онъ не скрылъ своего недоумѣнія и Государь, въ слѣдствіе то-

×(*) Дотолѣ составленіе важныхъ государственныхъ актовъ возлагалось всегда на Михаила Михаиловича Сперанскаго, который, въ эту эпоху, снова (съ 1821 года) былъ приближенъ къ лицу и довѣрію Императора Александра. Отъ чего же сочиненіе именно *этого* манифеста довѣрено было Архіепископу Филарету, не имѣвшему прежде никогда подобныхъ порученій? Не для отвращенія ли всякихъ подозрѣній въ государственной важности дѣла, если бы и узнали въ публикѣ, что велѣно написать что-то секретное лицу новому и притомъ духовному?

го, соизволилъ, чтобы списки съ составляемаго акта хранились также въ Петербургѣ: въ Государственномъ Совѣтѣ, въ Синодѣ и въ Сенатѣ, что̀ было включено и въ самый проектъ. Вручивъ послѣдній Князю Голицыну, Филаретъ, какъ уже уволенный въ Москву, просилъ позволенія откланяться и былъ допущенъ передъ Государя на Каменномъ Острову; но вмѣстѣ получилъ повелѣніе дождаться возвращенія проекта, для нѣкоторыхъ въ немъ поправокъ. Государь уѣхалъ въ Царское Село. Прошло нѣсколько дней. Филаретъ, заботясь о ввѣренной ему тайнѣ и слыша что продолженіе пребыванія его въ Петербургѣ, послѣ того какъ всѣмъ уже было извѣстно что онъ уволенъ, возбуждаетъ вопросы любопытства, просилъ позволенія исполнить Высочайшую волю при проѣздѣ черезъ Царское Село, гдѣ могъ остановиться подъ видомъ посѣщенія Князя Голицына. Такъ и сдѣлалось. Филаретъ нашелъ у Князя возвращенный проектъ; нѣкоторыя слова̀ и выраженія были въ немъ подчеркнуты; стараясь угадывать, почему они не соотвѣтствовали мыслямъ Государя, онъ замѣнилъ ихъ другими.

Манифестъ, вышедшій такимъ образомъ изъ-подъ пера Архіепископа Филарета, былъ слѣдующаго содержанія:

«Божіею милостію Мы, Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и проч.

и проч. и проч. Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ. Съ самаго вступленія Нашего на Всероссійскій Престолъ, непрестанно Мы чувствуемъ Себя обязанными предъ Вседержителемъ Богомъ, чтобы не только во дни Наши охранять и возвышать благоденствіе возлюбленнаго Намъ отечества и народа, но также предуготовить и обезпечить ихъ спокойствіе и благосостояніе послѣ Насъ, чрезъ ясное и точное указаніе преемника Нашего сообразно съ правами Нашего Императорскаго Дома и съ пользами Имперіи. Мы не могли, подобно предшественникамъ Нашимъ, рано провозгласить его по имени, оставаясь въ ожиданіи, будетъ ли благоугодно недовѣдомымъ судьбамъ Божіимъ даровать Намъ наслѣдника Престола въ прямой линіи. Но чѣмъ далѣе протекаютъ дни Наши, тѣмъ болѣе поспѣшаемъ Мы поставить Престолъ Нашъ въ такое положеніе, чтобы онъ ни на мгновеніе не могъ остаться празднымъ.

«Между тѣмъ какъ Мы носили въ сердцѣ Нашемъ сію священную заботу, возлюбленный братъ Нашъ, Цесаревичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ, по собственному внутреннему побужденію, принесъ Намъ просьбу, чтобы право на то достоинство, на которое онъ могъ бы нѣкогда быть возведенъ по рожденію своему, передано было тому, кому оное принадлежитъ послѣ него. Онъ изъяснилъ при семъ намѣреніе, чтобы такимъ образомъ дать новую силу дополнительному акту

о наслѣдованіи Престола, постановленному Нами въ 1820 году, и имъ, поколику то до него касается, непринужденно и торжественно признанному.

«Глубоко тронуты Мы сею жертвою, которую Нашъ возлюбленный братъ, съ такимъ забвеніемъ своей личности, рѣшился принести для утвержденія родовыхъ постановленій Нашего Императорскаго Дома и для непоколебимаго спокойствія Всероссійской Имперіи.

«Призвавъ Бога въ помощь, размысливъ зрѣло о предметѣ, столь близкомъ къ Нашему сердцу и столь важномъ для Государства, и находя, что существующія постановленія о порядкѣ наслѣдованія Престола, у имѣющихъ на него право не отъемлютъ свободы отрещись отъ сего права въ такихъ обстоятельствахъ, когда за симъ не предстоитъ никакого затрудненія въ дальнѣйшемъ наслѣдованіи Престола,—съ согласія августѣйшей родительницы Нашей, по дошедшему до Насъ наслѣдственно верховному праву главы Императорской фамиліи, и по врученной Намъ отъ Бога самодержавной власти, «Мы опредѣлили: *во-первыхъ:* свободному отреченію перваго брата Нашего, Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича отъ права на Всероссійскій Престолъ быть твердымъ и неизмѣннымъ; актъ же сего отреченія, ради достовѣрной извѣстности, хранить въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ Соборѣ и въ трехъ

высшихъ правительственныхъ мѣстахъ Имперіи Нашей: въ Святѣйшемъ Синодѣ, Государственномъ Совѣтѣ и Правительствующемъ Сенатѣ; *во-вторыхъ:* въ слѣдствіе того, на точномъ основаніи акта о наслѣдованіи Престола, наслѣдникомъ Нашимъ быть второму брату Нашему, Великому Князю Николаю Павловичу.

«Послѣ сего Мы остаемся въ спокойномъ упованіи, что въ день, когда Царь Царствующихъ, по общему для земнородныхъ закону, воззоветъ Насъ отъ сего временнаго царствія въ вѣчность, государственныя сословія, которымъ настоящая непреложная воля Наша и сіе законное постановленіе Наше, въ надлежащее время, по распоряженію Нашему, должно быть извѣстно, немедленно принесутъ вѣрноподданническую преданность свою назначенному Нами наслѣдственному Императору единаго нераздѣльнаго Престола Всероссійскія Имперіи, Царства Польскаго и Княжества Финляндскаго. О Насъ же просимъ всѣхъ вѣрноподданныхъ Нашихъ, да они съ тою любовію, по которой Мы въ попеченіи о ихъ непоколебимомъ благосостояніи полагали высочайшее на земли благо, принесли сердечныя мольбы къ Господу и Спасителю Нашему Іисусу Христу о принятіи души Нашей, по неизреченному Его милосердію, въ царствіе Его вѣчное.»

×Въ томъ же году, 25-го Августа, Императоръ Александръ прибылъ въ Москву и 27-го прислалъ Архіепископу упомянутый манифестъ, подписанный въ Царскомъ Селѣ, 16-мъ числомъ того же мѣсяца. Онъ былъ въ запечатанномъ конвертѣ,×съ собственноручною надписью Государя: «Хранить въ Успенскомъ Соборѣ, съ государственными актами, до востребованія Моего,×а въ случаѣ Моей кончины открыть Московскому Епархіальному Архіерею и Московскому Генералъ-Губернатору въ Успенскомъ Соборѣ, прежде всякаго другаго дѣйствія.» На слѣдующій день посѣтилъ Архіепископа Графъ Аракчеевъ и освѣдомясь, получены ли имъ извѣстныя бумаги, спросилъ далѣе: какъ внесутся онѣ въ соборъ? Филаретъ отвѣчалъ, что 29-го числа, въ навечеріе дня тезоименитства Государя, онъ будетъ лично совершать всенощное бдѣніе въ Успенскомъ Соборѣ и при вступленіи въ алтарь, по чину службы, прежде ея начатія, воспользуется этимъ временемъ,×чтобы положить запечатанный конвертъ въ ковчегъ къ прочимъ актамъ, не открывая впрочемъ никому что̀ это значитъ.×Мысль его была, чтобы по крайней мѣрѣ тѣ немногіе, которые будутъ въ алтарѣ, замѣтили какъ къ государственнымъ актамъ пріобщено что-то неизвѣстное и чтобы отъ этого остались, въ случаѣ кончины Государя, нѣкоторая догадка и побужденіе вспомнить о ковчегѣ и обратиться къ вопросу: нѣтъ ли въ немъ чего на этотъ случай? Аракчеевъ ничего не отвѣтилъ и вышелъ;×но скоро опять возвратился

съ отзывомъ, что Государю не угодна ни малѣйшая огласка. И такъ 29-го Августа, когда въ соборѣ были только Протопресвитеръ, Сакелларій и Прокуроръ Синодальной Конторы съ печатью, Архіепископъ вошелъ въ алтарь, показалъ имъ печать, но не надпись принесеннаго конверта, положилъ его въ ковчегъ, заперъ, запечаталъ и объявилъ всѣмъ тремъ свидѣтелямъ, къ строгому исполненію, Высочайшую волю, чтобы о совершившемся никому не было открываемо. Онъ не сомнѣвался, что существованіе манифеста извѣстно, по крайней мѣрѣ, Князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну, которому, въ качествѣ Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, надписью на конвертѣ поручалось вскрыть его въ свое время, но не рѣшился объясниться съ Княземъ по этому предмету, не имѣвъ на то уполномочія. Позже оказалось, что Генералъ-Губернатору ничего не было сообщено и что о новомъ актѣ, положенномъ къ прочимъ въ Успенскомъ Соборѣ, онъ узналъ только уже послѣ кончины Императора Александра, отъ самого Филарета.

По подписаніи манифеста и положеніи подлинника въ Успенскомъ Соборѣ, списки съ него были посланы въ Государственный Совѣтъ, Синодъ и Сенатъ, но не тотчасъ, а спустя довольно продолжительное время. Такъ, напримѣръ, въ Государственный Совѣтъ копія съ манифеста, подписаннаго 16-го Августа, достигла не ранѣе 15-го Октября. Всѣ эти списки, какъ и самый подлинникъ, были

переписаны рукою Князя А. Н. Голицына и разосланы, по принадлежности, въ конвертахъ за Императорскою печатью. На доставленномъ въ Совѣтъ Государь написалъ собственною рукою: «Хранить въ Государственномъ Совѣтѣ до Моего востребованія, а въ случаѣ Моей кончины раскрыть, прежде всякаго другаго дѣйствія, въ чрезвычайномъ собраніи.» Подобныя же и также собственноручныя надписи были и на двухъ другихъ конвертахъ. Разсылка копій съ манифеста въ Петербургѣ, при переходахъ по канцеляріямъ, не могла остаться столько же безгласною, какъ въ Москвѣ; но самое содержаніе конвертовъ, гдѣ, по краснорѣчивому выраженію Архіепископа Филарета «какъ бы во гробѣ хранилась погребенною Царская тайна, сокрывавшая государственную жизнь (*)», было извѣстно только тремъ избранникамъ. Публика, даже высшіе сановники, ничего не знали: терялись въ соображеніяхъ, догадкахъ, но не могли остановиться ни на чемъ вѣрномъ. Долго думали и говорили о загадочныхъ конвертахъ; наконецъ вѣсть о нихъ, покружась въ городѣ, была постигнута общею участію: ею перестали заниматься. Не зналъ ничего о манифестѣ и тотъ, чья судьба имъ рѣшалась. Тайна была сохранена во всей цѣлости.

При внимательномъ соображеніи изложенныхъ событій, самъ собою возникаетъ рядъ вопросовъ, которыхъ

(*) Слово, произнесенное въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, 18-го Декабря 1825 года.

разрѣшеніе можно теперь основать только на однихъ умозаключеніяхъ, болѣе или менѣе вѣроятныхъ; ибо истинный къ нимъ ключъ исчезъ вмѣстѣ съ дѣятелями. Письмо Цесаревича объ отреченіи и отвѣтъ Государя послѣдовали въ самомъ началѣ 1822-го года, а манифестъ, облекшій эту домашнюю переписку въ силу закона, состоялся только во второй половинѣ 1823-го года. Какая была причина сего умедленія? По чувствамъ пріязни, которыя питалъ Александръ ко второй супругѣ Своего брата, можно подумать, что Онъ хотѣлъ сперва лично удостовѣриться и въ ея согласіи на дѣйствіе Цесаревича; но Онъ свидѣлся съ нею, въ Варшавѣ, осенью того же 1822-го года, а манифестъ подписанъ только годъ спустя. Слѣдственно разрѣшенія этого *перваго* вопроса, какъ и причины медленности въ разсылкѣ списковъ съ манифеста, едва ли не должно искать въ однихъ личныхъ свойствахъ Александра и въ особенностяхъ Его характера. Мы знаемъ, что одна изъ часто употреблявшихся Имъ поговорокъ, которой Онъ любилъ держаться и на самомъ дѣлѣ, была: десять разъ примѣрь, а одинъ отрѣжь (*)!

(*) Такъ, кажется, понималъ причину этого умедленія и самъ Цесаревичъ. Въ «Торжественномъ объявленіи любезнѣйшимъ соотчичамъ», о которомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, Онъ писалъ: «По возвышенности чувствъ души Своей и по неусыпнымъ попеченіямъ о благѣ Россіи, Государь Императоръ хотя удостоилъ меня собственноручнымъ Высочайшимъ Императорскимъ рескриптомъ отъ 2-го Февраля 1822-го года, изъявляющимъ одобреніе и принятіе моего намѣренія и рѣшенія, но еще долго оставлялъ важность сего предмета безъ окончательнаго совершенія онаго государственными актами, спустя уже 18 мѣсяцевъ и 12 дней

Другой вопросъ: отъ чего, когда при перемѣнѣ въ порядкѣ наслѣдія ничто не противустояло немедленному провозглашенію акта самодержавной власти, а отсрочка обнародованія его до эпохи упраздненія Престола могла, напротивъ, грозить важными замѣшательствами, предпочтено было облечь все дѣло тайною? Прежнее намѣреніе Императора—сойти съ Престола еще при жизни—не могло имѣть здѣсь вліянія, какъ потому, что исполненіе его всегда оставалось во власти Самодержца, такъ и потому, что сокрытый втайнѣ манифестъ отлагалъ вступленіе Николая Павловича въ права наслѣдственныя не до отреченія, а именно *до дня* «когда Царь Царствующихъ воззоветъ Императора Александра отъ временнаго житія въ вѣчность.» Слѣдовательно и на *второй* вопросъ должно искать отвѣтъ въ тогдашнемъ расположеніи духа и направленіи мыслей Государя, отчасти же, можетъ быть, въ опасеніи—плодѣ предшедшихъ разговоровъ—чтобы и второй братъ не отказался, по примѣру старшаго, принять бремя правленія. Такъ или иначе, но убѣжденіе въ необходимости тайны не оставляло Александра до Его кончины. Незадолго передъ назначенною, въ осень 1825-го года, поѣздкою въ Таганрогъ, Онъ призналъ нужнымъ разобрать Свои бумаги. Разборъ ихъ производился Княземъ А. Н. Голицынымъ, въ кабинетѣ Государя и всегда въ личномъ Его присутствіи. Однаж-

присланными въ Государственный Совѣтъ и въ Правительствующій Сенатъ отъ 16-го Августа 1823-го года.»

ды, при откровенныхъ бесѣдахъ во время этой работы, Голицынъ, изъявляя несомнѣнную надежду что Государь возвратится въ столицу въ полномъ здоровьѣ, позволилъ себѣ, однако, замѣтить, как неудобно акты, измѣняющіе порядокъ престолонаслѣдія, оставлять, при продолжительномъ отсутствіи, необнародованными и какая можетъ родиться отъ того опасность въ случаѣ внезапнаго несчастія. Александръ сперва, казалось, былъ пораженъ справедливостію замѣчаній Голицына; но, послѣ минутнаго молчанія, указавъ рукою на небо, тихо сказалъ: «remettons-nous en à Dieu: Il saura mieux ordonner les choses que nous autres faibles mortels!» Наконецъ *третій* вопросъ: слова въ надписи на конвертахъ: «Хранить *до Моего востребованія*» имѣли ли въ виду одну, возможную въ будущемъ, перемѣну лица наслѣдника, или входили въ кругъ прежней мысли отреченія при жизни? Могло быть и послѣднее: по крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что Александръ постоянно возвращался къ изъявленію этой мысли. Почти черезъ два года послѣ подписанія манифеста, весною 1825-го года, пріѣхалъ въ Петербургъ Принцъ Оранскій (*), связанный особенною дружбою съ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ. Государь повѣрилъ и ему Свое желаніе сойти съ Престола. Принцъ ужаснулся. Въ порывѣ пламеннаго сердца, онъ старался доказать, спер-

(*) Въ послѣдствіи Король Нидерландскій Вильгельмъ II, скончавшійся въ 1849 году.

ва на словахъ, потомъ даже письменно, какъ пагубно было бы для Россіи осуществленіе такого намѣренія и какіе, при обыкновенномъ стремленіи изъяснять всякій поступокъ преимущественно въ дурную сторону, могли бы возникнуть отъ того превратные толки. Александръ выслушалъ милостиво всѣ возраженія и—остался непреклоненъ..... Вскорѣ судьба должна была все иначе рѣшить!

30-го Августа 1825-го года, въ день Своего тезоименитства, Александръ посѣтилъ, по обыкновенію, Невскую Лавру. Его сопровождалъ, и туда и назадъ, Великій Князь Николай Павловичъ. Государь былъ пасмуренъ, но между тѣмъ особенно благосклоненъ къ Своему брату и сказалъ Ему, что думалъ купить для Него дачу Мятлевой (*), однако остановился за невѣроятно высокою цѣною и жалуетъ Ему, по Его желанію, другое мѣсто, также близъ Петергофа (**). Ни одно слово въ этой бесѣдѣ не коснулось разговора 1819-го года. Въ тотъ же день освящали отстроенный дворецъ Великаго Князя Михаила Павловича, гдѣ былъ потомъ обѣдъ. Здѣсь Николай Павловичъ, отправлявшійся вечеромъ на инспекцію въ Бобруйскъ, *впослѣдніе* простился съ тѣмъ, къ которому всегда питалъ чувства облагодѣтель-

(*) Знаменское близъ Петергофа.

(**) Теперешняя дача вдовствующей Государыни Императрицы—Александрія.

ствованнаго, и съ Императрицею Елисаветою Алексѣевною. Михаилъ Павловичъ съ своей стороны отправился въ Варшаву, куда часто ѣздилъ навѣщать Цесаревича.

1-го Сентября, въ началѣ 5-го часа утра, Государь опять пріѣхалъ въ Невскую Лавру; но на этотъ разъ совершенно одинъ. Онъ отслушалъ напутственное молебствіе у раки святаго угодника, посѣтилъ Митрополита Серафима и потомъ, уединясь въ кельѣ схимника Алексія, стяжавшаго себѣ извѣстность подвижническою жизнію, долго съ нимъ бесѣдовалъ. Въ половинѣ 6-го, прямо изъ Лавры, Онъ предпринялъ путешествіе въ Таганрогъ . . . .

Въ Варшавѣ, со второй половины Ноября, приближенные начали замѣчать, что Цесаревичъ Константинъ не въ обыкновенномъ расположеніи духа и чрезвычайно мраченъ. Онъ даже часто не выходилъ къ столу, а на распросы брата отвѣчалъ отрывисто, что Ему не совсѣмъ здоровится. Прошло еще нѣсколько дней и Михаилъ Павловичъ замѣтилъ, по дневнымъ рапортамъ Коменданта, что пріѣхало два или три фельдъегеря изъ Таганрога, почти въ слѣдъ одинъ за другимъ. «Что это значитъ?» спросилъ Онъ.—«Ничего важнаго—отвѣчалъ Цесаревичъ, съ видомъ равнодушія—Государь утвердилъ награды, которыя я испрашивалъ разнымъ дворцо-

вымъ чиновникамъ за послѣднее Его здѣсь пребываніе.» Въ самомъ дѣлѣ, на другой день, награжденные явились благодарить; но Цесаревичъ казался еще грустнѣе, еще разстроеннѣе.×25-го числа Онъ опять не вышелъ къ столу, и Великій Князь, отобѣдавъ съ Княгинею Ловицкою, прилегъ отдохнуть. Вдругъ Его будитъ Цесаревичъ. «Приготовься—сказалъ Онъ—услышать о страшномъ несчастіи!»—«Что такое? Не случилось ли чего нибудь съ матушкою?»—«Нѣтъ, благодаря Бога; но насъ, цѣлую Россію, посѣтило то ужасное несчастіе, котораго я всегда и болѣе всего боялся. Мы потеряли нашего благодѣтеля—не стало Государя!» . . . . . Тогда только открылась причина загадочной грусти Цесаревича. Съ первыхъ дней болѣзни Государя, которая, по вѣстямъ послѣднихъ фельдъегерей, приняла видъ самый опасный, Онъ зналъ уже о ней и одинъ носилъ въ Своемъ сердцѣ терзавшія Его предчувствія и безпокойство. Когда пришло извѣстіе, что великая душа Александра витаетъ уже въ предѣлахъ другаго міра, ни Княгиня Ловицкая, ни Великій Князь Михаилъ Павловичъ не подозрѣвали даже Его недуга.

×Опочившій Императоръ не открылъ Своего царственнаго завѣта и на смертномъ одрѣ. Въ минуту Его кончины, изъ трехъ, находившихся при немъ въ Таганрогѣ довѣренныхъ сановниковъ — Генералъ-Адъютанты Князь Волконскій, Баронъ Дибичъ (Начальникъ Главнаго Штаба) и Чернышевъ—*ни одинъ* не зналъ, что права

старшаго брата въ наслѣдованіи Престола перенесены на втораго. Въ такомъ же невѣдѣніи находилась и Императрица Елисавета Алексѣевна. На вопросъ Волконскаго, не осталось ли послѣ Государя какого либо изъявленія послѣдней Его воли, Она отвѣчала, что *ничего не знаетъ положительнаго*, и совѣтовала обратиться въ Варшаву. Родилась мысль: не найдется ли чего нибудь въ пакетикѣ, который—какъ извѣстно было всѣмъ близкимъ—покойный носилъ всегда при Себѣ. По просьбѣ Волконскаго пакетикъ былъ вскрытъ Императрицею, въ его присутствіи; но тутъ оказались только двѣ молитвы и замѣтки нѣсколькихъ главъ Священнаго Писанія (*). Тогда Волконскій и Дибичъ признали долгомъ донесенія свои о кончинѣ Александра послать—въ тотъ же день, 19-го Ноября—въ Варшаву, къ Константину Павловичу, какъ тому лицу, которое было теперь, по закону о престолонаслѣдіи 1797-го года, Императоромъ Всероссійскимъ. Тогда же Дибичъ написалъ о семъ и въ Петербургъ, къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, прибавя что «съ покорностію ожидаетъ повелѣній отъ новаго законнаго Государя, Императора Константина Павловича.»

Роковое посланіе достигло Варшавы въ семь часовъ

(*) Императрица Елисавета Алексѣевна сперва хотѣла сохранить эту бумажку у Себя; но потомъ велѣла Волконскому вложить ее въ мундиръ, который надѣли на тѣло почившаго Императора, въ тотъ самый карманъ, гдѣ Онъ всегда ее носилъ.

*

вечера. Цесаревичъ излилъ первую тяжесть скорби въ объятіяхъ брата и супруги, и потомъ послалъ за приближенными Своими чиновниками. «Теперь—сказалъ Онъ Михаилу Павловичу—настала торжественная минута доказать, что весь прежній мой образъ дѣйствія не былъ личиною, и кончить дѣло съ тою же твердостію, съ которою оно было начато.×Въ намѣреніяхъ моихъ, въ моей рѣшимости, ничего не перемѣнилось и моя воля отказаться отъ Престола болѣе чѣмъ когда нибудь непреложна!»

×Изъ приглашенныхъ лицъ первымъ явился состоявшій при Цесаревичѣ Николай Николаевичъ Новосильцовъ, прежде очень близкій къ Императору Александру. Константинъ Павловичъ объявилъ ему объ утратѣ, постигшей Россію. «Какія же теперь приказанія Вашего Величества?» спросилъ Новосильцовъ послѣ первыхъ восклицаній ужаса и печали. «Прошу не давать мнѣ этого не принадлежащаго титула»—×возразилъ Цесаревичъ и разсказалъ какъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Онъ отрекся отъ наслѣдія Престола въ пользу Своего брата. Въ продолженіе разговора Новосильцовъ вторично употребилъ Императорскій титулъ. «Въ послѣдній разъ — закричалъ Цесаревичъ, съ нѣкоторымъ уже гнѣвомъ—въ послѣдній разъ прошу васъ перестать и помнить, что теперь законный нашъ Государь и Императоръ—Николай Павловичъ!»—Постепенно собрались и остальные чиновники.×Тогда Цесаревичъ прочелъ приведенную выше

переписку Его съ Александромъ въ 1822-мъ году, и велѣлъ заняться тотчасъ приготовленіемъ, въ соотвѣтственность ей, писемъ къ Императрицѣ-матери, къ тому, которому Онъ, въ силу рескрипта Императора Александра отъ 2-го Февраля 1822-го года, уступалъ право Свое на Престолъ (*), и наконецъ къ Князю Волконскому и Барону Дибичу. Работа эта длилась всю ночь и только съ 5-ти часовъ слѣдующаго утра Цесаревичъ могъ дать себѣ нѣсколько отдыха. «Я исполнилъ данный обѣтъ и мой долгъ—сказалъ Онъ тогда Михаилу Павловичу—печаль о потерѣ нашего благодѣтеля останется во мнѣ вѣчною; но по крайней мѣрѣ я чистъ передъ священною Его памятью и передъ собственною совѣстью. Ты понимаешь что никакая сила уже не можетъ поколебать моей рѣшимости, а чтобъ еще болѣе удостовѣрить въ томъ матушку и брата и отнять у Нихъ послѣднее сомнѣніе, ты самъ отвезешь къ Нимъ мои письма. Готовься сегодня же ѣхать въ Петербургъ».—Такъ и сдѣлалось: 26-го числа, послѣ обѣда, Великій Князь отправился съ врученными Ему письмами. Они были слѣдующаго содержанія (**):

(*) Именно только въ силу *этого* рескрипта; ибо весьма замѣчательно что и Цесаревичъ также ничего не зналъ о существованіи манифеста 1823-го года. Сверхъ всѣхъ обстоятельствъ и документовъ нижеизлагаемыхъ, это доказывается и выраженіемъ въ письмѣ 1825-го года, что Онъ «*уступаетъ* право Свое на наслѣдіе Престола Николаю Павловичу», чего, конечно, не было бы сказано, если бъ Онъ зналъ что есть государственный актъ, *прежде уже* облекшій эту уступку въ силу закона.

(**) Оба эти письма были въ послѣдствіи обнародованы при манифестѣ Государя Императора Николая Павловича отъ 12-го Декабря 1825-го года.

«Всемилостивѣйшая Государыня,

Вселюбезнѣйшая Родительница!

«Съ сокрушеннымъ сердцемъ получивъ вчерашняго числа, въ 7-мь часовъ вечера, поразившее меня глубочайшею горестію, отъ Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, Генералъ-Адъютанта Барона Дибича, и Генералъ-Адъютанта Князя Волконскаго увѣдомленіе и актъ, при семъ въ оригиналахъ прилагаемые, о кончинѣ обожаемаго нами Государя Императора Александра Павловича, моего благодѣтеля, спѣшу раздѣлить съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ постигшую насъ скорбь, прося Всевышняго, дабы Онъ всемогущею благодатію Своею подкрѣпилъ силы наши къ перенесенію столь жестоко постигшаго насъ рока.

«Степень, на которую меня возводитъ сіе поразившее насъ несчастіе, поставляетъ меня въ обязанность излить предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, со всею откровенностію, истинныя чувствованія мои по сему важному предмету.

«Не безъизвѣстно Вашему Императорскому Величеству, что, по собственному моему побужденію, просилъ я, блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича, объ устраненіи меня отъ права

наслѣдія Императорскаго Престола, на что и удостоился получить отъ 2 Февраля 1822 года собственноручный Высочайшій рескриптъ, у сего въ засвидѣтельствованной копіи прилагаемый, въ коемъ Его Императорское Величество изъявилъ на то Высочайшее Свое соизволеніе, объявя, что и Ваше Императорское Величество на то согласны, что самое и лично изволили мнѣ подтвердить. Притомъ воля покойнаго Государя Императора была, дабы помянутый Высочайшій рескриптъ хранился у меня въ тайнѣ до кончины Его Величества.

«Обыкши съ младенчества исполнять свято волю какъ покойнаго родителя моего, такъ и скончавшагося Государя Императора, а равно Вашего Императорскаго Величества, я, не выходя и нынѣ изъ предѣловъ оной, почитаю обязанностію моею, право мое на наслѣдіе, согласно установленному государственному акту о наслѣдіи Императорской фамиліи, уступить Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Павловичу и наслѣдникамъ Его.

«Съ тѣми же чувствами откровенности вмѣняю въ долгъ изъявить: что я, не простирая ни до чего болѣе моихъ желаній, единственно сочту себя счастливѣйшимъ, если удостоюсь продолжать выше тридцатилѣтнее мое служеніе, блаженной памяти Государямъ Императорамъ, родителю и брату, нынѣ же Его Император-

скому Величеству Николаю Павловичу, съ такимъ же глубочайшимъ благоговѣніемъ, живѣйшимъ усердіемъ и безпредѣльною преданностію, которыя во всѣхъ случаяхъ меня одушевляли и одушевлять будутъ до конца дней моихъ.

«Изъяснивъ такимъ образомъ истинныя и непоколебимыя чувствованія мои и повергая себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, всенижайше прошу, удостоивъ благосклоннымъ Вашимъ принятіемъ сіе письмо, оказать мнѣ милость, объявленіемъ онаго гдѣ слѣдуетъ, для приведенія въ надлежащее исполненіе; чѣмъ совершится въ полной мѣрѣ и силѣ соизволеніе Его Императорскаго Величества, покойнаго Государя и благодѣтеля моего и вмѣстѣ согласіе на оное Вашего Императорскаго Величества.

«При семъ осмѣливаюсь также всенижайше представить Вашему Императорскому Величеству копію съ письма моего Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Павловичу, вмѣстѣ съ симъ посланнаго.

«Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ,

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества,

всенижайшій и всепокорнѣйшій сынъ

Константинъ Цесаревичъ.»

«Любезнѣйшій Братъ!

«Съ неизъяснимымъ сокрушеніемъ сердца получилъ я, вчерашняго числа вечеромъ въ 7-мь часовъ, горестное увѣдомленіе о послѣдовавшей кончинѣ обожаемаго Государя Императора Александра Павловича, моего благодѣтеля.

«Спѣша раздѣлить съ Вами таковую, постигшую насъ тягчайшую скорбь, я поставляю долгомъ Васъ увѣдомить, что вмѣстѣ съ симъ отправилъ я письмо къ Ея Императорскому Величеству, вселюбезнѣйшей родительницѣ нашей, × съ изъявленіемъ непоколебимой моей воли въ томъ, что по силѣ Высочайшаго собственноручнаго рескрипта покойнаго Государя Императора, отъ 2 Февраля 1822 года ко мнѣ послѣдовавшаго, на письмо мое къ Его Императорскому Величеству, объ устраненіи меня отъ наслѣдія Императорскаго Престола, которое было предъявлено родительницѣ нашей, удостоилось какъ согласія, такъ и личнаго Ея Величества мнѣ о томъ подтвержденія, × уступаю Вамъ право мое на наслѣдіе Императорскаго Всероссійскаго Престола и прошу любезнѣйшую родительницу нашу о всемъ томъ объявить гдѣ слѣдуетъ, для приведенія сей непоколебимой моей воли въ надлежащее исполненіе.

«Изложивъ сіе, непремѣнною за тѣмъ обязанностію поставляю всеподданнѣйше просить Вашего Императорскаго Величества удостоить принять отъ меня перваго вѣрноподданническую мою присягу, и дозволивъ мнѣ изъяснить, что, не простирая никакого желанія къ новымъ званіямъ и титуламъ, ограничиться тѣмъ титуломъ Цесаревича, коимъ удостоенъ я за службу покойнымъ нашимъ родителемъ.

«Единственнымъ себѣ счастіемъ навсегда поставляю, ежели Ваше Императорское Величество удостоите принять чувства глубочайшаго моего благоговѣнія и безпредѣльной преданности, въ удостовѣреніе коихъ представляю залогомъ свыше 30-тилѣтнюю мою вѣрную службу и живѣйшее усердіе, блаженной памяти Государямъ Императорамъ родителю и брату оказанныя, съ коими до послѣднихъ дней моихъ не престану продолжать Вашему Императорскому Величеству и потомству Вашему мое служеніе при настоящей моей обязанности и мѣстѣ.

«Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ,

Всемилостивѣйшій Государь!

Вашего Императорскаго Величества,

вѣрнѣйшій подданный

Константинъ Цесаревичъ.»

Сверхъ этихъ оффиціальныхъ писемъ Цесаревичъ написалъ еще къ Николаю Павловичу слѣдующее частное:

«По собственнымъ твоимъ чувствамъ, любезный Николай, ты легко оцѣнишь сколько потеря благодѣтеля, обожаемаго Государя и возлюбленнаго брата жестока въ особенности для меня, связаннаго съ Нимъ отъ первыхъ дней дѣтства. Тебѣ довольно извѣстно за какое счастіе я почиталъ служить Ему и исполнять Его волю во всемъ, важномъ и неважномъ. Его намѣренія и повелѣнія всегда были и, хотя Его уже не стало, всегда будутъ мнѣ священны и я не перестану имъ повиноваться до конца жизни. Перехожу къ дѣлу и извѣщаю тебя что, въ исполненіе воли покойнаго нашего Государя, я послалъ къ матушкѣ письмо, содержащее въ себѣ выраженіе непреложной моей рѣшимости, заранѣе освященной какъ покойнымъ моимъ повелителемъ, такъ и нашею родительницею. Не сомнѣваясь что ты, любезный братъ, привязанный къ покойному душею и сердцемъ, въ точности исполнишь Его волю и тó, чтò было сдѣлано съ Его соизволенія, приглашаю тебя распорядиться соотвѣтственно тому и почтить тѣмъ память брата, который тебя любилъ и которому наше Государство обязано своею славою и настоящимъ величіемъ. Сохрани мнѣ дружбу свою и довѣренность, любезный другъ, и будь навсегда увѣренъ въ моей вѣрности и преданности. Оффиціальное мое письмо передастъ тебѣ все остальное. Братъ Михаилъ везетъ его къ тебѣ и сообщитъ всѣ подробности, какихъ ты

пожелаешь. Не забывай меня, любезный другъ, и вѣрь ревности и усердію вѣрнѣйшаго изъ братьевъ и друзей».

Посланные Цесаревичемъ, въ то же самое время, отвѣты Волконскому и Дибичу были совершенно одинаковаго между собою содержанія; но сверхъ того къ Волконскому было еще особое письмо, съ надписью: «*секретно*.» Въ первыхъ, послѣ изъясненія чувствъ своей горести, Цесаревичъ прибавлялъ: «спѣшу васъ увѣдомить, что я остаюсь при теперешнемъ моемъ мѣстѣ, товарищемъ вашимъ (т. е. въ званіи Генералъ-Адъютанта), и потому ни въ какія распоряженія войти не могу, а получите вы оныя изъ С.-Петербурга, отъ кого слѣдуетъ ..... Впрочемъ, ежели угодно будетъ при семъ случаѣ принять мой дружескій совѣтъ, я полагаю, что о всякихъ дѣлахъ, разрѣшенія отъ Высочайшей власти требующихъ, должно вамъ относиться въ С.-Петербургъ, а ко мнѣ подобныхъ представленій не присылать.» *Секретное* письмо къ Князю Волконскому было слѣдующее: «Для собственнаго вашего и Барона Ивана Ивановича (Дибича) свѣдѣнія посылаю при семъ, въ засвидѣтельствованной копіи, собственноручный покойнаго Государя Императора Александра Павловича ко мнѣ рескриптъ отъ 2-го Февраля 1822-го года, съ присовокупленіемъ, что по волѣ Его же, покойнаго Государя, хранился оный у меня въ тайнѣ до кончины Его Императорскаго Величества, и что, въ слѣдствіе таковой же Высочайшей воли, утвержденное въ немъ непоколе-

бимое рѣшеніе мое просилъ я вселюбезнѣйшую родительницу мою Государыню Императрицу Марію Ѳеодоровну привести нынѣ въ надлежащее исполненіе, съ каковымъ распоряженіемъ братъ мой, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, здѣсь находившійся, изволилъ сего числа отправиться въ С.-Петербургъ. Полагаясь совершенно на дружеское ко мнѣ ваше и Барона Ивана Ивановича расположеніе, я остаюсь въ полной мѣрѣ удостовѣреннымъ, что сей рескриптъ останется между вами въ глубокой тайнѣ, до надлежащаго въ свое время по оному дѣйствія.»

Но что̀ происходило тамъ, откуда Цесаревичъ приказывалъ ждать и испрашивать повелѣній?

25-го Ноября, вечеромъ, Великій Князь Николай Павловичъ игралъ въ Аничкиномъ домѣ съ Своими дѣтьми, у которыхъ были гости. Вдругъ, часовъ въ 6-ть, докладываютъ что пріѣхалъ С.-Петербургскій Военный Генералъ - Губернаторъ Графъ Милорадовичъ. Великій Князь вышелъ въ пріемную. Милорадовичъ ходилъ по ней скорыми шагами, весь въ слезахъ и съ платкомъ въ рукѣ. «Что это, Михайло Андреевичъ? Что случилось?»—«Il y a une horrible nouvelle, Monseigneur!»— Великій Князь поспѣшно ввелъ его въ кабинетъ и старый воинъ, взрыдавъ, подалъ письма отъ Князя Волкон-

скаго и Барона Дибича: «l'Empereur se meurt — прибавилъ онъ—il n'y a plus qu'un faible espoir!»—У Николая Павловича подкосились ноги. Чтобы прочесть письма Онъ принужденъ былъ сѣсть. Въ нихъ извѣщали, что хотя не вся еще надежда потеряна, но положеніе Государя очень опасно. Первая мысль сына обратилась къ матери; но пока Онъ обдумывалъ какъ бы съ возможною осторожностію передать Ей ужасную вѣсть, все было уже объявлено Императрицѣ приближеннымъ Ея Секретаремъ Вилламовымъ, къ которому также были письма изъ Таганрога. Въ ту минуту какъ Великій Князь, разсказавъ о полученномъ извѣстіи Своей супругѣ, готовился ѣхать къ родительницѣ, Она Сама прислала за Нимъ изъ Зимняго дворца. Великій Князь нашелъ Ее въ томъ смертельномъ встревоженіи, котораго боялся. Состояніе Императрицы было до того ужасно, что нѣжный сынъ не рѣшился Ее покинуть и остался на всю ночь близъ Ея почивальни, въ камердинерской комнатѣ, съ Адъютантомъ Своимъ и сотоварищемъ молодости, Владиміромъ Ѳедоровичемъ Адлербергомъ (*). Разговоръ ихъ сосредоточился естественно на полученной изъ Таганрога вѣсти и Великій Князь, между прочимъ, сказалъ: «если Богъ опредѣлитъ испытать насъ величайшимъ изъ несчастій, кончиною Госу-

(*) Нынѣ Графъ, Генералъ-Адъютантъ, Министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ, Канцлеръ Россійскихъ орденовъ и Командующій Главною Императорскою Квартирою.

даря, то, по первому извѣстію, надобно будетъ тотчасъ, не теряя ни минуты, присягнуть брату Константину.» Ночью Императрица часто призывала къ себѣ сына, ища утѣшеній, которыхъ Онъ не въ силахъ былъ Ей подать. Подъ утро, часовъ въ 7-мь, пріѣхалъ фельдъегерь съ извѣстіемъ о перемѣнѣ къ лучшему и съ письмомъ отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны.×«Il y a un mieux sensible—писала Она—mais il est très faible.» Послѣ обѣдни и молебствія о здравіи, день 26-го прошелъ въ борьбѣ между страхомъ и надеждою.×Утромъ 27-го также назначены были обѣдня и молебствіе. Императорская фамилія, съ нѣсколькими приближенными, слушала Божественную службу въ большой дворцовой церкви; прочіе знатнѣйшіе сановники были собраны въ Александроневской Лаврѣ. Во дворцѣ, Императрица стояла возлѣ алтаря, въ ризницѣ, откуда вела стеклянная дверь въ переднюю. Великій Князь сталъ тамъ же и приказалъ старому камердинеру Императрицы Гримму, въ случаѣ если бы пріѣхалъ новый фельдъегерь изъ Таганрога, подать Ему знакъ въ эту дверь. Едва кончилась обѣдня и начался молебенъ, знакъ былъ поданъ. Великій Князь тихо вышелъ изъ ризницы и, въ библіотекѣ бывшей половины Короля Прусскаго, увидѣлъ Графа Милорадовича, по лицу котораго тотчасъ угадалъ ужасную истину (*). ×«C'est fini, Monseigneur—

(*) Извѣстіе въ Петербургъ пришло, слѣдственно, почти двумя сутками

сказалъ Графъ—courage maintenant, donnez l'exemple,» и повелъ Его подъ руку; у перехода, бывшаго за прежнею Кавалергардскою залою (*), Великаго Князя оставили послѣднія силы; Онъ упалъ на стулъ и послалъ за Лейбъ-Медикомъ Императрицы Рюлемъ, безъ котораго опасался нанести Ей ударъ. Рюль скоро явился и тогда они пошли втроемъ. Молебенъ еще продолжался; но отъ Императрицы не укрылось продолжительное отсутствіе Ея сына: Она стояла, на колѣняхъ, въ томительной тревогѣ ожиданія. Войдя въ ризницу, Великій Князь безмолвно простерся на землю. По этому движенію, сердце матери все поняло и страшное оцѣпенѣніе сковало Ея чувства: у Нея не было ни словъ, ни слезъ. Великій Князь прошелъ, черезъ алтарь, остановить службу и привелъ къ своей родительницѣ совершавшаго молебенъ Духовника Ея, Криницкаго, съ крестомъ. Тогда только, припикнувъ къ распятію, Она могла пролить первыя слезы. «Вдругъ—пишетъ одинъ изъ свидѣтелей этого событія (**)—когда, послѣ громкаго пѣнія пѣвчихъ, въ церкви сдѣлалось тихо и слышалась только молитва, въ полголоса произносимая священникомъ, раздался какой-то легкій стукъ за дверями—отъ чего онъ произошелъ, не знаю: помню только то́, что я вздрогнулъ

позже нежели въ Варшаву. Письмо къ Императрицѣ Баронъ Дибичъ прислалъ Дежурному Генералу Потапову, который вручилъ его Милорадовичу.

(*) Теперь Александровская зала; перехода болѣе не существуетъ.

(**) Славный нашъ Жуковскій, въ то время наставникъ Великаго Князя Александра Николаевича, нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора.

и что всѣ, находившіеся въ церкви, съ безпокойствомъ оборотили глаза на двери; никто не вошелъ въ нихъ; это не нарушило моленія, но оно продолжалось недолго—отворяются сѣверныя двери: изъ алтаря выходитъ Великій Князь Николай Павловичъ, блѣдный; Онъ подаетъ знакъ рукою къ молчанію: все умолкло, оцѣпенѣвъ отъ недоумѣнія; но вдругъ всѣ разомъ поняли, что Императора не стало; церковь глубоко охнула. И черезъ минуту все пришло въ волненіе; все слилось въ одинъ говоръ криковъ, рыданія и плача. Мало по малу молившіеся разошлись, я остался одинъ; въ смятеніи мыслей, я не зналъ куда идти, и наконецъ, машинально, вмѣсто того, чтобы выдти общими дверями изъ церкви, вошелъ сѣверными дверями въ алтарь. Что же я увидѣлъ? Дверь въ боковую горницу отворена; тамъ Императрица Марія Ѳеодоровна, почти безчувственная, лежитъ на рукахъ Великаго Князя; передъ Нею, на колѣнахъ, Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна, умоляющая Ее успокоиться: «Maman, chère maman, au nom de Dieu, calmez-vous!»—Въ эту минуту священникъ беретъ съ престола крестъ и, возвысивъ его, приближается къ дверямъ; увидя крестъ, Императрица падаетъ предъ нимъ на землю, притиснувъ голову къ полу почти у самыхъ ногъ священника. Несказанное величіе этого зрѣлища меня сразило; увлеченный имъ, я сталъ на колѣна передъ святынею материнской скорби, передъ головою Царицы, лежащей въ прахѣ подъ крестомъ испытующаго Спасителя. Императрицу, почти лишенную памяти, под-

няли, посадили въ кресла, понесли во внутренніе покои; двери за нею затворились. . . . . .»

Долгъ сыновній былъ исполненъ. Предстоялъ еще другой священный долгъ—старшаго сына Русской земли. Оставя Императрицу въ объятіяхъ Своей супруги, Великій Князь вышелъ къ внутреннему дворцовому караулу—въ тотъ день отъ роты Его Величества Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка, подъ командою Поручика Граве (*), и объявилъ людямъ, что Россія лишилась отца; что теперь на всѣхъ лежитъ обязанность присягнуть законному Государю Константину Павловичу и что Онъ, Великій Князь, Самъ идетъ принесть Ему присягу. Повторивъ точно то же двумъ другимъ внутреннимъ карауламъ: Кавалергардскому и Конногвардейскому, Онъ велѣлъ Дежурному Генералу Потапову (**) принять присягу отъ главнаго дворцоваго караула, а Адъютанту своему Адлербергу—отъ Инженернаго вѣдомства, котораго, какъ мы уже сказали, былъ Главнымъ Начальникомъ. Потомъ Великій Князь, съ Графомъ Милорадовичемъ и Генералъ-Адъютантами Княземъ Трубецкимъ, Графомъ Голенище-

(*) Послѣ Адъютантъ Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, а нынѣ уволенный отъ службы Генералъ-Маіоръ.

(**) Потомъ Корпусный Командиръ и наконецъ Членъ Государственнаго и Военнаго Совѣтовъ и Шефъ Рижскаго Драгунскаго полка. Умеръ въ 1847 году.

вымъ-Кутузовымъ и другими, тутъ находившимися, пошелъ въ малую дворцовую церковь; но узнавъ, что она, послѣ разныхъ въ ней передѣлокъ, еще не освящена, возвратился въ большую, гдѣ еще оставалось духовенство послѣ молебствія, и здѣсь присягнулъ Императору Константину и подписалъ присяжный листъ. Примѣру Его послѣдовали всѣ бывшіе съ Нимъ и еще разные другіе, случившіеся тогда во дворцѣ, военные и гражданскіе чины.

Изъ церкви Великій Князь поспѣшилъ опять къ Императрицѣ. Она была въ Своихъ покояхъ, сраженная печалью, но исполненная христіанской покорности къ Промыслу Всевышняго. Николай Павловичъ сообщилъ Ей, что уже выполнилъ первый долгъ Свой къ новому Государю и что всѣ караулы, а также Милорадовичъ и многіе другіе, вмѣстѣ съ нимъ присягнули. «Nicolas, qu'avez-vous fait!—воскликнула Императрица съ ужасомъ—ne savez-vous donc pas qu'il y a un acte qui vous nomme héritier présomptif? — Великій Князь впервые положительно о томъ слышалъ. «S' il y en a un—отвѣчалъ Онъ—il ne m'est pas connu et personne ne le sait; mais nous savons tous que notre maître, notre Souverain légitime après l'Empereur Alexandre, est mon frère Constantin; nous avons donc rempli notre devoir: advienne ce qui pourra!»

Пока все описанное нами происходило во дворцѣ, въ церковь Александроневской Лавры, во время причастна, во-

шелъ Начальникъ Штаба Гвардейскаго корпуса, Нейдгардтъ (*), и передалъ горестную вѣсть Командовавшему корпусомъ Генералу Войнову. Въ одну минуту она разнеслась по всей церкви и обнаружилась общимъ рыданіемъ. Изъ числа находившихся въ монастырѣ близкіе ко Двору, между ними Князь А. Н. Голицынъ, поспѣшили въ Зимній дворецъ. Поднимаясь еще на лѣстницу, Голицынъ узналъ, что здѣсь все уже кончено. Онъ тотчасъ велѣлъ доложить о себѣ Великому Князю, и, внѣ себя отъ потери обожаемаго Монарха, не скрылъ своего отчаянія и о совершившемся во дворцѣ. Подтверждая сказанное Императрицею, онъ сталъ укорять Николая Павловича за принесенную Имъ присягу и требовалъ повиновенія волѣ покойнаго Государя. Великій Князь, съ Своей стороны, изъяснялъ, что эта воля никогда не была оглашена и даже для Него оставалась тайною; говорилъ, что присягою хотѣлъ утвердить уваженіе Свое къ первому и коренному закону о непоколебимости въ порядкѣ престолонаслѣдія, уничтожить самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ Своихъ намѣреній и охранить Россію даже отъ мгновенной неизвѣстности о законномъ ея Государѣ; прибавилъ, что сдѣланное—уже невозвратно, но если бы и могло быть возвращено, то Онъ поступилъ бы опять точно такъ же; наконецъ рѣшительно отвергъ требованіе Голицына, какъ казавшееся Ему совершенно неумѣстнымъ,

(*) Потомъ Генералъ-Адъютантъ, Командиръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и Сенаторъ; умеръ въ 1845-мъ году, въ званіи Члена Военнаго Совѣта.

тѣмъ болѣе что старшій братъ, которому принадлежитъ Престолъ по закону, находится въ отсутствіи. Обѣ стороны были въ неудовольствіи: одна—за настойчивое вмѣшательство, другая—за упорную неуступчивость. Разстались довольно холодно.

Отсюда начался тотъ величественный эпизодъ въ нашей исторіи, которому подобнаго не представляютъ лѣтописи ни одного народа. Исторія—повторимъ за однимъ великимъ писателемъ—есть не иное что, какъ лѣтопись человѣческаго властолюбія. Пріобрѣтеніе власти, праведное или неправедное, сохраненіе или распространеніе пріобрѣтенной власти, возвращеніе власти утраченной—вотъ главное ея содержаніе, около котораго сосредоточиваются всѣ другія историческія событія. У насъ—она отступила отъ вѣчныхъ своихъ законовъ и представила примѣръ борьбы неслыханной, борьбы не о возобладаніи властію, а объ отреченіи отъ нея!

Того же 27-го числа, къ двумъ часамъ пополудни, возвѣщено было чрезвычайное собраніе Государственнаго Совѣта (*). Извѣстіе о совершившейся присягѣ первый принесъ туда рыдающій Князь Голицынъ. Пока собирались

(*) Совѣтъ имѣлъ тогда свои засѣданія, какъ и нынѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, но въ главномъ его корпусѣ, близъ темнаго корридора, въ теперешней залѣ Великаго Князя Михаила Николаевича, гдѣ стоитъ большая модель корабля.

Члены, онъ передавалъ пріѣзжавшимъ разговоръ свой съ Великимъ Княземъ и порицалъ напрасную поспѣшность Его присягнуть, потому что въ Совѣтѣ есть особая бумага о порядкѣ наслѣдія. Къ этому Голицынъ присоединилъ еще другія, приведенныя выше подробности: что вся бумага переписана его рукою; что экземпляры ея находятся также въ Синодѣ и въ Сенатѣ; наконецъ что подлинный актъ положенъ на престолѣ Московскаго Успенскаго Собора, съ приказаніемъ, по кончинѣ Государя, конвертъ, въ которомъ лежитъ актъ, вскрыть Военному Генералъ-Губернатору и Епархіальному Архіерею. Не смотря на то, Министръ Юстиціи, Князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, одинъ изъ присягнувшихъ уже новому Императору, изъявилъ мысль, что бумаги вскрывать не нужно и говорилъ далѣе, что не сдѣлаетъ этого въ Сенатѣ, что Совѣтъ есть только *Государева Канцелярія* и что «les morts n'ont point de volonté.» Въ такомъ же смыслѣ и Адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, съ отличавшимъ его искусственнымъ жаромъ, утверждалъ, что Имперія ни на одно мгновеніе не можетъ остаться безъ Монарха и что отъ воли Константина Павловича будетъ зависѣть принять Престолъ или нѣтъ; но что по порядку присягнуть Ему должно. Всѣ прочіе Члены, однакожъ, были противнаго мнѣнія и полагали что необходимо сперва распечатать конвертъ и прочесть хранящійся въ немъ актъ. Тогда Предсѣдатель Совѣта Князь Лопухинъ послалъ правившаго должность Государственнаго Секретаря Оленина въ архивъ за

конвертомъ, который, по освидѣтельствованіи цѣлости печати, былъ вскрытъ и находившіяся въ немъ бумаги, извѣстныя уже намъ по ихъ содержанію, прочитаны передъ Совѣтомъ во всеуслышаніе.

Но едва только—сказано въ журналѣ Совѣта—«выслушана была съ надлежащимъ благоговѣніемъ, съ горестными и умиленными сердцами, послѣдняя воля блаженной и вѣчнодостойной памяти Государя Императора Александра Павловича, ознаменованная въ копіи съ Высочайшаго манифеста, скрѣпленной собственноручно покойнымъ Государемъ Императоромъ,» какъ Графъ Милорадовичъ, который съ должностію С.-Петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора соединялъ и званіе Члена Совѣта, объявилъ собранію, «что Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Павловичъ торжественно отрекся отъ права, предоставленнаго Ему упомянутымъ манифестомъ и первый уже присягнулъ на подданство Его Величеству Государю Императору Константину Павловичу.»

Всѣ Члены были въ величайшемъ смущеніи. Совѣтъ, который всегда, и дотолѣ и послѣ, составлялъ—по справедливому замѣчанію Князя Лобанова—болѣе лишь *Канцелярію Государеву*, вдругъ, въ минуту самую торжественную и многознаменательную для Имперіи, въ минуту рѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи, поставленъ

былъ, силою обстоятельствъ, на степень *государственной власти* (*). Возвѣщеніе что назначенный манифестомъ наслѣдникъ отрекся отъ Престола, сдѣланное Совѣту на словахъ и черезъ третье лице, не могло, конечно, уничтожить общаго колебанія.

«Члены Государственнаго Совѣта» — сказано далѣе въ его журналѣ—«по краткомъ совѣщаніи, обратились «съ просьбою къ Графу Милорадовичу о исходатайство-«ваніи у Его Императорскаго Высочества дозволенія «Государственному Совѣту явиться предъ лице Его Вы-«сочества, дабы удостоиться изъ собственныхъ Его «устъ услышать непреложную Его по сему предмету во-«лю.» Просьба ихъ была принята, и Совѣтъ ввели въ бывшія комнаты Михаила Павловича (**), гдѣ ожидалъ Николай Павловичъ. «Тутъ—продолжаетъ журналъ—«Его Высочество изволилъ всему Государственному Со-«вѣту самъ изустно подтвердить, что ни о какомъ другомъ «предложеніи слышать не хочетъ, какъ о томъ только,

(*) Изъ донесенія Слѣдственной Коммиссіи извѣстно, какъ одинъ изъ заговорщиковъ, говоря послѣ объ этомъ событіи, выразилъ, дерзкимъ словомъ, свою преступную досаду: «потерянъ случай, которому подобнаго не будетъ въ цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ;—сказалъ онъ—если бъ въ Государственномъ Совѣтѣ *были головы*, то нынѣ Россія присягнула бы и новому Государю, и *новымъ законамъ!*»—По милости Всевышняго, въ Совѣтѣ были умы государственные, которые превосходно понимали и свой долгъ и благо Россіи!

(**) Гдѣ нынѣ собственные покои Государя Императора Александра Николаевича, черезъ корридоръ отъ тогдашней залы Совѣта.

«чтобъ учинить вѣрноподданническую присягу Его Им-
«ператорскому Величеству Государю Императору
«Константину Павловичу, какъ то Онъ самъ уже
«учинилъ; что бумаги, нынѣ читанныя въ Государствен-
«номъ Совѣтѣ, Его Высочеству давно извѣстны и ни-
«когда не колебали Его рѣшимости; а потому, кто ис-
«тинный сынъ отечества, тотъ немедленно послѣдуетъ
«Его примѣру. Послѣ сего, по усильной просьбѣ Чле-
«новъ Совѣта, Его Императорское Высочество, про-
«читавъ поднесенныя правящимъ должность Государствен-
«наго Секретаря раскрытыя въ собраніи Совѣта бумаги,
«поспѣшилъ предложить Членамъ идти въ придворную
«церковь, для учиненія надлежащей присяги на вѣрное
«подданство Государю Императору Константину
«Павловичу. Въ слѣдствіе сего, Министръ Юстиціи до-
«несъ Его Высочеству, что какъ онъ имѣетъ въ Пра-
«вительствующемъ Сенатѣ бумаги, подобныя тѣмъ, кото-
«рыя хранились въ Государственномъ Совѣтѣ, то уже не
«будетъ раскрывать оныхъ въ Правительствующемъ Се-
«натѣ.»

Въ образѣ изложенія этого журнала очевидно отразились два обстоятельства: съ одной стороны—крайняя поспѣшность его изготовленія: послѣ засѣданія, начавшагося въ 2 часа, онъ былъ составленъ, переписанъ, подписанъ всѣми Членами и отправленъ, въ копіи, въ Варшаву, *въ тотъ же самый день;* съ другой стороны—пе-

поднесеніе его сперва къ просмотру Великаго Князя, который, хотя слова̀ Его составляли главную основу всего журнала, не участвовалъ въ подписаніи, потому что не былъ Членомъ Совѣта. Этимъ двумъ обстоятельствамъ должно приписать неточность и даже нѣкоторое противорѣчіе въ выраженіяхъ журнала. Слышавъ отъ Императрицы-матери, еще при жизни Императора Александра, что есть какой-то актъ отреченія Цесаревича Константина, Великій Князь Свои изъясненія передъ Совѣтомъ относилъ, какъ нельзя сомнѣваться, къ одному *этому* акту, а не къ другимъ, о содержаніи и самомъ даже существованіи которыхъ Онъ впервые услышалъ только послѣ Своей присяги, сначала отъ Императрицы - матери, потомъ отъ Князя Голицына. Иначе, если бы Онъ объявилъ, какъ сказано въ журналѣ, что читанныя въ Совѣтѣ «бумаги *Ему давно извѣстны*,» то не было бы и никакого побужденія къ упомянутой тутъ же «усильной просьбѣ» Членовъ, чтобы Онъ *прочиталъ эти бумаги*. Но, въ поспѣшности, одно было смѣшано съ другимъ, и въ образѣ изложенія журнала пострадала истина событій. Сверхъ того, въ немъ нѣтъ одной подробности, которая, по обыкновеннымъ формамъ, можетъ быть, и не подлежала внесенію въ оффиціальный актъ сего рода, но тѣмъ не менѣе весьма любопытна, дополняя собою общую картину. Когда, по прочтеніи всѣхъ бумагъ, Великій Князь повторилъ передъ Членами отказъ отъ Престола и снова потре-

бовалъ присяги Своему брату, тогда Предсѣдатель Департамента Экономіи, Графъ Литта, сказалъ Ему: «Слѣдуя волѣ покойнаго Императора, мы, не присягнувшіе еще Константину Павловичу, признаемъ нашимъ Государемъ Васъ; по этому Вы одни можете нами повелѣвать, и если рѣшимость Ваша непреложна, мы должны ей повиноваться: ведите же насъ Сами къ присягѣ». Великій Князь охотно согласился на это, и всѣ Члены пошли за Нимъ въ большую дворцовую церковь, присягнули тамъ въ личномъ Его присутствіи, и потомъ введены были Имъ въ собственныя комнаты Императрицы-матери, гдѣ находились и остальные члены Императорскаго дома изъ бывшихъ тогда въ Петербургѣ.

«Государыня Императрица,» — продолжаетъ журналъ — «не смотря на жестокую Свою печаль, почла нужнымъ объявить Членамъ Государственнаго Совѣта, что бумаги, нынѣ въ Совѣтѣ читанныя, Ея Величеству извѣстны; что все сіе было учинено по добровольному желанію самого Цесаревича; но что Она должна, по всей справедливости, согласиться на подвигъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Павловича. Въ заключеніе Ея Величество подтвердила Членамъ Совѣта служить новому Государю вѣрою и правдою.»

Такъ происходило это достопамятное засѣданіе, на-

чавшееся въ комнатахъ Совѣта, продолжавшееся передъ Великимъ Княземъ, перенесенное оттуда въ храмъ Божій и наконецъ окончившееся въ покояхъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны и передъ Ея лицемъ. «Возвра«тясь въ комнаты Совѣта,» — заключаетъ журналъ — «Члены имѣли разсужденіе о всѣхъ бывшихъ сего числа «происшествіяхъ, и *положили:* объ оныхъ записать въ жур«налъ, какъ выше сего изложено, поручивъ правящему «должность Государственнаго Секретаря, по установлен«ному порядку, представить съ сего журнала списокъ, «при всеподданнѣйшей запискѣ отъ имени Предсѣдателя «Государственнаго Совѣта, на Высочайшее воззрѣніе «Его Императорскаго Величества Государя Импе«ратора Константина Павловича. Бумаги же, нынѣ «въ Государственномъ Совѣтѣ читанныя, хранить, по «прежнему, за замкомъ и печатью Предсѣдателя, въ ар«хивѣ Государственной Канцеляріи, впредь до Высочай«шаго повелѣнія (*).»

Отъ Императрицы Великій Князь снова пошелъ въ Дворцовую церковь и, разсказавъ пріѣхавшему туда Митрополиту С.-Петербургскому Серафиму о всемъ происшедшемъ въ Совѣтѣ, согласилъ его оставить хранившійся въ Синодѣ пакетъ, впредь до повелѣнія, не распечатаннымъ. Потомъ Онъ выслушалъ краткое молебствіе, съ про-

(*) Журналъ былъ подписанъ двадцатью двумя Членами.

возглашеніемъ многолѣтія Императору Константину, и панихиду по усопшемъ Императорѣ Александрѣ.

Въ слѣдствіе принятыхъ мѣръ, въ тотъ же самый день, какъ войско, такъ и гражданскіе чины были приведены къ присягѣ новому Императору, и нарочный фельдъегерь повезъ въ Варшаву списокъ съ журнала Государственнаго Совѣта, при докладныхъ запискахъ Оленина и Князя Лопухина. Сверхъ того отправлены были туда, съ донесеніями о присягѣ, еще другіе нарочные: отъ Великаго Князя Адъютантъ Его, Лазаревъ, отъ Военнаго Министра (Татищева) Адъютантъ Сабуровъ, который повезъ также рапортъ Министра Финансовъ, отъ Министра Юстиціи состоявшій за Оберъ-Прокурорскимъ Столомъ въ Сенатѣ чиновникъ Никитинъ, и пр. Наконецъ Великій Князь, въ нѣжной предупредительности къ брату, велѣлъ еще ѣхать тотчасъ въ Варшаву пользовавшемуся особеннымъ расположеніемъ Цесаревича, нѣкогда Его Адъютанту, а въ это время жившему въ Петербургѣ въ отставкѣ, Ѳедору Петровичу Опочинину. Лазаревъ повезъ слѣдующее собственноручное письмо Николая Павловича:

«Любезный Константинъ! Предстаю передъ моимъ Государемъ съ присягою, которою ему обязанъ, которую уже и принесъ ему, со всѣми меня окружавшими, въ церкви, въ ту самую минуту, когда разразилась надъ нами вѣсть о жесточайшемъ изъ всѣхъ несчастій. Какъ сострадаю я

тебѣ и какъ всѣ мы несчастливы! Бога ради, не покидай насъ и не оставляй однихъ.

«Твой братъ, твой вѣрный подданный на жизнь и на смерть

Николай.»

Оставалось, чтобы присяга, совершенная въ Петербургѣ, была принесена и всею Имперіею. Это, по обыкновеннымъ формамъ, принадлежало распоряженію Сената, который и предписалъ о томъ указами, повсемѣстно разосланными, того же 27-го Ноября, черезъ нарочныхъ курьеровъ. Введеніе къ указамъ было слѣдующее: «Въ Общемъ Собраніи «Правительствующаго Сената С.-Петербургскихъ Департа«ментовъ Г. Министръ Юстиціи объявилъ горестное извѣ«стіе, что Его Императорское Величество, Государь «Императоръ Александръ Павловичъ, по власти Все«вышняго, послѣ тяжкой болѣзни, въ Таганрогѣ 19-го сего «Ноября скончался. Правительствующій Сенатъ, въ Общемъ «Собраніи, учинивъ присягу на вѣрность подданства закон«ному наслѣднику, Его Императорскому Величеству, «Государю Императору Константину Павловичу, «*приказали*: о семъ повсемѣстно обнародовать печатными «указами.» Далѣе слѣдовали обыкновенныя при каждой присягѣ распорядительныя статьи. Въ приложенной къ указамъ формѣ клятвеннаго обѣщанія, не смотря на коренный законъ 1797-го года, опредѣлявшій въ точности

порядокъ престолонаслѣдія, сохранили выраженіе, которое включено было въ форму присяги при Императорѣ Александрѣ: «и наслѣднику Престола, *который назначенъ будетъ.*»

Представивъ ходъ событій въ Варшавѣ и въ Петербургѣ, мы перенесемся теперь въ Москву, гдѣ хранился подлинный актъ 1823-го года и гдѣ въ это время не было ни одного изъ членовъ Императорскаго дома.

Опасность болѣзни Императора Александра скоро огласилась и въ древней нашей столицѣ. 27-го Ноября— въ тотъ день, когда Петербургъ уже присягалъ новому Государю—въ Москву прибыло извѣстіе нѣсколько утѣшительное; но то былъ послѣдній лучъ угасающей надежды. 28-го вечеромъ къ Архіепископу Филарету пришелъ, ко всенощной, одинъ изъ его знакомыхъ, и на вопросъ: отъ чего онъ печаленъ, отвѣчалъ: развѣ вы не знаете, уже съ утра говорятъ, что мы лишились Государя. Когда Филаретъ опомнился отъ перваго испуга, ему показалось страннымъ, что его такъ долго оставляетъ въ невѣдѣніи Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ, долженствовавшій, по его мнѣнію, знать всю важность открывающихся обстоятельствъ. Утромъ 29-го онъ пригласилъ къ себѣ одного изъ первыхъ Московскихъ сановниковъ, Князя Сергія Михаиловича Голицына, и отправился съ нимъ

къ Князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну. Послѣдній еще не имѣлъ никакого оффиціальнаго извѣстія о кончинѣ Государя и Архіепископъ изъяснилъ ему свои мысли о затруднительности настоящаго положенія дѣлъ. Цесаревичъ Константинъ—говорилъ онъ—въ началѣ 1822-го года написалъ къ Государю письмо о своемъ отреченіи отъ наслѣдія Престола; до половины 1823-го года не было составлено о томъ государственнаго акта и послѣдовавшій наконецъ манифестъ о назначеніи на Престолъ втораго брата остался въ глубокой тайнѣ, которая была распространена и на самое храненіе манифеста. Случиться, слѣдственно, можетъ, что Цесаревичъ, не зная о немъ и считая намѣреніе Свое не получившимъ окончательнаго утвержденія, убѣдится къ принятію Престола: тогда Москва можетъ получить изъ Варшавы манифестъ о воцареніи Константина Павловича прежде манифеста изъ Петербурга о вступленіи на Престолъ Николая Павловича. При семъ разговорѣ обнаружилось, что Генералъ-Губернаторъ—какъ мы уже упомянули—не зналъ до той минуты о существованіи акта въ Успенскомъ Соборѣ. Онъ изъявилъ-было желаніе идти въ соборъ, чтобы удостовѣриться въ томъ; но Архіепископъ не согласился, представя что изъ сего можетъ возникнуть молва, какой нельзя предвидѣть, и даже клевета, будто *теперь* что-то подложено къ государственнымъ актамъ, или что положенное подмѣнено. Окончательно рѣшили, въ случаѣ полученія манифеста изъ Варшавы, не объявлять о немъ и не приступать

ни къ какому дѣйствію въ ожиданіи того манифеста изъ Петербурга, который укажетъ истиннаго Монарха.

Но едва, такимъ образомъ, взята была предосторожность противъ возможныхъ затрудненій, какъ открылись еще бо́льшія съ другой стороны.

Вечеромъ того же 29-го числа пріѣхалъ въ Москву Мантейфель, Адъютантъ Графа Милорадовича, отправленный изъ Петербурга съ частнымъ отъ Графа письмомъ къ Московскому Военному Генералъ-Губернатору, до разсылки еще Сенатскаго указа. Милорадовичъ увѣдомлялъ Князя Голицына, что въ Петербургѣ совершена присяга Императору Константину, что первый приступилъ къ ней Николай Павловичъ и что непремѣнная воля Великаго Князя есть, чтобы она была принесена и въ Москвѣ, безъ вскрытія пакета, положеннаго въ 1823-мъ году для храненія въ Успенскомъ Соборѣ. При такомъ неожиданномъ извѣстіи, Генералъ-Губернаторъ счелъ необходимымъ узнать сперва мнѣніе Оберъ-Прокурора Общаго Собранія Московскихъ Департаментовъ Сената, Князя Павла Павловича Гагарина (*), котораго должность была тогда облечена особыми уполномочіями. «Присягая покойному Государю—отвѣчалъ Гагаринъ—мы присягали вмѣстѣ и тому наслѣднику, *который назначенъ будетъ*. Теперь мы не

(*) Нынѣ Членъ Государственнаго Совѣта.

имѣемъ въ виду никакого акта, которымъ Онъ назначилъ бы Себѣ наслѣдника: слѣдственно долгъ нашъ—обратиться къ коренному закону 1797-го года; а по этому закону, при безпотомной кончинѣ Императора, Престолъ переходитъ къ старшему послѣ Него брату.» Засимъ Гагаринъ предложилъ собрать утромъ слѣдующаго дня Сенатъ, постановить въ немъ, въ силу помянутаго закона, опредѣленіе о присягѣ Константину Павловичу и тотчасъ потомъ принести ее въ Успенскомъ Соборѣ. Архіепископъ Филаретъ, къ которому Генералъ-Губернаторъ привезъ письмо Милорадовича, съ своей стороны представлялъ, что это частное извѣщеніе не можетъ, въ дѣлѣ такой государственной важности, быть принято за оффиціальное. Но Генералъ-Губернаторъ находилъ, что когда присяга принесена уже въ Петербургѣ, то отлагать ее въ Москвѣ было бы неблаговидно и, можетъ быть, даже небезопасно для общественнаго спокойствія. Филаретъ продолжалъ представлять, что для государственной присяги въ церкви необходимъ и актъ государственный, безъ котораго и безъ указа изъ Синода духовному начальству неудобно на это рѣшиться. Тогда Генералъ-Губернаторъ разсказалъ о своемъ свиданіи съ Гагаринымъ и о предположеніи созвать Сенаторовъ въ чрезвычайное собраніе, прибавя что если Сенатъ не рѣшится ни на какое дѣйствіе, то онъ, Генералъ-Губернаторъ, думаетъ привести къ присягѣ, по крайней мѣрѣ, губернскихъ чиновниковъ. Архіепископъ возразилъ, что такая мѣра будетъ не только далека отъ точности оффиціальной,

по неприлична, и даже можетъ возбудить сомнѣніе въ народѣ, особенно если не присягнетъ вмѣстѣ и Сенатъ. Наконецъ, когда Генералъ-Губернаторъ потребовалъ, чтобы присяга была совершена хотя въ томъ случаѣ, если Сенатъ постановитъ о ней опредѣленіе и оно будетъ прочитано въ Успенскомъ Соборѣ, Архіепископъ не нашелъ возможнымъ отказать въ этомъ и принять на свою отвѣтственность послѣдствія такого отказа: ибо нельзя, думалъ онъ, быть въ Петербургѣ одному, а въ Москвѣ другому Императору, ни предположить, чтобы актъ, ввѣренный Государственному Совѣту, Синоду и Сенату, былъ оставленъ бездѣйственнымъ иначе какъ по крайне важнымъ причинамъ, или чтобы содержаніе этого акта, при надписяхъ на конвертахъ и при бытности тутъ же вѣрнаго всегда исполнителя воли почившаго Императора, Князя А. Н. Голицына, осталось неизвѣстнымъ. Въ слѣдствіе того Филаретъ пересталъ уклоняться долѣе отъ совершенія въ Москвѣ присяги, принесенной уже въ Петербургѣ. Но какъ нельзя было знать, рѣшится ли Сенатъ постановить опредѣленіе о сей присягѣ, то, въ избѣжаніе преждевременной гласности, старшему духовенству было только подтверждено собраться въ Успенскій Соборъ на молебенъ, обыкновенно совершаемый 30-го Ноября, въ честь святаго Андрея Первозваннаго, а Генералъ-Губернаторъ обѣщалъ о рѣшеніи Сената дать знать Архіепископу, въ 11 часовъ утра, въ Чудовъ монастырь.

*

Утромъ 30-го числа, въ 10 часовъ, Сенаторы съѣхались по особымъ повѣсткамъ. Курьера изъ Петербурга съ оффиціальнымъ извѣстіемъ все еще не было. Генералъ-Губернаторъ лично объявилъ собранію о содержаніи письма Графа Милорадовича, а Оберъ-Прокуроръ предложилъ заготовленное заранѣе опредѣленіе о принесеніи присяги Императору Константину. Одинъ изъ Сенаторовъ, Ртищевъ, началъ было изъявлять нѣкоторыя сомнѣнія; Гагаринъ остановилъ его замѣчаніемъ, что дѣло это не такого рода, по которому могло бы произойти разногласіе. Другой, Князь Долгорукій, требовалъ предъявленія подлиннаго письма Милорадовича, чему препятствовали, однакожъ, разныя конфиденціальныя его подробности. «Развѣ—спросилъ Гагаринъ—слово Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора для васъ менѣе сильно, нежели письмо С.-Петербургскаго?» Сенаторы подписали опредѣленіе и всѣ вмѣстѣ пошли въ соборъ, а Генералъ-Губернаторъ послалъ сказать о томъ въ Чудовъ монастырь. Тогда печальнымъ благовѣстомъ въ Успенскій колоколъ дано было столицѣ церковное извѣщеніе о преставленіи Императора. Кремль кипѣлъ народомъ, между которымъ еще прежде разнеслась молва, что произошло нѣчто важное и что для этого созвано чрезвычайное собраніе Сената. Въ соборѣ Князь Гагаринъ прочелъ, во всеуслышаніе, при открытыхъ царскихъ дверяхъ, опредѣленіе Сената, и Архіепископъ Филаретъ, которому выпалъ странный жребій быть хранителемъ свѣ-

тильника подъ спудомъ, привелъ всѣхъ къ присягѣ (*). Вслѣдъ за тѣмъ пришелъ наконецъ изъ Петербурга и указъ Сената отъ 27-го Ноября. Этотъ указъ, свидѣтельствуя что распоряженія въ одной столицѣ согласовались съ сдѣланными въ другой, окончательно разсѣялъ всѣ сомнѣнія, какія могли еще оставаться.

Въ Петербургѣ, между тѣмъ, положеніе дѣлъ представляло затрудненія своего рода. Изъ Варшавы не было еще никакихъ извѣстій, а послѣ всего предшедшаго и тотчасъ, разумѣется, сдѣлавшагося гласнымъ, публика, даже высшіе государственные сановники, не могли не находиться въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Новый Императоръ отсутствовалъ, уполномочій отъ Него не было, воля Его и дальнѣйшія предпамѣренія оставались неизвѣстными, никто не зналъ даже Его мѣстопребыванія: въ Варшавѣ ли Онъ еще, или уѣхалъ въ Таганрогъ (**),

(*) Подлинный манифестъ 1823-го года, съ приложеніями къ нему, былъ вынутъ изъ ковчега, распечатанъ и всенародно прочитанъ въ Успенскомъ Соборѣ только уже 18-го Декабря, передъ присягою Государю Императору Николаю Павловичу.

(**) «Ежели Государь при васъ—писалъ Николай Павловичъ, отъ 2-го Декабря, Князю Волконскому, остававшемуся въ Таганрогѣ при Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ — ради Бога скажите Ему, что Онъ не долженъ насъ покидать; что мы Его подданные; что съ нетерпѣніемъ Его ожидаемъ.» Самому Цесаревичу Николай Павловичъ, еще прежде того, писалъ: «Мы ждемъ тебя съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Незнаніе о томъ,

или ѣдетъ въ Петербургъ—все это, по необходимости, представляло нѣчто междуцарственное. Изъ членовъ Императорскаго дома, мужескаго пола, въ Петербургѣ находился только Николай Павловичъ и Ему предстояло или оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи, отстраня Себя отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла управленія, которыя, въ строгомъ смыслѣ службы, Онъ могъ считать Себѣ чуждыми, или же принять въ нихъ участіе и хотя до нѣкоторой степени направлять дѣйствія тѣхъ лицъ, въ рукахъ которыхъ власть сосредоточивалась. Въ первомъ случаѣ безукоризненно была бы охранена форма; но Великому Князю казалось, что, ограждая Себя такимъ образомъ отъ внѣшней отвѣтственности и попуская, между тѣмъ, дѣламъ принимать неумѣстное направленіе, Онъ поступитъ слишкомъ себялюбиво и приметъ на душу тяжкій грѣхъ. Во второмъ случаѣ Онъ, какъ не призванный волею Монаршею къ вмѣшательству въ дѣла управленія, обрекалъ Себя на жертву, но по крайней мѣрѣ съ увѣренностію быть небезполезнымъ отечеству и тому, которому принесъ клятвенный обѣтъ вѣрности и усердія. Въ такихъ соображеніяхъ, Великій Князь не могъ не рѣшиться на послѣдній путь, который указывали Ему и влеченіе чести и сердце. «Ожидаемъ нетерпѣливо извѣстій отъ Государя Константина Павловича и Его повелѣній: — писалъ Онъ

что ты дѣлаешь и гдѣ находишься, непомѣрно тяготитъ насъ. Твое присутствіе здѣсь, хотя бы для матушки, совершенно необходимо.»

Князю Волконскому—до Его пріѣзда съ помощью Божіею надѣемся удержать все въ порядкѣ.»—Въ другомъ письмѣ (отъ 3-го Декабря), говоря о распоряженіяхъ для перевозки тѣла почившаго Императора, Онъ прибавлялъ: «всѣ сношенія нужныя съ мѣстами, здѣсь находящимися, прошу дѣлать непосредственно чрезъ Меня.» И тутъ было, однако, не безъ трудности. Здоровье Императрицы-матери счастливо перенесло тяжкій ударъ; подавая всѣмъ примѣръ твердости, Она нашла даже довольно силы въ тѣлѣ и духѣ, чтобы, непосредственно послѣ полученія роковаго извѣстія, приступить къ говѣнію и пріобщиться Св. Таинъ, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ и Его супругою (*). При всемъ томъ осторожность требовала скрывать настоящій ходъ дѣлъ отъ Ея мнительности и отъ зоркаго любопытства окружавшихъ. Но Великій Князь, возложивъ твердое упованіе на всевышній Промыслъ, рѣшился дѣйствовать по его внушеніямъ. Всѣ бумаги, приходившія на Высочайшее имя, приносились къ Нему, Имъ вскрывались и потомъ, съ Его приказаніями, были распредѣляемы по принадлежности. Въ городѣ, впрочемъ, все было тихо и спокойно. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряли Графъ Милорадовичъ и тѣ немногія лица, которыхъ Великій Князь допускалъ передъ Себя: ибо, въ этомъ переходномъ положеніи, Онъ не считалъ приличнымъ показываться въ публикѣ и почти

(*) Исполненіе этого христіанскаго долга начато было Ими 28-го Ноября, а пріобщались Они 30-го числа, въ день праздника св. Андрея Первозваннаго.

не выходилъ изъ Зимняго дворца, куда переѣхалъ тотчасъ послѣ печальнаго извѣстія, чтобы быть ближе къ Своей родительницѣ. Но, подъ завѣсою наружнаго спокойствія, именно въ это самое время между злоумышленниками въ Петербургѣ господствовало сильное движеніе, и если мѣстное начальство ни сколько еще не подозрѣвало существованія какого либо заговора, то трудно понять какъ не навели его на открытіе, или по крайней мѣрѣ на подозрѣніе, частыя и многочисленныя сходбища заговорщиковъ. Иностранные писатели утверждаютъ, будто бы полиція благовременно доносила Милорадовичу о подозрительныхъ сборищахъ молодыхъ людей; но онъ, смѣясь надъ ея опасеніями, отвѣчалъ: «все вздоръ; оставьте этихъ мальчишекъ въ покоѣ читать другъ другу свои дрянные стишонки.» На самомъ дѣлѣ было, однако, иное, и рѣчь шла о самой горькой дѣйствительности. Въ то время военные имѣли обыкновеніе сходиться, послѣ развода, въ такъ называвшейся Конногвардейской комнатѣ Зимняго дворца. Сюда ежедневно являлся, по служебному своему званію, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ заговорщиковъ и здѣсь, въ шумномъ стеченіи офицеровъ разныхъ чиновъ и другихъ лицъ, приходившихъ освѣдомляться о здоровьѣ Императрицы, а еще болѣе за новостями, онъ съ жадностію ловилъ и потомъ сообщалъ своимъ единомышленникамъ все что̀, по его мнѣнію, могло способствовать успѣху преступныхъ ихъ намѣреній. Другой заговорщикъ, Нижегородскаго Драгунскаго полка Капитанъ Якубовичъ,

умѣлъ, хитростію и пріемами безстрашнаго смѣльчака, пріобрѣсти расположеніе добраго и довѣрчиваго Графа Милорадовича и, вкравшись въ его домъ, снискать даже нѣкоторую къ себѣ довѣренность. Чего одному не удавалось узнать во дворцѣ, тò вывѣдывалъ другой отъ Военнаго Генералъ-Губернатора, легко сдававшагося хитрости и не всегда осторожнаго въ своей откровенности. Но собственные замыслы заговорщиковъ продолжали еще таиться въ глубокомъ, для всѣхъ непосвященныхъ, мракѣ.

Мы оставили Великаго Князя Михаила Павловича на выѣздѣ Его изъ Варшавы, назначенномъ послѣ обѣда 26-го Ноября. Динабургскаго шоссе тогда еще не было: оно обязано своимъ существованіемъ, почти со всѣми другими въ Россіи, Царствованію Императора Николая. Дорога отъ Ковно въ Петербургъ пролегала черезъ Шавли, Митаву и Ригу. На всемъ протяженіи до Митавы, никто еще не зналъ о понесенной Россіею утратѣ; въ самой Митавѣ Великій Князь былъ первымъ ея вѣстникомъ для Командира 1-го Пѣхотнаго корпуса Паскевича, потомъ знаменитаго Князя Варшавскаго. Но тутъ же Михаилъ Павловичъ, въ Свою очередь, былъ пораженъ совершенно неожиданною новостію: одинъ проѣзжій разсказалъ Его свитѣ, что въ Петербургѣ кончина Императора Александра уже извѣстна и—принесена присяга Императору Константину. «Чтò же будетъ при второй присягѣ дру-

гому?»—невольно вскричалъ Онъ, зная ея неизбѣжность. Въ Петербургъ Великій Князь прибылъ рано утромъ 3-го Декабря и, послѣ краткаго свиданія съ Своею супругою, поспѣшилъ въ Зимній дворецъ. Слухъ о Его пріѣздѣ тотчасъ разнесся, и у всѣхъ, кто только могъ, первое движеніе, возбужденное общимъ любопытствомъ, было устремиться также во дворецъ. «Присягнулъ ли уже Михаилъ Павловичъ?» спрашивалъ каждый. «Нѣтъ»—отвѣчали прибывшіе съ Нимъ. Императрица-матерь заперлась съ новопріѣзжимъ. Братъ Его, въ другой комнатѣ, съ трепетомъ ожидалъ рѣшенія Своей участи. Наконецъ дверь отворилась. «Eh bien, Nicolas—сказала Императрица—prosternez-vous devant votre frère Constantin, car il est respectable et sublime dans son inaltérable détermination de vous abandonner le trône.» Эти слова́ тяжело пали на сердце Николая Павловича. Кто же изъ насъ двоихъ—внутренно спрашивалъ Онъ Себя — приноситъ здѣсь бо́льшую жертву? Тотъ ли, который, рѣшась единожды отвергнуть, подъ видомъ своей неспособности, наслѣдіе отцовское, остается, вѣрный своему слову, въ томъ положеніи, какое самъ себѣ предъизбралъ, соотвѣтственно своему вкусу и желанію; или тотъ, который, никогда не готовившись къ сану, чуждому для него по закону рожденія, никогда не знавъ положительно рѣшенія, постановленнаго о его судьбѣ, теперь вдругъ, въ эпоху самую трудную, когда будущее ни сколько не улыбается, долженъ жертвовать собою и всѣмъ для него драгоцѣн-

нымъ—семейнымъ счастіемъ и покоемъ—чтобъ покориться волѣ другаго? «Avant que je me prosterne comme vous le dites, maman — отвѣчалъ Онъ — veuillez-me permettre d'en apprendre la raison, car j'ignore lequel des deux sacrifices, dans une pareille circonstance, est le plus grand: de la part de celui qui refuse, ou bien de celui qui accepte!»

Дѣло, впрочемъ, еще отнюдь нельзя было считать окончательно рѣшеннымъ. Письма изъ Варшавы были отправлены съ Михаиломъ Павловичемъ до полученія тамъ извѣстія о совершившейся въ Петербургѣ присягѣ, а это извѣстіе могло опять все измѣнить. Кромѣ того, однихъ писемъ Цесаревича, не смотря на оффиціальный ихъ характеръ, недостаточно было для удостовѣренія народа въ томъ, что отреченіе, остававшееся при жизни Императора Александра для всѣхъ тайною, составляетъ и теперь, особенно же послѣ принесенной присяги, непремѣнную волю законнаго наслѣдника Престола. Вообще, отъ этихъ писемъ затруднительность положенія скорѣе возрасла, нежели уменьшилась. Михаилъ Павловичъ, изъявляя сожалѣніе о всемъ, совершившемся въ Петербургѣ, не скрывалъ предвидѣній Своихъ насчетъ опасности новой присяги и говорилъ о трудности объяснить публикѣ, почему мѣсто старшаго брата, которому уже присягнули, займетъ вдругъ второй, и растолковать каждому въ народѣ и въ войскѣ основанія и правоту этихъ,

какъ Онъ ихъ называлъ, домашнихъ сдѣлокъ. Николай Павловичъ, въ отвѣтъ брату, повторилъ говоренное Имъ прежде другимъ: что не могъ дѣйствовать иначе въ томъ положеніи, въ которое былъ поставленъ тайною актовъ покойнаго Государя и Своимъ о нихъ невѣдѣніемъ, и что ни совѣсть, ни разсудокъ ни въ чемъ Его не упрекаютъ. «Все, впрочемъ,—прибавилъ Онъ—могло бы еще поправиться и получить оборотъ болѣе благопріятный, если бы Цесаревичъ самъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и только упорство его оставаться въ Варшавѣ будетъ причиною несчастій, которыхъ возможности я не отвергаю, но въ которыхъ, по всей вѣроятности, самъ первый и паду жертвою.»

Послѣ долгихъ разсужденій, положено было написать Цесаревичу, что Николай Павловичъ по необходимости покоряется Его волѣ, если она будетъ снова и положительно изъявлена. Въ слѣдствіе того въ длинномъ письмѣ, испрашивая окончательнаго рѣшенія Своей участи и благословенія старшаго брата; обѣщая Ему, въ силу принесенной присяги, безпредѣльную покорность и преданность во всемъ что́ Онъ ни повелитъ, наконецъ представляя источникъ и побужденія Своихъ дѣйствій въ истинномъ ихъ видѣ и *раскрывая всю свою душу какъ бы въ исповѣди передъ Самимъ Всевышнимъ* (подлинныя слова̀), Великій Князь снова просилъ Цесаревича о прибытіи въ Петербургъ. Эту просьбу убѣдительно повторяла и

Императрица-матерь. Оба письма, тутъ же собственноручно написанныя, были отправлены въ Варшаву, съ фельдъегерскимъ офицеромъ Бѣлоусовымъ, того же 3-го Декабря.

Тайная бесѣда царственной семьи, на которой все это было рѣшено, длилась очень долго, а соразмѣрно тому возрастало и нетерпѣніе находившихся во дворцѣ узнать чѣмъ она кончится. Всѣ бросились на встрѣчу выходившему отъ Императрицы Михаилу Павловичу. Знали что Онъ пользовался особенною любовію и довѣренностію Государя, Которому присягнула Россія; знали также что Онъ пріѣхалъ прямо изъ Варшавы: слѣдственно долженъ былъ имѣть первыя и положительнѣйшія обо всемъ свѣдѣнія. Но отчего же Онъ продолжаетъ сохранять такое неприступное молчаніе? Каждый искалъ прочесть будущность свою и Россіи по крайней мѣрѣ въ Его чертахъ, въ выраженіи Его лица; отгадать по нимъ развязку той задачи, которой рѣшеніе, какъ всѣ были увѣрены, Онъ съ Собою привезъ. Пытка жгучаго любопытства была тѣмъ тягостнѣе, что никто не отваживался выразить его прямымъ вопросомъ. Здоровъ ли Государь Императоръ? Скоро ли можно ожидать сюда Его Величество? Гдѣ теперь Его Величество? вотъ вопросы, которыми былъ осыпанъ со всѣхъ сторонъ Михаилъ Павловичъ при Его выходѣ отъ Императрицы, но далѣе которыхъ никто не смѣлъ идти. Великій Князь, который, точно, *одинъ* зналъ—но зналъ безъ возможности объявить—что истинный Монархъ Рос-

сіи уже *посреди ихъ*, косвенно и уклончиво отвѣчалъ: «что Константинъ Павловичъ здоровъ; что Онъ остался въ Варшавѣ; что о поѣздкѣ Его сюда ничего не слышно, и т. п.»—Освободясь отъ распросовъ, Онъ поѣхалъ въ Свой дворецъ и тамъ, прежде всего, отслушалъ панихиду по усопшемъ. Разумѣется, и объ этомъ также скоро узнали. Что̀ жъ все это значитъ? спрашивали при дворѣ и въ городѣ: Великій Князь выѣхалъ изъ Варшавы послѣ уже извѣстія о кончинѣ Александра Павловича, видѣлся здѣсь и съ братомъ, и съ матерью, отслужилъ панихиду по покойномъ Государѣ, а все еще не присягаетъ новому. Отчего только Онъ одинъ и пріѣхавшіе съ Нимъ остаются изъятыми отъ долга, который велѣно исполнить цѣлой Россіи? Въ самомъ дѣлѣ, всѣ обстоятельства этого событія были таковы, что ими невольно возбуждались сомнѣніе и странные толки. Письма Цесаревича прочла и знала одна царственная семья, а безъ нихъ, безъ этого новаго звена въ сложной цѣпи происшествій, ка̀къ и чѣмъ можно было истолковать уклоненіе Михаила Павловича отъ присяги и продолжительное молчаніе, даже бездѣйственность, Правительства? Публика недоумѣвала; но догадки о таинственныхъ причинахъ, препятствовавшихъ управленію принять снова обыкновенный свой ходъ, вѣроятно и чья нибудь нескромность, навели ее, наконецъ, на истину. Разнесся слухъ, сперва темный и противорѣчивый, потомъ постепенно восходившій на степень достовѣрности, что

Константинъ Павловичъ отказывается отъ Престола. Общее мнѣніе стало предусматривать, что Императоромъ останется не то лице, которому принесена присяга, и заговорщики—мы скоро скажемъ о нихъ подробнѣе—тогда же разочли, что день второй присяги, которою отмѣнится прежняя, будетъ самымъ удобнымъ и самымъ благопріятнымъ случаемъ для приведенія въ дѣйствіе ихъ замысловъ. Такимъ образомъ все, казалось, способствовало и влекло къ той грозѣ, которая должна была разразиться надъ Россіею, но разразиться не на ея гибель, а для обнаруженія вдругъ всѣхъ злоумышленій и ихъ участниковъ, и для указанія пути и средствъ къ истребленію зла. Надъ Россіею бодрствовалъ тотъ же Богъ, Который нѣкогда, изъ дней другаго междуцарствія, возвелъ на Престолъ домъ Романовыхъ, мятежи стрѣлецкіе окончилъ славнымъ вседержавіемъ Петра и пламень Москвы погасилъ въ стѣнахъ Парижа!

Прошло два дня. Государевъ братъ и спутники Его все еще не присягали. Городской говоръ усиливался и непріятная двусмысленность положенія Михаила Павловича становилась все тягостнѣе. Въ слѣдствіе собственной просьбы рѣшено было отправиться Ему опять въ Варшаву: по виду—для личнаго успокоенія Константина Павловича касательно здоровья Ихъ родительницы, въ сущности—для убѣжденія Его прибыть въ Петербургъ. Но чтобы не разъѣхаться съ отвѣтомъ на

присягу и вообще не пропустить въ пути какихъ нибудь важныхъ сообщеній изъ Варшавы, Великому Князю вручена была бумага, за подписаніемъ Императрицы-матери, слѣдующаго содержанія: «Предъявитель сего открытаго предписанія, Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Михаилъ Павловичъ, любезнѣйшій Мой сынъ, уполномоченъ Мною принимать Моимъ именемъ и распечатывать всѣ письма, пакеты и пр., отъ Государя Императора Константина Павловича ко Мнѣ адрессованные.»—Онъ уѣхалъ послѣ обѣда 5-го Декабря. Прощаясь, Императрица сказала Ему: «Quand vous verrez Constantin, dites et répétez lui bien, que si l'on en a agi ainsi, c'est parceque autrement le sang aurait coulé.» — «Il n'a pas encore coulé, mais il coulera!»—отвѣчалъ Онъ въ печальномъ предчувствіи.

Въ тотъ же день, 5-го Декабря, Николай Павловичъ собственноручно писалъ, въ Таганрогъ, Князю Волконскому: «Извѣстія отъ Его Величества нами ожидаются съ большимъ нетерпѣніемъ, ибо все зависитъ отъ Него одного. Ежели мы здѣсь долго останемся безъ Его повелѣній, или въ неизвѣстности Его рѣшенія, *будетъ ли* или не *будетъ ли* сюда, мы не будемъ въ состояніи отвѣчать здѣсь за поддержаніе нынѣшняго порядка и устройства и тишины, которыя, благодаря Бога, *совершенны* и поразительны не только для чужестранныхъ, но, признаюсь, и для насъ самихъ. Михаилъ Павловичъ,

пріѣхавшій третьяго дня съ извѣстіемъ изъ Варшавы, что Государь изволитъ уже быть извѣстенъ о несчастномъ вашемъ донесеніи, ничего намъ не привезъ рѣшительнаго и потому отъ матушки возвращенъ въ Варшаву сего же дня, съ неотступною Ея просьбою пожаловать сюда, гдѣ Его присутствіе необходимо. Здоровье матушки хорошо; важность обстоятельствъ развлекаетъ полезнымъ образомъ Ея мысли и не даетъ предаваться совершенно одному горю. Богъ милостивъ!»

Великій Князь Михаилъ Павловичъ направился въ Варшаву по тому же тракту, по которому оттуда прибылъ; но вскорѣ призналъ нужнымъ остановиться. «Пріѣхавъ на станцію Ранна-Пунгернъ — написалъ Онъ изъ Ненналя, 8-го Декабря, брату своему въ Петербургъ— встрѣтилъ я фельдъегеря изъ Варшавы съ письмомъ къ Князю Лопухину (*) и увидѣвъ на конвертѣ: отъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича, сей часъ догадался въ чемъ дѣло; между тѣмъ узналъ отъ него что Лазаревъ ѣдетъ въ слѣдъ за нимъ, и потому я взялъ сего фельдъегеря съ собою покуда не встрѣчу Лазарева. Что̀ написано Князю Лопухину, того не знаю, ибо не имѣю права отворять. Въ Неннаѣ нашелъ я Лазарева, который подалъ мнѣ письмо, бывшее у него на имя матушки; ты изъ письма Константина Павловича увидишь все его мнѣніе, которое согласно съ тѣмъ что̀ я тебѣ говорилъ. Те-

(*) О семъ письмѣ скажется ниже.

перь, не зная какія мѣры будутъ приняты въ Петербургѣ, я думаю что хорошо мнѣ будетъ здѣсь оставаться и ждать твоихъ повелѣній, ибо бывъ только въ 260 верстахъ, если я нуженъ въ Петербургѣ, сейчасъ могу вернуться, если нѣтъ, то могу продолжать дорогу въ Варшаву, какъ ни въ чемъ не бывало; можетъ быть угодно будетъ матушкѣ и тебѣ еще новое что нибудь отправить къ брату. Увѣрьте себя что я всюду готовъ, куда матушкѣ и тебѣ угодно. Два или три дня разницы пріѣзда моего въ Варшаву ничего не сдѣлаютъ, ибо Опочининъ уже конечно все сказалъ. Сдѣлай милость чтобы приказанія ко мнѣ дошли какъ можно скорѣе.»

Письмо Цесаревича (отъ 2 Декабря), на которое ссылался Михаилъ Павловичъ, было слѣдующее:

«Твой Адъютантъ, любезный Николай, по прибытіи сюда, вручилъ мнѣ твое письмо. Я прочелъ его съ живѣйшею горестью и печалью. Мое намѣреніе неподвижно и освящено покойнымъ моимъ благодѣтелемъ и Государемъ. Твоего предложенія прибыть скорѣе въ Петербургъ я не могу принять и предваряю тебя что удалюсь еще дальше, если все не устроится въ согласность волѣ покойнаго нашего Государя. Твой по жизнь вѣрный и искренній другъ и братъ

Константинъ.»

Вручая это письмо по пріѣздѣ своемъ, 6-го Декабря, въ Петербургъ, Лазаревъ разсказалъ, что когда онъ 2-го числа въ 9-мъ часу вечера явился въ Варшавѣ передъ Константиномъ Павловичемъ, съ словами: «имѣю счастіе явиться, Ваше Императорское Величество,» то былъ отпущенъ съ видимою перемѣною Цесаревича въ лицѣ, послѣ чего Генералъ Курута распрашивалъ его, Лазарева, какъ все происходило въ Петербургѣ и хотѣлъ отправить его обратно въ тотъ же вечеръ; но, за нездоровьемъ, далъ отдохнуть до утра, помѣстивъ его между тѣмъ въ самомъ дворцѣ, съ строгимъ подтвержденіемъ никуда не отлучаться и ни съ кѣмъ не говорить; по утру же въ 10-мъ часу, бывъ позванъ къ Константину Павловичу, Лазаревъ получилъ отъ него помянутое письмо, съ приказаніемъ сейчасъ пуститься въ путь, ѣхать какъ можно скорѣе, стараясь догнать передоваго фельдъегеря (везшаго письмо къ Князю Лопухину), и никуда не заѣзжая и не говоря никому о письмѣ, явиться съ нимъ прямо въ Зимній дворецъ.

Михаилъ Павловичъ съ своей стороны, какъ писалъ о томъ брату, остался на станціи Неппаль, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Но изъ Варшавы въ Петербургъ велъ тогда еще и другой трактъ, черезъ Брестъ-Литовскій, и мы увидимъ ниже, что это обстоятельство замедлило возвращеніе Великаго Князя въ минуту самую необходимую, какъ будто бы все въ этомъ

дѣлѣ должно было совершаться, наперекоръ человѣческихъ усмотрѣній, особыми путями Промысла!

Почти въ слѣдъ за Лазаревымъ, и именно 8-го Декабря, пріѣхалъ въ Петербургъ Генералъ-Адъютантъ Толь, Начальникъ Штаба 1-й Арміи (*), которой главная квартира была въ Могилевѣ на Днѣпрѣ. Главнокомандовавшій Графъ Сакенъ отправилъ его къ новому Императору, съ рапортомъ о принесенной 1-ю Арміею присягѣ (**), и велѣлъ ему распорядиться такъ, чтобы прибыть въ Петербургъ двумя днями позже Государя, котораго предполагалъ уже выѣхавшимъ туда изъ Варшавы. Но 7-го числа, на станціи Боровичахъ, Толя настигло новое приказаніе Графа Сакена: спѣшить какъ можно въ столицу и, если не найдетъ тамъ Государя, слѣдовать въ Варшаву. Узнавъ въ Петербургѣ что Государя здѣсь еще нѣтъ, Толь счелъ долгомъ, прежде выѣзда въ Варшаву, явиться за повелѣніями къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Онъ нашелъ Ее, какъ и ожидалъ, въ глубокой скорби; но донесеніе о данномъ ему порученіи ѣхать къ Императору Константину, Государыня выслушала

(*) Въ послѣдствіи Графъ и Главноуправлявшій Путями Сообщенія и Публичными Зданіями. Умеръ въ 1842 году.

(**) Извѣстіе о кончинѣ Императора Александра и о присягѣ, принесенной Константину Павловичу, пришло въ Могилевъ, въ сообщеніи Военнаго Министра Сакену, въ ночь съ 30-го Ноября на 1-е Декабря. Въ слѣдствіе сего и тамъ немедленно совершена была присяга чинами главной квартиры и Могилевскаго гарнизона и, на тотъ же конецъ, разосланы курьеры къ Корпуснымъ Командирамъ.

очень равнодушно и предложила ему зайти сперва къ Николаю Павловичу. Великій Князь принялъ Толя съ тѣмъ же выраженіемъ сердечной горести, долго бесѣдовалъ съ нимъ о случившемся и, казалось, желалъ сообщить ему нѣчто важное, однако отъ того удерживался. «Всякій изъ насъ сдѣлалъ свой долгъ, какъ честь и присяга велятъ» сказалъ Онъ при прощаніи, но ничѣмъ не пояснилъ этихъ словъ, и съ столь же малымъ вниманіемъ, какъ и Императрица, выслушалъ донесеніе о приказаніи Сакена; изъ рѣчей Его, впрочемъ, можно было заключить, что Государь не въ дорогѣ, а еще въ Варшавѣ. Толь выѣхалъ изъ Петербурга, 8-го Декабря вечеромъ, по Рижскому тракту. Въ Неппалѣ онъ нашелъ Михаила Павловича и тутъ все ему объяснилось. Тотчасъ при встрѣчѣ Великій Князь вручилъ Толю пакетъ на его имя, посланный изъ Петербурга въ слѣдъ за нимъ, въ 9 часовъ вечера того же 8-го числа, съ нарочнымъ фельдъегеремъ, который обогналъ его въ пути и имѣлъ приказаніе дожидаться въ Неппалѣ. Въ конвертѣ было собственноручное письмо Николая Павловича: «Обстоятельства, въ коихъ Я нахожусь,—писалъ Онъ—не допустили Меня лично объяснить вамъ, что поѣздка ваша и предметъ оной въ Варшавѣ—*безполезны*. Братъ Мой Михаилъ Павловичъ вамъ лично все объяснитъ, а Я прибавляю желаніе, чтобы вы *при немъ оставались до возвращенія его*, подъ предлогомъ ожиданія Е. В. Государя Императора.»

Медленно текли дни до ожидаемаго возвращенія изъ Варшавы Бѣлоусова, какъ вдругъ 12-го Декабря, въ Субботу, часовъ въ 6-ть утра, Великаго Князя Николая Павловича разбудили извѣстіемъ, что пріѣхалъ и желаетъ Его видѣть Полковникъ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка Баронъ Фредериксъ, исправлявшій въ Таганрогѣ, при Императорѣ Александрѣ, должность Коменданта (*). Онъ привезъ пакетъ отъ Барона Дибича, «о самонужнѣйшемъ,» адресованный «Его Императорскому Величеству, въ собственныя руки.» На вопросъ, знаетъ ли онъ о содержаніи пакета, Фредериксъ отвѣчалъ отрицательно, но прибавилъ, что, по неизвѣстности въ Таганрогѣ мѣстопребыванія Государя Императора, такія же точно бумаги посланы и въ Варшаву, а ему приказано только, на случай если бы Его Величества не было еще въ Петербургѣ, вручить пакетъ, по чрезвычайной важности дѣла, Его Высочеству.

Великій Князь былъ въ тяжкой нерѣшимости. Проникать въ тайну, предназначавшуюся единственно для Императора—а такимъ еще былъ Константинъ Павловичъ—казалось Ему поступкомъ столь отважнымъ, что одна лишь крайность могла къ тому принудить; но, съ другой стороны, эта крайность не истекала ли уже именно изъ того, что привезенныя бумаги велѣно было,

(*) Умеръ въ 1849 году, въ чинѣ Генералъ-Лейтенанта и въ должности Начальника 2-й Гренадерской дивизіи.

въ небытность Государя, отдать Ему? Долгъ подданнаго, думалъ Онъ, есть жертвовать собою, когда это необходимо для пользы службы, и—рѣшился вскрыть таинственный пакетъ, съ готовностію принять на Себя всѣ послѣдствія, если бы такое дѣйствіе не было одобрено Его братомъ.

При первомъ бѣгломъ просмотрѣ вскрытыхъ бумагъ, Его объялъ несказанный ужасъ! . . . . . .
. . . . . .

Послѣднее время жизни Императора Александра было омрачено горестными для Его сердца открытіями. Еще съ 1816 года, по возвращеніи нашихъ войскъ изъ заграничнаго похода, нѣсколько молодыхъ людей замыслили учредить у насъ нѣчто подобное тѣмъ тайнымъ политическимъ обществамъ, которыя существовали тогда въ Германіи. Первое общество сего рода, основанное сперва по мысли трехъ лицъ, постепенно увеличиваясь, въ Февралѣ 1817 года приняло уже нѣкоторый правильный составъ, подъ названіемъ *союза спасенія*. Горсть молодыхъ безумцевъ, незнакомыхъ ни съ потребностями Имперіи, ни съ духомъ и истинными нуждами народа, дерзостно мечтала о преобразованіи государственнаго устройства; вскорѣ, къ мысли преобразованій, присоединилась и святотатственная мысль цареубійства. Есть поводъ думать, что часть этихъ намѣреній сдѣлалась

×извѣстною Александру еще въ 1818 году, въ бытность Его въ Москвѣ, когда приближенные замѣтили въ Немъ внезапное измѣненіе расположенія духа и особенную мрачность, какой прежде никогда не видѣли. Въ послѣдствіи внѣшнее проявленіе тяготившей Его скорби болѣе или менѣе изгладилось; но побужденія къ ней не переставали сокровенно существовать. По влеченію Своего сердца всегда болѣе наклонный къ милосердію, нежели къ строгости,× Государь смотрѣлъ на это гибельное начало глазами великодушія, въ надеждѣ, вѣроятно, что само время исцѣлитъ заблуждавшихся, изъ числа которыхъ не отъ одного, по способностямъ ума и образованію, можно было, при другомъ направленіи, ожидать истинной для Государства пользы. ×Извѣстное Ему и весьма немногимъ довѣреннымъ Онъ хранилъ въ глубочайшей тайнѣ, ограничиваясь бдительнымъ наблюденіемъ.× Но показаніе одного чиновника, добровольно сдѣланное предъ Командиромъ Гвардейскаго корпуса, Генералъ-Адъютантомъ Васильчиковымъ, пролило на тò, чтò прежде казалось маловажнымъ, болѣе ясный и, вмѣстѣ, болѣе устрашавшій свѣтъ,× а потомъ, вдругъ двумя разными путями: черезъ юнкера 3-го Бугскаго уланскаго полка Украинскаго Военнаго Поселенія Шервуда и черезъ Капитана Вятскаго пѣхотнаго полка Майбороду,× обнаружено было существованіе заговора, покрывавшаго, какъ сѣтью, почти цѣлую Имперію. ×Мѣра долготерпѣливости Александра истощилась. Онъ, уже во время Своего пребыванія

въ Таганрогѣ, велѣлъ захватить тѣхъ изъ главныхъ злоумышленниковъ, о которыхъ тогда имѣли свѣдѣніе. Этому повелѣнію — послѣднему Его царственному акту — Россія обязана была предупрежденіемъ замысловъ гораздо обширнѣйшихъ, которыхъ лишь однѣ частныя и разрозненныя попытки бѣдственно ознаменовали собою исходъ 1825-го года. По кончинѣ Александра, находившіяся при Немъ и посвященныя въ эту важную тайну лица сочли долгомъ довести о ней до свѣдѣнія новаго Государя и, въ неизвѣстности гдѣ Онъ находится, Баронъ Дибичъ послалъ тѣ два пакета, изъ которыхъ одинъ былъ привезенъ въ Петербургъ Фредериксомъ.

Вскрытое Великимъ Княземъ донесеніе, описывая предшедшій ходъ событій, изображало и современное положеніе дѣла (*). Дибичъ писалъ, что въ заговорѣ принимаютъ участіе многіе сообщники; что самое большее число злоумышленниковъ въ главной квартирѣ 2-й Арміи и въ части войскъ входящихъ въ ея составъ, но что есть нѣкоторые и въ Петербургѣ, между офицерами Кавалергардскаго полка, а также въ Москвѣ и въ 3-мъ Пѣхотномъ корпусѣ; наконецъ, что, за нѣсколько дней до кончины Императора Александра, по волѣ Его, былъ отправленъ Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка Полковникъ Николаевъ для задержанія отставнаго Кавалергардскаго

(*) Для избѣжанія всякой нескромности вся бумага была переписана рукою Генералъ-Адъютанта Чернышева.

офицера Вадковскаго, а теперь самъ онъ, Дибичъ, по важности подозрѣній, падающихъ на главную квартиру 2-й Арміи, рѣшился послать въ Тульчинъ Генералъ-Адъютанта Чернышева, для предупрежденія на всякій случай Главнокомандующаго Витгенштейна и для арестованія одного изъ Бригадныхъ Командировъ и Командира Вятскаго пѣхотнаго полка, Полковника Пестеля. Вообще, не смотря на неточность и неопредѣлительность полученныхъ извѣстій, дѣло, по первымъ даже его чертамъ, представлялось въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и требовало не только всего вниманія, но и распоряженій самыхъ настоятельныхъ.

По прочтеніи бумагъ, Великій Князь еще болѣе почувствовалъ тягость настоящаго Своего положенія. Чтобы спасти Имперію отъ угрожающаго ей волненія, даже, можетъ быть, междоусобія, надлежало дѣйствовать непосредственно, не медля ни минуты, съ рѣшимостію, съ полною силою, а Онъ, безъ власти, безъ права что либо непосредственно предпринять, могъ распоряжаться только черезъ другихъ, и не какъ начальникъ, а единственно по степени личной ихъ къ Нему довѣренности. Сверхъ того должно было скрывать это дѣло въ возможной тайнѣ, съ одной стороны отъ Императрицы-матери, чтобы не усугубить тревоги Ея сердца, съ другой отъ всѣхъ постороннихъ, чтобы лица, принадлежащія къ заговору, не узнали обнаруженія ихъ замысловъ. Одинъ, совер-

шенно одинъ, къ кому Великій Князь долженъ былъ обратиться за совѣтомъ, кому могъ повѣрить ужасное открытіе? Послѣ долгаго размышленія, выборъ Его остановился, наконецъ, на двухъ лицахъ: Графѣ Милорадовичѣ, какъ главномъ начальникѣ столицы, и Князѣ А. Н. Голицынѣ, какъ пользовавшемся полнымъ довѣріемъ покойнаго Государя и притомъ начальникѣ почтовой части. Оба были тотчасъ призваны; Великій Князь прочелъ имъ донесеніе Дибича и взаимнымъ соглашеніемъ положили арестовать тѣхъ изъ поименованныхъ въ бумагѣ заговорщиковъ, которые, по мѣсту ихъ службы, должны были находиться въ Петербургѣ. Но произведенная тотчасъ справка обнаружила, что никого изъ нихъ здѣсь нѣтъ и что всѣ они находятся въ отпуску. Это обстоятельство еще болѣе подтверждало основательность извѣстій, доставленныхъ изъ Таганрога, въ которыхъ помянутыя лица значились отправившимися изъ Петербурга, для съѣзда съ своими единомышленниками. Такія доказательства въ дѣйствительномъ существованіи тайнаго сообщества поколебали даже спокойную самоувѣренность Графа Милорадовича и возбудили, вмѣстѣ, всю вѣроятность, что есть въ Петербургѣ еще и другіе участники, въ донесеніи непазванные. Военный Генералъ-Губернаторъ обѣщалъ употребить самыя дѣятельныя полицейскія мѣры къ ихъ обнаруженію и, сверхъ того, согласился послать къ Корпусному Командиру Роту возвратившагося изъ Москвы Адъютанта своего Мантейфеля за Капитаномъ Майбородою, отъ котораго,

какъ онъ особенно часто упоминался въ бумагѣ Дибича, надѣялись получить еще важнѣйшія свѣдѣнія. Послѣ сихъ, такъ сказать, предварительныхъ распоряженій, оставалось только выжидать дальнѣйшаго хода событій. Но этому дню—Субботѣ 12-го Декабря—начавшемуся открытіемъ столь важнымъ для судебъ Россіи, суждено было ознаменоваться еще и развязкою ея будущности.

Великій Князь обѣдалъ вдвоемъ съ Своею супругою. Вдругъ пріѣзжаетъ Бѣлоусовъ. Вскрывъ привезенный имъ конвертъ, Великій Князь съ первыхъ строкъ увидѣлъ, что судьба Его рѣшена. Цесаревичъ, въ частномъ къ Нему письмѣ, отъ 8-го Декабря, писалъ: «Вчера вечеромъ въ 9 часовъ получилъ я письмо твое отъ $\frac{3}{15}$, любезный другъ Николай, и спѣшу принести тебѣ за него живѣйшую мою благодарность, какъ и за изъявляемыя тобою чувства довѣрія и дружбы ко мнѣ. Увѣрься, другъ мой, что я умѣю ихъ понимать и цѣнить и докажу тебѣ всею жизнію что ихъ не недостоинъ. Довѣренность, могу сказать, неограниченная, которою удостоивалъ меня нашъ покойный благодѣтель, служитъ тебѣ порукою въ искренности и чистотѣ моихъ правилъ. (За симъ слѣдовали совѣты и наставленія какъ начать новое Царствованіе и чѣмъ въ немъ руководиться). Посылаю тебѣ благословеніе старшаго брата, отъ глубины сердца, всѣми ощущеніями тебѣ принадлежащаго, и удостовѣряю тебя, какъ подданный, въ преданности и безпредѣльной привязанности, съ кото-

рыми не перестану быть твоимъ преданнѣйшимъ братомъ и другомъ».

Въ другомъ письмѣ, къ Императрицѣ-матери, Цесаревичъ вновь отклонялъ всѣ убѣжденія Ея и брата о личномъ пріѣздѣ въ Петербургъ, присовокупляя что какъ Онъ не Императоръ и не принялъ неправильно принесенной Ему присяги, то непреложное и ни въ чемъ неизмѣнившееся отреченіе Его не можетъ и не должно быть возвѣщено ни въ какой иной формѣ, какъ только черезъ обнародованіе завѣщанія покойнаго Государя и приложенныхъ къ нему актовъ.

Этими письмами пресѣкалась всякая нерѣшимость. Съ сей минуты, въ особенности послѣ вѣстей того утра, на Николаѣ Павловичѣ лежала, для блага и спокойствія Россіи, священная и уже неотразимая обязанность воскресить жизненную силу Престола. Онъ не скрывалъ отъ Себя, теперь еще менѣе чѣмъ прежде, что повиновеніе волѣ брата можетъ вести Его къ гибели; но сознаніе долга превозмогло всѣ другія чувства. Внеся на страницы нашей исторіи одно изъ благороднѣйшихъ и величественнѣйшихъ ея событій, Николай Павловичъ заставилъ умолкнуть въ Своемъ сердцѣ, предъ святымъ долгомъ къ отечеству, голосъ самосбереженія и себялюбія: съ душею, исполненною благоговѣйнаго довѣрія къ Промыслу, Онъ покорился его предначертаніямъ.

Николай Павловичъ былъ Императоромъ . . . . . .

Но приступая къ перемѣнѣ, созданной неодолимою силою обстоятельствъ, надлежало привести ее въ дѣйствіе такъ, чтобы дать наименѣе поводовъ къ недоразумѣніямъ и къ злостнымъ толкамъ и избѣжать также, по возможности, потрясенія общественнаго спокойствія. Запутанность всего предшедшаго дѣлала это очень труднымъ. Во всякомъ случаѣ нужны были сперва разныя приготовительныя мѣры.

Прежде всего новый Императоръ увидѣлся съ Своею родительницею. Обрадованная окончаніемъ нерѣшимости, Императрица благословила Его на великое дѣло. Потомъ Онъ продиктовалъ Адъютанту Своему Адлербергу главныя статьи для манифеста и историческую его часть, описавъ въ ней подробно ходъ происшествій и указавъ на относившіеся къ нимъ подлинные акты. Оставалось дать всему окончательную форму и составить введеніе и заключеніе манифеста. О содержаніи послѣдняго и особливо о внѣшнихъ его выраженіяхъ, Государь много разсуждалъ, въ очень живомъ разговорѣ, съ славнымъ нашимъ исторіографомъ Карамзинымъ, котораго, бывъ еще Великимъ Княземъ, удостоивалъ отлично милостиваго вниманія и съ которымъ часто видѣлся въ первые дни послѣ извѣстія о кончинѣ Императора Александра. Возвратясь къ себѣ, Карамзинъ набросалъ на бумагу

мысли, которыя, по его мнѣнію, могли войти въ начало и въ конецъ манифеста. Но когда онъ снова явился во дворецъ, то засталъ у Государя Князя А. Н. Голицына и Графа Милорадовича, предлагавшихъ поручить составленіе проекта Члену Государственнаго Совѣта Сперанскому. Государь спросилъ Карамзина: напишетъ ли и онъ свой проектъ? Карамзинъ отклонилъ это соперничество, находя что такое дѣло должно быть предоставлено одному. Въ слѣдствіе того для редакціи манифеста былъ призванъ Сперанскій. Этимъ актомъ Николай Павловичъ предполагалъ возвѣстить Свое воцареніе въ торжественномъ засѣданіи Государственнаго Совѣта, при Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, какъ личномъ свидѣтелѣ и вѣстникѣ воли Цесаревича. Но отвѣтъ изъ Варшавы былъ привезенъ Бѣлоусовымъ не черезъ Ригу, а по Брестъ-Литовскому тракту, и отъ того Михаилъ Павловичъ, въ прежней неизвѣстности, все еще находился въ Непналѣ. За Нимъ немедленно послали нарочнаго. «Наконецъ все рѣшено—писалъ Ему братъ—и Я долженъ принять бремя Государя. Братъ нашъ Константинъ Павловичъ пишетъ ко Мнѣ письмо самое дружеское. Поспѣши съ Генераломъ Толемъ прибыть сюда. Все смирно и спокойно.» Призваны были еще и поставлены въ извѣстность о предстоявшей перемѣнѣ Митрополитъ С.-Петербургскій Серафимъ, Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Князь Лопухинъ и Генералъ Войновъ, командовавшій въ то время, какъ мы уже сказали, Гвардейскимъ

корпусомъ. На перваго были возложены нужныя распоряженія по духовному вѣдомству; Лопухину поручено созвать Совѣтъ на слѣдующій день (13-го числа) къ 8-ми часамъ вечера, около котораго времени можно было разсчитывать на прибытіе Михаила Павловича; наконецъ Войнову велѣно собрать въ Зимній дворецъ, утромъ 14-го Декабря, всѣхъ начальниковъ гвардейскихъ войскъ (*). Николай Павловичъ хотѣлъ лично объявить и изъяснить имъ весь ходъ дѣла, чтобы и они могли потомъ, для отвращенія всякаго повода къ безпорядкамъ, разсказать и объяснить его своимъ подчиненнымъ. Самое обнародованіе манифеста и принесеніе новой присяги были назначены также на 14-е Декабря. Все это дѣлалось втайнѣ. Происшедшая перемѣна и день, опредѣленный для присяги, не остались сокрытыми только отъ заговорщиковъ. Никто ихъ не зналъ, но сами они все знали.

Благословеніе на предстоявшее было испрошено и изъ другаго міра. Послѣ обѣда, новая Императорская чета нашла нѣсколько минутъ, чтобы съѣздить въ Аничкинъ домъ и тамъ, въ маленькомъ кабинетѣ *бывшей* Великой Княгини Александры Ѳеодоровны, припала, въ теплой молитвѣ, передъ бюстомъ почившей Ея родительницы. . . .

(*) Въ циркулярной повѣсткѣ, разосланной по этому случаю Начальникомъ Штаба Гвардейскаго корпуса, Николай Павловичъ еще наименованъ былъ: «Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ.»

Но достопамятный день 12-го Декабря еще не кончился. Среди упомянутыхъ нами выше распоряженій, часовъ около 9-ти вечера, докладываютъ Николаю Павловичу, что въ передней ждетъ Адъютантъ Командующаго Гвардейскою Пѣхотою, Генерала Бистрома, съ пакетомъ въ собственныя руки. Государь—тогда для всѣхъ, кромѣ названныхъ выше лицъ, еще Великій Князь — тотчасъ вышелъ, принялъ пакетъ и, велѣвъ Адъютанту обождать, возвратился въ Свой кабинетъ (*). Пакетъ этотъ былъ отъ благороднаго двадцатилѣтняго юноши, горѣвшаго любовію къ Отечеству и преданнаго Великому Князю, младшаго товарища по штабной службѣ одного изъ заговорщиковъ, котораго онъ любилъ, и за умъ и за нравственныя качества, со всѣмъ увлеченіемъ молодости. Вскорѣ послѣ присяги Константину Павловичу старшій товарищъ началъ очень часто говорить младшему, иногда наединѣ, иногда и при другихъ, что слѣдуетъ принять всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать Николаю Павловичу царствовать и не допустить присяги Ему. Нашъ молодой человѣкъ, привыкшій, въ продолженіе осьми мѣсяцевъ службы своей въ Штабѣ, къ рѣзкимъ нападкамъ этого офицера на сильно нелюбимаго имъ Николая Павловича, считалъ все это обычнымъ его раздраженіемъ и не придавалъ его словамъ никакого важнаго значенія. По 12-го Декабря, придя къ своему сослуживцу въ обѣденную пору, онъ засталъ

(*) Нынѣшній кабинетъ Государя Императора Александра Николаевича.

у него человѣкъ двадцать офицеровъ разныхъ полковъ. Всѣ говорили шопотомъ, и, при входѣ посторонняго, замолчали. Молодой человѣкъ тотчасъ удалился, но въ положеніи ужасномъ; тутъ только онъ понялъ что слова любимаго имъ товарища могутъ обратиться въ дѣйствія. Не имѣя никакихъ точныхъ доказательствъ существованія заговора; не зная распространяется ли онъ по всей Имперіи, или ограничивается только видѣнною имъ молодежью, но постигая опасность его для общаго блага даже и въ послѣднемъ случаѣ; видя, наконецъ, общее волненіе умовъ въ городѣ вслѣдствіе продолжающейся неизвѣстности—онъ представилъ себѣ бѣдствія, грозящія, можетъ быть, Россіи, и, въ порывѣ молодаго, неопытнаго энтузіазма, предположилъ для себя трудную задачу: спасти вмѣстѣ—хотя бы цѣною собственной жизни—и Отечество, и Монарха, и тѣхъ самыхъ, на которыхъ падало бездоказательное его сомнѣніе. Этотъ Адъютантъ Штаба Гвардейской Пѣхоты былъ Подпоручикъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка Яковъ Ростовцовъ (*). Во врученномъ имъ пакетѣ было письмо отъ него самого къ Николаю Павловичу.

«Въ продолженіе четырехъ лѣтъ—писалъ онъ—съ сердечнымъ удовольствіемъ замѣчавъ, иногда, Ваше доброе ко мнѣ расположеніе; думая, что люди, Васъ окружающіе, въ минуту рѣшительную, не имѣютъ довольно смѣлости

(*) Нынѣ Генералъ-Адъютантъ и Начальникъ Главнаго Штаба Военно-Учебныхъ Заведеній.

быть откровенными съ Вами; горя желаніемъ быть, по мѣрѣ силъ моихъ, полезнымъ спокойствію и славѣ Россіи; наконецъ, въ увѣренности, что къ человѣку, отвергшему корону, какъ къ человѣку истинно благородному, можно имѣть полную довѣренность, я рѣшился на сей отважный поступокъ. Не почитайте меня коварнымъ доносщикомъ, не думайте, чтобъ я былъ чьимъ либо орудіемъ, или дѣйствовалъ изъ подлыхъ видовъ моей личности; — нѣтъ. Съ чистою совѣстью я пришелъ говорить Вамъ правду.

«Безкорыстнымъ поступкомъ Своимъ, безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ, Вы сдѣлались предметомъ благоговѣнія, и Исторія, хотя бы Вы никогда и не царствовали, поставитъ Васъ выше многихъ знаменитыхъ честолюбцевъ; но Вы только зачали славное дѣло; чтобъ быть истинно великимъ, Вамъ нужно довершить оное.

«Въ народѣ и войскѣ распространился уже слухъ, что Константинъ Павловичъ отказывается отъ Престола. Слѣдуя рѣдко доброму влеченію Вашего сердца, излишне довѣряя льстецамъ и наушникамъ Вашимъ, Вы весьма многихъ противу Себя раздражили. Для Вашей собственной славы погодите царствовать.

«Противу Васъ должно таиться возмущеніе; оно вспыхнетъ при новой присягѣ и, можетъ быть, это зарево освѣтитъ конечную гибель Россіи.

«Пользуясь междоусобіями, Грузія, Бессарабія, Финляндія, Польша, можетъ быть и Литва, отъ насъ отдѣлятся; Европа вычеркнетъ раздираемую Россію изъ списка державъ своихъ и сдѣлаетъ ее державою Азіятскою и незаслуженныя проклятія, вмѣсто должныхъ благословеній, будутъ Вашимъ удѣломъ.

«Ваше Высочество! можетъ быть предположенія мои ошибочны; можетъ быть я увлекся и личною привязанностію къ Вамъ и любовью къ спокойствію Россіи; но дерзаю умолять Васъ именемъ славы Отечества, именемъ Вашей собственной славы—преклоните Константина Павловича принять корону! Не пересылайтесь съ Нимъ курьерами; это длитъ пагубное для Васъ междоцарствіе и можетъ выискаться дерзкій мятежникъ, который воспользуется броженіемъ умовъ и общимъ недоумѣніемъ. Нѣтъ, поѣзжайте Сами въ Варшаву, или пусть Онъ пріѣдетъ въ Петербургъ; излейте Ему, какъ брату, мысли и чувства Свои; ежели Онъ согласится быть Императоромъ—слава Богу! Ежели же нѣтъ, то пусть всенародно, на площади, провозгласитъ Васъ Своимъ Государемъ.

«Всемилостивѣйшій Государь! Ежели Вы находите поступокъ мой дерзкимъ—казните меня. Я буду счастливъ погибая за Россію, и умру благословляя Всевышняго. Ежели же Вы находите поступокъ мой похвальнымъ, молю Васъ не награждайте меня ничѣмъ; пусть

останусь я безкорыстенъ и благороденъ въ глазахъ Вашихъ и моихъ собственныхъ! Объ одномъ только дерзаю просить Васъ—прикажите арестовать меня.

«Ежели Ваше воцареніе, что́ да дастъ Всемогущій, будетъ мирно и благополучно, то казните меня, какъ человѣка недостойнаго, желавшаго, изъ личныхъ видовъ, нарушить Ваше спокойствіе; ежели же, къ несчастію Россіи, ужасныя предположенія мои сбудутся, то наградите меня Вашею довѣренностію, позволивъ мнѣ умереть защищая Васъ.»

Минутъ черезъ десять Николай Павловичъ позвалъ Ростовцова въ кабинетъ, заперъ тщательно за Собою обѣ двери и, взявъ его за руку, обнялъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ, съ словами: «Вотъ чего ты достоинъ, такой правды Я не слыхивалъ никогда!» Ваше Высочество—сказалъ Ростовцовъ—не почитайте меня доносщикомъ и не думайте, чтобы я пришелъ съ желаніемъ выслужиться! «Подобная мысль—отвѣчалъ Государь—недостойна ни Меня, ни тебя. Я умѣю понимать тебя.» Потомъ Онъ спросилъ нѣтъ ли противъ Него заговора? Ростовцовъ отвѣчалъ что никого не можетъ назвать; что многіе питаютъ противъ Него неудовольствіе, но люди благоразумные въ мирномъ воцареніи Его видятъ спокойствіе Россіи; наконецъ, что хотя въ тѣ пятнадцать дней, когда на тронѣ лежитъ у насъ гробъ, обыкновенная тишина

не прерывалась, но въ самой этой тишинѣ можетъ крыться возмущеніе. Нѣсколько помолчавъ, Государь продолжалъ: «Можетъ быть ты знаешь нѣкоторыхъ злоумышленниковъ и не хочешь назвать ихъ, думая, что это противно твоему благородству—*и не называй!* Мой другъ, Я плачу тебѣ довѣренностію за довѣренность! Ни убѣжденія Матушки, ни мольбы Мои, не могли преклонить брата принять корону; Онъ рѣшительно отрекается, въ приватномъ письмѣ укоряетъ Меня, что Я провозгласилъ Его Императоромъ и прислалъ Мнѣ, съ Михаиломъ Павловичемъ, актъ отреченія. Я думаю что этого будетъ довольно.»—Ростовцовъ настаивалъ на необходимости чтобы Цесаревичъ Самъ прибылъ въ Петербургъ и всенародно, на площади, провозгласилъ Своего брата Своимъ Государемъ. «Что дѣлать—возразилъ Государь—Онъ рѣшительно отъ этого отказывается, а Онъ—Мой старшій братъ! Впрочемъ будь покоенъ. Нами всѣ мѣры будутъ приняты. Но если разумъ человѣческій слабъ, если воля Всевышняго назначитъ иначе и Мнѣ нужно погибнуть, то у Меня—шпага съ темлякомъ: это вывѣска благороднаго человѣка. Я умру съ нею въ рукахъ, увѣренный въ правости и святости Своего дѣла и предстану на судъ Божій съ чистою совѣстію.»—«Ваше Высочество—сказалъ Ростовцовъ—это личность. Вы думаете о собственной славѣ и забываете Россію: что̀ будетъ съ нею?»—«Можешь ли ты сомнѣваться, чтобы Я любилъ Россію менѣе Себя; но Престолъ празденъ; братъ Мой отрекается;

Я единственный законный наслѣдникъ. Россія безъ Царя быть не можетъ. Что же велитъ Мнѣ дѣлать Россія? Нѣтъ, мой другъ, ежели нужно умереть, то умремъ вмѣстѣ!»— Тутъ Онъ обнялъ Ростовцова и оба прослезились. «Этой минуты—продолжалъ Онъ—Я никогда не забуду. Знаетъ ли Карлъ Ивановичъ (Бистромъ) что ты поѣхалъ ко Мнѣ?» — «Онъ слишкомъ къ Вамъ привязанъ; я не хотѣлъ огорчить его этимъ; а главное я полагалъ, что только лично съ Вами могу быть откровененъ насчетъ Вашъ.»—«И не говори ему ничего до времени; Я Самъ поблагодарю его, что онъ, какъ человѣкъ благородный, умѣлъ найти въ тебѣ благороднаго человѣка.» — «Ваше Высочество, всякая награда осквернитъ мой поступокъ въ собственныхъ глазахъ моихъ.»—«Наградой тебѣ—Моя дружба. Прощай!»—Онъ обнялъ Ростовцова и удалился. Слѣдующій день, 13-го Декабря, послѣдній, все утро провелъ на службѣ; потомъ списалъ письмо свое и разговоръ съ Государемъ и, послѣ обѣда, отдалъ ихъ, въ присутствіи Рылѣева, своему товарищу, на которомъ сосредоточивались всѣ его опасенія (*).

(*) Оба эти документа найдены были послѣ въ числѣ ихъ бумагъ. 18-го Декабря 1825-го года Государь объявлялъ Ростовцову нѣсколько разъ Свою волю, чтобы онъ переѣхалъ жить во Дворецъ; онъ осмѣлился отказаться въ присутствіи многихъ, пожелавъ остаться въ томъ же положеніи, въ которомъ дотолѣ находился, и въ исполненіи этого желанія ему помогъ Флигель-Адъютантъ В. А. Перовскій. Въ 1828-мъ году онъ былъ назначенъ Адъютантомъ къ Великому Князю Михаилу Павловичу.

Показаніе Ростовцова было немаловажно. Подтверждая возникшую уже прежде мысль, что въ столицѣ, кромѣ злоумышленниковъ, указанныхъ въ свѣдѣніяхъ Барона Дибича и находившихся тогда въ отпуску, есть еще и другіе, оно свидѣтельствовало также, что къ исполненію ихъ намѣреній послужитъ предлогомъ — перемѣна присяги. Будущее все болѣе и болѣе представлялось безотраднымъ! Того же 12-го Декабря, быть можетъ послѣ этого новаго открытія, Государь написалъ Князю Волконскому: «Воля Божія и приговоръ братній надо Мной свершаются. 14-го числа Я буду или Государь—или *мертвъ!* Что во Мнѣ происходитъ, описать нельзя; вы вѣрно надо Мной сжалитесь: да, мы всѣ несчастливы, но нѣтъ никого несчастливѣе Меня. Да будетъ воля Божія!» Потомъ, увѣдомляя о здоровьи Императрицы-матери, Онъ прибавилъ: «Я, слава Богу, покуда еще на ногахъ, но, судя по первымъ днямъ, не знаю что послѣ будетъ, ибо уже теперь Я начинаю быть *прозрачнымъ.* Да не оставитъ Меня Богъ, и душевно и тѣлесно!»

Ростовцовъ никого, однакоже, не указалъ, никого не назвалъ по имени, а розысканія Графа Милорадовича остались совершенно безплодными. Не было открыто ни одного лица, на которое могло бы падать подозрѣніе. Только самый день преступленія долженъ былъ обнаружить его дѣятелей и соучастниковъ.

×Проектъ манифеста былъ изготовленъ Сперанскимъ къ вечеру 12-го Декабря. Государь, одобривъ его съ нѣкоторыми исправленіями, продолжалъ сохранять дѣло втайнѣ до ожидаемаго пріѣзда Великаго Князя Михаила Павловича и потому переписку манифеста поручилъ личному надзору Князя А. Н. Голицына. ×Проектъ былъ переписанъ, въ ночь съ 12-го на 13-е число, въ трехъ экземплярахъ (*), Гавріиломъ Поповымъ (**), довѣреннымъ чиновникомъ Князя, въ его кабинетѣ, съ строгимъ запрещеніемъ всякой огласки. ×Государь, подписавъ манифестъ утромъ 13-го Декабря, помѣтилъ его, однакоже, 12-мъ, какъ тѣмъ днемъ, въ который все рѣшилось окончательнымъ отзывомъ Цесаревича. Въ то же утро 13-го Декабря объявили воцареніе новаго Императора, подъ запрещеніемъ, впрочемъ, кому нибудь разсказывать, Его Наслѣднику, Великому Князю Александру Николаевичу, тогда семилѣтнему отроку. Дитя (***) много плакало. Потомъ Николай Павловичъ съ супругою обѣдали еще разъ въ Аничкиномъ Своемъ домѣ, какъ бы на вѣчное прощаніе со всѣмъ минувшимъ . . . . . .

×(*) Одинъ экземпляръ для Имперіи, другой для Царства Польскаго, третій для Великаго Княжества Финляндскаго.

(**) Нынѣ исправляющій должность Статсъ-Секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ.

(***) «Le petit Sacha,» какъ называли Его тогда въ Августѣйшей фамиліи.

Манифестъ былъ слѣдующаго содержанія:

«Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ. Въ сокрушеніи сердца, смиряясь предъ неисповѣдимыми судьбами Всевышняго, среди всеобщей горести, Насъ, Императорскій Нашъ домъ и любезное Отечество Наше объявшей, въ единомъ Богѣ Мы ищемъ твердости и утѣшенія. Кончиною въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, любезнѣйшаго брата Нашего, Мы лишились отца и Государя, двадесять пять лѣтъ Россіи и Намъ благотворившаго.

«Когда извѣстіе о семъ плачевномъ событіи, въ 27 день Ноября мѣсяца, до Насъ достигло, въ самый первый часъ скорби и рыданій, Мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго и слѣдуя движенію сердца, принесли присягу вѣрности старѣйшему брату Нашему, Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу, яко законному, по праву первородства, наслѣднику Престола Всероссійскаго.

«По совершеніи сего священнаго долга, извѣстились Мы отъ Государственнаго Совѣта, что въ 15 день Октября 1823 года предъявленъ оному, за печатію покойнаго Государя Императора, конвертъ съ таковою на ономъ собственноручною Его Величества надписью: *Хранить въ Государственномъ Совѣтѣ до Моего востре-*

бованія, а въ случаѣ Моей кончины, раскрыть прежде всякаго другаго дѣйствія въ чрезвычайномъ собраніи; что сіе Высочайшее повелѣніе Государственнымъ Совѣтомъ исполнено и въ ономъ конвертѣ найдено: 1) Письмо Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича къ покойному Государю Императору отъ 14-го Генваря 1822 года, въ коемъ Его Высочество отрекается отъ наслѣдія Престола, по праву первородства ему принадлежавшаго; 2) Манифестъ, въ 16 день Августа 1823-го года собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ утвержденный, въ коемъ Государь Императоръ, изъявляя Свое согласіе на отреченіе Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича, признаетъ наслѣдникомъ Насъ, яко по немъ старѣйшаго и по коренному закону къ наслѣдію ближайшаго. Вмѣстѣ съ симъ донесено Намъ было, что таковые же акты съ тою же надписью хранятся въ Правительствующемъ Сенатѣ, Святѣйшемъ Синодѣ и въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ.

«Свѣдѣнія сіи не могли перемѣнить принятой Нами мѣры. Мы въ актахъ сихъ видѣли отреченіе Его Высочества, при жизни Государя Императора учиненное и согласіемъ Его Величества утвержденное; но не желали и не имѣли права сіе отреченіе, въ свое время всенародно необъявленное и въ законъ необращенное, признавать навсегда невозвратнымъ. Симъ желали Мы

утвердить уваженіе Наше къ первому коренному отечественному закону, о непоколебимости въ порядкѣ наслѣдія Престола. И въ слѣдствіе того, пребывая вѣрными присягѣ, Нами данной, Мы настояли, чтобъ и все Государство послѣдовало Нашему примѣру; и сіе учинили Мы не въ пререканіе дѣйствительности воли, изъявленной Его Высочествомъ, и еще менѣе въ преслушаніе воли покойнаго Государя Императора, общаго Нашего отца и благодѣтеля, воли, для Насъ всегда священной, но дабы оградить коренный законъ о порядкѣ наслѣдія Престола отъ всякаго прикосновенія, дабы отклонить самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ намѣреній Нашихъ, и дабы предохранить любезное Отечество Наше отъ малѣйшей, даже и мгновенной неизвѣстности о законномъ его Государѣ. Сіе рѣшеніе, въ чистой совѣсти, предъ Богомъ сердцевѣдцемъ Нами принятое, удостоено и личнаго Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, любезнѣйшей родительницы Нашей, благословенія.

«Между тѣмъ горестное извѣстіе о кончинѣ Государя Императора достигло въ Варшаву, прямо изъ Таганрога, 25-го Ноября, двумя днями прежде нежели сюда. Пребывая непоколебимо въ намѣреніи своемъ, Государь Цесаревичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ, на другой же день, отъ 26 Ноября, призналъ за благо снова утвердить оное двумя актами, любезнѣйшему брату Нашему, Великому Князю Михаилу

Павловичу, для доставленія сюда, врученными. Акты сіи суть слѣдующіе: 1) Письмо къ Государынѣ Императрицѣ, любезнѣйшей родительницѣ Нашей, въ коемъ Его Высочество, возобновляя прежнее его рѣшеніе и укрѣпляя силу онаго грамотою покойнаго Государя Императора, въ отвѣтъ на письмо Его Высочества, во 2 день Февраля 1822 года состоявшеюся и въ спискѣ при томъ приложенною, снова и торжественно отрекается отъ наслѣдія Престола, присвояя оное въ порядкѣ, коренным закономъ установленномъ, уже Намъ и потомству Нашему; 2) Грамота Его Высочества къ Намъ; въ оной, повторяя тѣ же самыя изъявленія воли, Его Высочество даетъ Намъ титулъ Императорскаго Величества; себѣ же предоставляетъ прежній титулъ Цесаревича, и именуетъ себя вѣрнѣйшимъ Нашимъ подданнымъ.

«Сколь ни положительны сіи акты, сколь ни ясно въ нихъ представляется отреченіе Его Высочества непоколебимымъ и невозвратнымъ; Мы признали однако же чувствамъ Нашимъ и самому положенію дѣла сходственнымъ, пріостановиться возвѣщеніемъ оныхъ, доколѣ не будетъ получено окончательное изъявленіе воли Его Высочества на присягу, Нами и всѣмъ Государствомъ принесенную.

«Нынѣ, получивъ и сіе окончательное изъявленіе

непоколебимой и невозвратной Его Высочества воли, ×возвѣщаемъ о томъ всенародно, прилагая при семъ: 1) Грамоту Его Императорскаго Высочества Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича къ покойному Государю Императору Александру Первому; 2) Отвѣтную грамоту Его Императорскаго Величества;×3) Манифестъ покойнаго Государя Императора, отреченіе Его Высочества утверждающій и Насъ наслѣдникомъ признавающій; 4) Письмо Его Высочества къ Государынѣ Императрицѣ, любезнѣйшей родительницѣ Нашей; 5) Грамоту Его Высочества къ Намъ.

×«Въ послѣдствіе всѣхъ сихъ актовъ и по коренному закону Имперіи о порядкѣ наслѣдія, съ сердцемъ, исполненнымъ благоговѣнія и покорности къ неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла, Насъ ведущаго, ×вступая на прародительскій Нашъ Престолъ Всероссійскія Имперіи и на нераздѣльные съ нимъ Престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, повелѣваемъ: ×1) присягу въ вѣрности подданства учинить Намъ и Наслѣднику Нашему, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Николаевичу, любезнѣйшему сыну Нашему;×2) время вступленія Нашего на Престолъ считать съ 19 Ноября 1825 года.

×«Наконецъ Мы призываемъ всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ

подданныхъ соединить съ Нами теплыя мольбы ихъ ко Всевышнему, да ниспошлетъ Намъ силы къ понесенію бремени, святымъ Промысломъ Его на Насъ возложеннаго, да укрѣпитъ благія намѣренія Наши: жить единственно для любезнаго Отечества, слѣдовать примѣру оплакиваемаго Нами Государя; да будетъ царствованіе Наше токмо продолженіемъ царствованія Его, и да исполнится все, чего для блага Россіи желалъ Тотъ, Коего священная память будетъ питать въ Насъ и ревность и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народовъ Нашихъ.»

×13-е Декабря падало на Воскресенье. По вышеупомянутому нами приказанію, отданному Князю Лопухину, Члены Государственнаго Совѣта явились, къ 8-ми часамъ вечера, въ чрезвычайное собраніе. Многіе изъ нихъ или ничего еще не знали, или только угадывали предстоявшее по городской молвѣ; знавшіе же болѣе другихъ считали преждевременнымъ оглашать тò, чтò не было еще возвѣщено державною волею. Когда всѣ собрались, Лопухинъ объявилъ, что въ это засѣданіе имѣютъ прибыть «Великіе Князья» Николай и Михаилъ Павловичи. ×Но прошло нѣсколько часовъ въ бездѣйственномъ ожиданіи, которымъ все только болѣе усиливалось и напрягалось тревожное любопытство, а Великихъ Князей еще не было.×Государь продолжалъ ждать Михаила Павловича, а Его пріѣздъ, какъ оказалось послѣ, замедлился, не смотря

на поспѣшность отправленія и быстроту переѣзда, отъ того, что посланный за Нимъ поспѣлъ въ Ненналь только въ два часа пополудни того же 13-го числа.×Между тѣмъ наступила полночь. Въ городѣ давно разнеслось, что Совѣтъ созванъ въ чрезвычайное засѣданіе и, по необычайности дня собранія (въ Воскресенье), по поздней даже порѣ его, всѣ догадывались что должно, наконецъ, послѣдовать что нибудь рѣшительное и съ нетерпѣніемъ ждали конца томительной неизвѣстности. Нельзя было ни отложить дѣла, ни медлить еще долѣе.×Государь, съ сердечнымъ сокрушеніемъ, покорился необходимости предстать Совѣту безъ Своего брата. Прислано было сказать, что какъ Михаилъ Павловичъ не скоро еще, можетъ быть, пріѣдетъ, а дѣло, которое должно предложить Совѣту, не терпитъ отлагательства, то «Великій Князь» Николай Павловичъ рѣшается прибыть въ собраніе одинъ. Остававшись все это время съ обѣими Императрицами, Онъ обнялъ Ихъ и пошелъ въ Совѣтъ.

Отсюда будемъ продолжать подлинными словами Совѣтскаго журнала. Онъ любопытенъ не только въ отношеніи историческомъ, но и по самому даже образу изложенія, такъ какъ въ одномъ и томъ же актѣ одно и то же лицо называется сперва *Великимъ Княземъ* и *Высочествомъ*, потомъ *Императоромъ* и *Величествомъ*.

«Его Высочество,×по прибытіи въ Совѣтъ, занявъ

«мѣсто Предсѣдателя и призвавъ благословеніе Божіе, «началъ Самъ читать манифестъ о принятіи Имъ Импе«раторскаго сана, въ слѣдствіе настоятельныхъ отрече«ній отъ сего высокаго титула Великаго Князя Кон«стантина Павловича. Совѣтъ, по выслушаніи сего «манифеста въ глубокомъ благоговѣніи и по изъясненіи, «въ молчаніи, нелицемѣрной вѣрноподданнической пре«данности новому своему Государю Императору (*), об«ратилъ опять свое вниманіе на чтеніе всѣхъ подлин«ныхъ приложеній, объясняющихъ дѣйствія Ихъ Импе«раторскихъ Высочествъ. Послѣ сего Государь Импе«раторъ повелѣлъ правящему должность Государствен«наго Секретаря прочесть въ слухъ отзывъ Великаго «Князя Константина Павловича на имя Предсѣдате«ля Совѣта Князя Лопухина. По прочтеніи сего отзыва, «Его Величество изволилъ взять оный къ Себѣ обрат«но (**) и, вручивъ Министру Юстиціи читанные Его

(*) Когда всѣ Члены, при началѣ чтенія Государемъ манифеста, по невольному движенію, встали, тогда и Онъ Самъ всталъ съ мѣста и продолжалъ чтеніе стоя. По окончаніи весь Совѣтъ благоговѣйно Ему поклонился.

(**) Этотъ отзывъ (отъ 3-го Декабря) и есть именно тотъ самый, о которомъ мы выше говорили. Онъ былъ врученъ, привезшимъ его фельдъегеремъ, не Лопухину, а Государю, который, по прочтеніи сего отзыва въ Совѣтѣ, взялъ его опять къ Себѣ, не велѣвъ давать ему гласности, собственно по причинѣ особенно сильныхъ и даже рѣзкихъ его выраженій. Въ послѣдствіи, при первомъ составленіи настоящаго разсказа, не отыскалось нигдѣ ни подлинника, ни копіи, и только уже въ 1849-мъ году, по кончинѣ блаженныя памяти Государя Великаго Князя Михаила Павловича, найденъ въ бумагахъ Его Высочества списокъ, собственноручно засвидѣтельствованный въ вѣрности Государемъ Императоромъ Николаемъ Павло-

«Величествомъ манифестъ и всѣ къ нему приложенія, «повелѣть соизволилъ немедленно приступить къ испол«ненію и напечатанію оныхъ во всенародное извѣстіе. «Послѣ чего Его Величество, всемилостивѣйше привѣт«ствовавъ Членовъ, изволилъ засѣданіе Совѣта оставить «въ исходѣ 1-го часа ночи. *Положено* о семъ знаме«нитомъ событіи записать въ журналъ, для надлежаща«го свѣдѣнія и храненія въ актахъ Государственнаго «Совѣта; причемъ положено также, сегодня, т. е. 14-го «Декабря, исполнить вѣрноподданническій обрядъ, произ«несеніемъ присяги предъ лицемъ Божіимъ въ вѣрной и «непоколебимой преданности Государю Императору «Николаю Павловичу; что̀ и было Членами Совѣта и «правящимъ должность Государственнаго Секретаря ис«полнено въ большомъ дворцовомъ соборѣ.»

Журналы Совѣта всегда представляются на Монаршее усмотрѣніе въ такъ называемыхъ *меморіяхъ*, или извлеченіяхъ; но этотъ былъ представленъ въ подлинникѣ, и на немъ написано: «Утверждаю. Николай.»

вичемъ. Мы прилагаемъ съ него копію (Приложеніе № 1-й). Рапортъ о присягѣ Сената возвращенъ былъ Цесаревичемъ Министру Юстиціи, при рескриптѣ отъ 8-го Декабря, и сей послѣдній обнародованъ Сенатомъ 18-го того же Декабря (Приложеніе № 2-й). Замѣчательно, что Цесаревичъ положилъ разность не только въ содержаніи сихъ бумагъ, но и въ самомъ образѣ ихъ доставленія: рескриптъ Князю Лопухину былъ вложенъ въ конвертъ къ Государю, а рескриптъ Князю Лобанову присланъ ему самому непосредственно.

Такъ совершилось и *второе* историческое засѣданіе Государственнаго Совѣта—первое державное слово новаго Императора. Никогда, ни прежде, ни послѣ, Совѣтъ не имѣлъ *ночныхъ* засѣданій; никогда также Императоръ Николай не возсѣдалъ уже въ немъ болѣе на предсѣдательскомъ мѣстѣ (*). Ночь эта — начало новой эры въ нашемъ бытописаніи — во всемъ, казалось, должна была отличаться отъ предшедшаго и послѣдующаго (**)! Изъ Совѣта Государь возвратился въ Свои комнаты: тамъ Его ожидали, въ молитвѣ, родительница и супруга. Былъ часъ ночи, слѣдственно уже начало Понедѣльника, что̀ многіе сочли дурнымъ предзнаменованіемъ для перваго дня царствованія. Супруги проводили Императрицу-матерь на Ея половину, гдѣ комнатная прислуга, съ Ея разрѣшенія, первая поздравила новую Им-

(*) Въ послѣдствіи, когда въ Бозѣ почившій Императоръ изволилъ удостоивать Своего присутствія засѣданія Государственнаго Совѣта, Его Величество занималъ всегда стулъ противъ Предсѣдателя Совѣта, по лѣвую сторону возлѣ докладчика, на мѣстѣ, назначенномъ, по положенію, для Предсѣдателя Департамента Законовъ, который отодвигался тогда нѣсколько лѣвѣе.

(**) Участниками сего засѣданія Совѣта, въ томъ порядкѣ, какъ ими подписанъ журналъ, были: Князь Лопухинъ, Князь Алексѣй Куракинъ, фанъ-Дезинъ, Мордвиновъ, Графъ Морковъ, Графъ Аракчеевъ, Князья Дмитрій и Яковъ Лобановы-Ростовскіе, Графъ Милорадовичъ, Василій Ланской, Пашковъ, Тутолминъ, Карцовъ, Сукинъ, Татищевъ, Иларіонъ Васильчиковъ, Князь Александръ Голицынъ, Графъ Нессельродъ, Шишковъ, Канкринъ, Князь Сергій Салтыковъ, Болотниковъ, Сперанскій — всего 23 Члена.

ператорскую чету. Бывшая Великая Княгиня отмѣтила въ Своемъ дневникѣ, что Ихъ должно было бы не поздравлять, а скорѣе утѣшать и сожалѣть о Нихъ. Тѣ же чувства раздѣлялъ и Ея супругъ. «Во внутреннемъ караулѣ отъ Конной Гвардіи, передъ половиною Императрицы, стоялъ тогда, случайно, одинъ изъ заговорщиковъ, Князь Одоевскій. Уже послѣ, когда открылось его участіе, вспомнили, что онъ безпрестанно обращался къ придворнымъ служителямъ съ распросами о всемъ происходившемъ— обстоятельство, которое въ то время приписывали одному любопытству.

Того же 13-го числа Государь подписалъ приготовленное Сперанскимъ, по Его приказанію и мыслямъ, письмо къ Цесаревичу, слѣдующаго содержанія (*):

«Любезнѣйшій братъ!

«Съ сердечнымъ сокрушеніемъ въ полной мѣрѣ раздѣляя съ Вашимъ Высочествомъ тяжкую скорбь, совокупно насъ постигшую, Я искалъ утѣшенія въ той мысли, что въ васъ, какъ старшемъ братѣ, коего отъ юности Моей привыкъ Я чтить и любить душевно, найду отца и Государя.

(*) Письму этому, какъ болѣе родственному и, такъ сказать, домашнему, не было дано гласности. Точно такъ же не былъ обнародованъ и отвѣтъ на него Цесаревича, находящійся здѣсь въ приложеніяхъ подъ № 3.

«Ваше Высочество письмомъ вашимъ отъ 26-го Ноября лишили Меня сего утѣшенія. Вы запретили Мнѣ слѣдовать движеніямъ Моего сердца, и присягу, не по долгу только, но и по внутреннему чувству Мною вамъ принесенную, принять не благоволили.

«Но Ваше Высочество не воспретите, ничѣмъ не остановите чувства преданности и той внутренней, душевной присяги, которую, вамъ давъ, возвратить Я не могу и которой отвергнуть, по любви вашей ко Мнѣ, вы не будете въ силахъ.

«Желанія Вашего Высочества исполнены. Я вступилъ на ту степень, которую вы Мнѣ указали и коей, бывъ закономъ къ тому предназначены, вы занять не восхотѣли. Воля ваша совершилась!

«Но позвольте Мнѣ быть увѣреннымъ, что тотъ, кто, противъ чаянія и желанія Моего, поставилъ Меня на семъ пути многотрудномъ, будетъ на немъ вождемъ Моимъ и наставникомъ. Отъ сей обязанности вы, предъ Богомъ, не можете отказаться; не можете отречься отъ той власти, которая вамъ, какъ старшему брату, ввѣрена самимъ Провидѣніемъ и коей повиноваться, въ *сердечномъ* Моемъ подданствѣ, всегда будетъ для Меня величайшимъ въ жизни счастіемъ.

«Сими чувствами заключая письмо Мое, молю Всевышняго, да въ благости своей хранитъ дни ваши, для Меня драгоцѣнные.

«Вашего Императорскаго Высочества

«душевно вѣрноподданный

«Николай.»

Державная чета отошла къ покою и — сонъ Ея былъ безмятеженъ: съ чистою передъ Богомъ совѣстію, Она предала себя, отъ глубины души, Его неисповѣдимому промыслу.

Наступило 14-е Декабря.

Государь всталъ рано. Онъ предчувствовалъ приближавшуюся опасность; но ожидалъ ее съ спокойствіемъ невинности и безстрашія. Однимъ изъ доказательствъ сему служитъ слѣдующее письмо къ Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ, написанное Имъ, наскоро, въ это утро, до начала волненія въ полкахъ (*):

«St-Pétersbourg, 14 Décembre 1825.

«Priez Dieu pour moi, chère et bonne Marie. Prenez pitié d'un malheureux frère, victime de la volonté de Dieu et de ses deux frères.

«Tant que j'ai pu éloigner de moi ce calice, j'en ai prié la Providence et j'ai fait ce que mon coeur et mon devoir me dictaient.

«Constantin, mon Empereur, a repoussé le serment que moi et toute la Russie lui devaient; j'étais son sujet: j'ai dû lui obéir.

«Notre ange doit être content, sa volonté est faite, toute amère, toute affreuse qu'elle est pour moi.

(*) Это письмо заимствовано изъ разрѣшеннаго Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ къ изданію сочиненія М. С. Волкова, въ которое оно включено съ соизволенія Государыни Великой Княгини Маріи Павловны.

«Priez Dieu, je le répète, pour votre malheureux frère: il a besoin de cette consolation et plaignez-le!

«Nicolas.»

Присутствовавшему при утреннемъ Его одѣваніи Генералъ-Адъютанту Бенкендорфу (*) Государь сказалъ: «Сегодня вечеромъ, можетъ быть, насъ обоихъ не будетъ болѣе на свѣтѣ; но по крайней мѣрѣ мы умремъ исполнивъ нашъ долгъ». Принявъ потомъ Генерала Войнова, Государь въ 7-мь часовъ вышелъ въ залу тогдашнихъ Своихъ покоевъ, гдѣ были собраны Начальники дивизій и Командиры бригадъ, полковъ и отдѣльныхъ баталіоновъ Гвардейскаго корпуса. Сперва Онъ объяснилъ имъ, что, покоряясь непремѣнной волѣ старшаго брата, которому недавно вмѣстѣ со всѣми присягалъ, принужденъ теперь принять Престолъ, какъ ближайшій въ родѣ по отрекшемся; потомъ, прочтя имъ Самъ манифестъ и приложенные къ нему акты, спросилъ: не имѣетъ ли кто какихъ сомнѣній? Всѣ единогласно отвѣчали, что не имѣютъ никакихъ и признаютъ Его законнымъ своимъ Монархомъ. Тогда, нѣсколько отступя, Государь — съ осанкою и величіемъ, которыя еще живы въ памяти у свидѣтелей сей незабвенной минуты—сказалъ: «Послѣ этого вы отвѣчаете Мнѣ головою за спокойствіе

(*) Умеръ, въ 1844-мъ году, Графомъ, Членомъ Государственнаго Совѣта, Шефомъ Жандармовъ и Командующимъ Императорскою Главною Квартирою.

столицы; а что до Меня, если буду Императоромъ хоть на одинъ часъ, то покажу что былъ того достоинъ.» Въ заключеніе Онъ приказалъ всѣмъ находившимся тутъ начальникамъ ѣхать въ Главный Штабъ присягать (*), а оттуда немедленно отправиться по своимъ командамъ, привести ихъ къ присягѣ и донести объ исполненіи. Въ то же самое время собрались, въ своихъ мѣстахъ, для выслушанія манифеста и принесенія присяги, Синодъ и Сенатъ и разосланы были повѣстки, чтобы всѣ, имѣющіе пріѣздъ ко Двору, собирались въ Зимній дворецъ къ 11-ти часамъ, для торжественнаго молебствія (**).

Вскорѣ за гвардейскими начальниками прибылъ во дворецъ и Графъ Милорадовичъ. Свѣдѣнія изъ Таганрога, показаніе Ростовцова и даже городскіе слухи не могли не возбуждать самыхъ естественныхъ опасеній; но Военный Генералъ-Губернаторъ настойчиво продолжалъ увѣрять въ противномъ. Городъ, говорилъ онъ, совершенно спокоенъ и, подтверждая это самое въ присутствіи Императрицы Маріи Θеодоровны, прибавилъ, что, впрочемъ, на всякій случай приняты всѣ нужныя мѣры предосторожности. Послѣдствія обнаружили, какъ мало эти увѣре-

(*) Присяга эта была совершена въ круглой залѣ библіотеки.

(**) Нѣсколько позже послѣдовала перемѣна и, чтобы дать окончить сперва присягу въ войскахъ, велѣно было съѣзжаться во 2-мъ часу. Но новая повѣстка многихъ уже не застала и отъ того залы Зимняго дворца начали наполняться еще съ 11-го часа.

нія имѣли основанія и какъ слабо распорядилось мѣстное начальство. Городъ кипѣлъ заговорщиками, и ни одинъ изъ нихъ не былъ схваченъ, ни даже замѣченъ; они имѣли свои сходбища, а полиція утверждала что все спокойно. Стеклись и другія странныя оплошности, которыя трудно теперь объяснить и которыхъ, между тѣмъ, достаточно было бы для взволнованія умовъ и при обстоятельствахъ обыкновенныхъ. Такъ, за обѣднею 14-го Декабря, на эктеніяхъ во всѣхъ церквахъ столицы уже возглашали имя новаго Императора, а самый манифестъ, которымъ возвѣщалась эта перемѣна и объяснялись ея причины, былъ прочитанъ *послѣ обѣдни,* передъ молебствіемъ. Съ другой стороны не озаботились выпустить и разсыпать въ народѣ достаточное число печатныхъ экземпляровъ этого акта, тогда какъ частные разнощики на улицахъ продавали экземпляры новой присяги, но *безъ манифеста,* то есть безъ ключа къ ней. Манифеста въ это утро почти нельзя было и купить, особенно позже, когда бунтовщики— какъ покажетъ нашъ разсказъ—загородили собою зданіе Сената, а съ нимъ его типографію и книжную лавку. Повторимъ и здѣсь: все видимо способствовало и влекло къ той вспышкѣ, которая необходима была, по неисповѣдимымъ и благимъ предначертаніямъ Промысла, чтобы, вмѣстѣ съ нею, погасить и навсегда истребить самое горнило, давшее ей пищу!

Первымъ изъ полковыхъ начальниковъ съ донесеніемъ

объ оконченной присягѣ явился Командовавшій Лейб-Гвардіи Коннымъ полкомъ, Генералъ-Адъютантъ Орловъ (*). «Они оба молодцы!» закричали солдаты, когда Полковой Командиръ объяснилъ имъ, передъ присягою, образъ дѣйствія и поступки царственныхъ братьевъ. Примѣръ полка, извѣстнаго особенною привязанностію къ своему Шефу— Цесаревичу Константину — подтверждалъ, казалось, увѣренія главнаго начальника столицы и служилъ какъ бы нѣкоторымъ ручательствомъ, что присяга и въ остальныхъ полкахъ совершится также благополучно (**). Но въ то время, когда бо́льшая часть войскъ присягала въ совершенномъ порядкѣ и огромное большинство народонаселенія столицы съ умиленіемъ произносило или готовилось произнести обѣтъ вѣчной вѣрности Монарху, съ такимъ самоотверженіемъ и съ такими чистыми помыслами рѣшившемуся возложить на Себя вѣнецъ предковъ, скопище людей злонамѣренныхъ или обольщенныхъ, обманывавшихъ или обманутыхъ, стремилось осквернить эти священныя минуты пролитіемъ родной крови и дерзкимъ, чуждымъ нашей святой Руси преступленіемъ . . . . . .

(*) Нынѣ Князь и Предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ.

(**) Въ Конногвардейскомъ полку произошло, однако же, нѣкоторое замедленіе отъ священника Полякова (давно умершаго). Когда Орловъ велѣлъ ему читать передъ солдатами присягу, онъ, удерживаемый недоумѣніемъ о всемъ происшедшемъ, остановился и не рѣшался. Тогда Орловъ вырвалъ у него изъ рукъ присяжный листъ и самъ громогласно прочелъ форму клятвеннаго обѣщанія.

Постепенно приходили донесенія, что присяга окончена въ полкахъ: Кавалергардскомъ, Преображенскомъ, Семеновскомъ, Павловскомъ, Егерскомъ и Финляндскомъ, и въ Гвардейскомъ Саперномъ баталіонѣ. Отъ прочихъ извѣстій еще не было, но причиною тому полагали отдаленность ихъ казармъ. Вдругъ является во дворецъ Командовавшій Гвардейскою Артиллеріею Генералъ Сухозанетъ (*) и передаетъ, что когда онъ приводилъ къ присягѣ 1-ю Бригаду, въ Конной Артиллеріи нѣкоторые офицеры потребовали, прежде чѣмъ идти на присягу, личнаго удостовѣренія Великаго Князя Михаила Павловича, котораго считали или выдавали нарочно удаленнымъ изъ Петербурга, будто бы по несогласію Его на воцареніе Николая Павловича. Отъ этого и нижніе чины остановились присягать; но порядокъ—какъ доносилъ Сухозанетъ—былъ возстановленъ, еще до его прибытія туда, Полковникомъ Гербелемъ, Капитаномъ Пистолькорсомъ и Штабсъ-Капитаномъ Графомъ Кушелевымъ; офицеровъ же, разъѣхавшихся, при смятеніи, неизвѣстно куда, онъ приказалъ, по мѣрѣ ихъ возвращенія, сажать подъ арестъ. «Возвратить арестованнымъ сабли,—сказалъ Государь—не хочу знать ихъ именъ; но ты Мнѣ за все отвѣчаешь.» Къ счастію, въ это самое время пріѣхалъ, наконецъ, давно ожидаемый Великій Князь Михаилъ Павловичъ (**).

(*) Нынѣ Генералъ отъ Артиллеріи, Генералъ-Адъютантъ и Членъ Военнаго Совѣта.

(**) Въ исходѣ 11-го часа—сказано въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ. Замѣчательно, что лишь ограниченному числу самыхъ приближенныхъ лицъ

×Государь немедленно послалъ Его въ Конноартиллерійскія казармы. Появленіе Великаго Князя видимо всѣхъ тамъ обрадовало: солдаты еще болѣе убѣдились, что ихъ хотѣли только поколебать въ долгѣ законнаго повиновенія, и присяга была совершена всѣми чинами въ надлежащемъ порядкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ Сухозанета ×вбѣжалъ къ Государю, въ крайнемъ смущеніи, Начальникъ Штаба Гвардейскаго Корпуса Нейдгардтъ. «Sire!— кричалъ онъ запыхавшись—le régiment de Moscou est en pleine insurrection. Chenchine et Frédéricks (*) sont grièvement blessés et les mutins marchent vers le Sénat. J'ai à peine pu les devancer pour venir Vous le dire. De grâce, ordonnez au premier bataillon Préobrajensky et à la Garde à cheval (**) de marcher contre.»

Дѣйствительно, Лейбъ-Гвардіи Московскій полкъ былъ

извѣстно было объ остановкѣ Великаго Князя въ Пенналѣ, а всѣ прочіе, т. е. весь городъ, увѣрены были, что Онъ—у Константина Павловича. Такъ думала даже и комнатная придворная прислуга; ибо въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ записано: «Въ исходѣ 11-го часа изволили прибыть изъ *Варшавы* Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ.»

(*) ×Шепшинъ, Командовавшій въ то время бригадою, въ послѣдствіи Генералъ-Адъютантъ и Начальникъ 1-й Гвардейской Пѣхотной дивизіи; умеръ въ 1831-мъ году. Баронъ Фредериксъ — братъ упомянутаго выше — тогда Командиръ Лейбъ-Гвардіи Московскаго полка, потомъ Оберъ-Шталмейстеръ Высочайшаго Двора; умеръ въ 1855-мъ году.

× (**) Эти полки, по мѣстности ихъ казармъ, были всего менѣе отдалены отъ Зимняго дворца и, слѣдственно, ближе всѣхъ подъ рукою.

въ полномъ волненіи. Двое изъ офицеровъ сего полка, съ другими ихъ единомышленниками, успѣли убѣдить солдатъ не присягать. «Все обманъ,—говорили они—насъ заставляютъ присягать, а Константинъ Павловичъ не отказывался: Онъ въ цѣпяхъ; Михаилъ Павловичъ, Шефъ полка, также (*). Находившійся тутъ же Александръ Бестужевъ, Адъютантъ Герцога Александра Виртембергскаго, выдавалъ себя за присланнаго изъ Варшавы съ повелѣніемъ не допускать до присяги. «Царь Константинъ—кричали заговорщики—любитъ нашъ полкъ и прибавитъ вамъ жалованья: кто не останется Ему вѣренъ, того колите.» Велѣли солдатамъ взять боевые патроны и зарядить ружья, отняли у гренадеровъ принесенныя для присяги знамена, и одинъ изъ упомянутыхъ двухъ офицеровъ ранилъ саблею сперва Генерала Фредерикса, потомъ Генерала Шепшина, которые оба упали безъ чувствъ; нанесъ нѣсколько ударовъ Полков-

(*) Злые умыслы этихъ двухъ офицеровъ проявились еще въ ночь съ 13-го на 14-е Декабря. Часть Московскаго полка занимала городскіе караулы и у Нарвской заставы стоялъ Подпоручикъ Кушелевъ (нынѣ Генералъ-Лейтенантъ и Начальникъ 1-й пѣхотной дивизіи). Здѣсь всю ночь ждалъ пріѣзда Великаго Князя Михаила Павловича один изъ Адъютантовъ новаго Императора, Василій Алексѣевичъ Перовскій (теперь Графъ, Генералъ-Адъютантъ и Членъ Государственнаго Совѣта). Разговорясь съ Кушелевымъ о предметѣ, всѣхъ тогда занимавшемъ, онъ счелъ нужнымъ разсказать ему подробно все, что̀ зналъ о манифестѣ, о предназначенной новой присягѣ и пр. Вдругъ Кушелева вызываютъ изъ караульни на улицу эти два офицера, которые пріѣхали уговаривать его не присягать Николаю Павловичу. Но Кушелевъ, уже знавъ, изъ разсказовъ Перовскаго, истину, не поддался ихъ внушеніямъ и удержалъ отъ безпорядковъ и свою команду.

нику Хвощинскому (*) и также ранилъ сопротивлявшихся ему гренадера и унтеръ-офицера. Наконецъ часть полка, подъ его предводительствомъ, выбѣжала изъ казармъ и, съ распущенными знаменами и криками: ура! насильно увлекая съ собою встрѣчавшихся военныхъ, устремилась, въ совершенномъ неистовствѣ, къ Сенатской площади. Въ слѣдъ и вокругъ нея бѣжала толпа народа, также съ криками: «Ура Константинъ!» которые для этой толпы, не читавшей манифеста, имѣли еще полное значеніе законности. Другая часть полка, удержанная своими офицерами, хотя и осталась въ казармахъ, но упорно продолжала уклоняться отъ присяги.

Государь былъ глубоко пораженъ извѣстіями Нейдгардта. Съ перваго взгляда ясно открывалось, что это уже не простое недоразумѣніе касательно новой присяги, а плодъ того, еще неразгаданнаго Правительствомъ заговора, о которомъ первыя свѣдѣнія были доставлены въ Таганрогъ; что мнимое опасеніе новой присяги, будто бы клятвопреступной, только предлогъ, которымъ заговорщики умѣли искусно воспользоваться для обольщенія Русскаго солдата, всегда добросовѣстно вѣрнаго своимъ обязанностямъ; наконецъ, что нижніе чины, обманутые представленнымъ ихъ чувству призракомъ законности, думая исполнять и охранять единственно прямой долгъ службы, дѣйствуютъ,

(*) Потомъ Генералъ-Лейтенантъ, состоявшій по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ. Умеръ въ 1852-мъ году.

въ рукахъ зачинщиковъ, только какъ орудія совсѣмъ другихъ замысловъ. Очевидно было и тò, что одно мгновеніе колебанія или слабости можетъ превратить небольшую еще, покамѣстъ, искру въ опасный пожаръ. Государь не замедлилъ сдѣлать соотвѣтственныя распоряженія. Онъ велѣлъ Нейдгардту, для водворенія порядка въ части Московскаго полка, оставшейся въ казармахъ, обратить ближайшій къ нимъ Семеновскій полкъ и приказать Конной Гвардіи изготовиться, но еще не выступать; а состоявшему при Своей особѣ Генералъ-Маіору Стрекалову (*) привесть къ Зимнему дворцу 1-й баталіонъ Преображенскаго полка, стоявшій, какъ и теперь, въ казармахъ на Милліонной; наконецъ Адъютанта Своего, Александра Александровича Кавелина (**), послалъ въ Аничкинъ домъ, чтобы находившихся еще тамъ Своихъ дѣтей сейчасъ перевезти въ Зимній дворецъ, а бывшему въ Секретарской комнатѣ Флигель-Адъютанту Бибикову (***) приказалъ распорядиться приготовленіемъ верховой лошади. Затѣмъ, перекрестясь и предавъ Себя волѣ Божіей, Государь рѣшился предстать лично на мѣсто опасности. «Il y a hésita-

(*) Умершій, въ 1856-мъ году, Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ и Сенаторомъ въ Москвѣ.

(**) Позже Генералъ-Адъютантъ, нѣкоторое время С.-Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ и наконецъ Членъ Государственнаго Совѣта, Комитета 18-го Августа 1814-го года и Совѣта о Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ. Умеръ въ 1850-мъ году.

(***) Въ то время Директоръ Канцеляріи Начальника Главнаго Штаба, а теперь Генералъ-Лейтенантъ и Предсѣдатель Коммиссіи Военнаго Суда при Московскомъ Ордонансгаузѣ.

tion à l'artillerie»—сказалъ Онъ, проходя черезъ комнату Своей супруги, и не прибавилъ болѣе ничего, хотя внутренно сомнѣвался увидится ли еще съ Нею въ этой жизни. Она начала одѣваться къ молебствію, какъ вдругъ вошла Императрица Марія Ѳеодоровна, въ крайнемъ волненіи и съ словами: «Pas de toilette, mon enfant, il y a désordre, révolte . . . . . .»

×Между тѣмъ Государь, въ мундирѣ Измайловскаго полка, съ лентою черезъ плечо, какъ былъ одѣтъ къ молебствію, даже не накинувъ шинели, спустился къ главной дворцовой гауптвахтѣ. Передъ такъ называемою Салтыковскою лѣстницею Ему встрѣтился Командиръ Кавалергардскаго полка, Флигель-Адъютантъ Графъ Апраксинъ,×а на самой лѣстницѣ Генералъ Войновъ, совершенно растерявшійся.×Первому Онъ приказалъ привести полкъ; второму—человѣку почтенному по храбрости, но ограниченному×и не успѣвшему пріобрѣсти никакого вѣса въ Гвардейскомъ корпусѣ—×строго припомнилъ, что мѣсто его среди вышедшихъ изъ повиновенія войскъ, ввѣренныхъ его начальству.× Въ караулъ на главную дворцовую гауптвахту только что вступила въ то время 6-я Егерская рота Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка, съ Штабсъ-Капитаномъ Прибытковымъ, командовавшимъ ею Поручикомъ Гречемъ и Прапорщикомъ Боасселемъ (*).×Разводили еще часовыхъ и потому налицо бы-

×(*) Въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ, вообще довольно неточномъ

ла только часть караула.* Когда она выстроилась, Государь велѣлъ, при отданіи чести, салютовать знамени и бить походъ. Такимъ образомъ это было *первое войско,* привѣтствовавшее Николая Павловича Императоромъ, и *первое знамя,* которое преклонилось передъ Нимъ въ новомъ санѣ. Государь поздоровался съ людьми и спросилъ: присягнули ли они Ему и знаютъ ли что эта присяга была по точной волѣ Его брата Константина Павловича? «Присягали и знаемъ» былъ отвѣтъ (*). «Ребята—продолжалъ Онъ—теперь надо показать вѣрность на самомъ дѣлѣ; Московскіе шалятъ, не перенимать у нихъ и дѣлать свое дѣло молодцами. Готовы ли вы умереть за Меня?» По утвердительному отклику,* Государь велѣлъ зарядить ружья и, обратясь къ офицерамъ, сказалъ: «васъ, господа, Я знаю, и потому ничего вамъ не

* въ описаніи этого дня, что̀ легко объясняется общимъ смущеніемъ, сказано что караулъ былъ отъ Лейбъ-Гвардіи *Егерскаго* полка.

* (*) Присяга была принесена Финляндскимъ полкомъ еще до его вступленія въ караулъ, въ присутствіи Бригаднаго Командира Головина (нынѣ Членъ Государственнаго Совѣта),* кромѣ Карабинерной роты Его Высочества, не возвратившейся еще изъ караула, въ которомъ она была 13-го числа. Отправляясь, для такого же принятія присяги, въ другой полкъ своей бригады, Лейбъ-Гвардіи Егерскій,* Головинъ велѣлъ Командиру Финляндскаго, Воропанову, когда кончится крестное цѣлованіе, отрядить новый городовой караулъ и полкъ распустить, а потомъ дождаться роты Его Высочества и, какъ только она воротится въ казармы, самому привести ее къ присягѣ. Но Воропановъ исполнилъ только первое, а роты не дождался, спѣша къ назначенному во дворцѣ выходу. Мы увидимъ, въ своемъ мѣстѣ, какія были отъ того послѣдствія.

говорю.» Затѣмъ, скомандовавъ Самъ: «Дивизіонъ впередъ, скорымъ шагомъ маршъ, маршъ», Онъ повелъ караулъ, лѣвымъ плечемъ впередъ, къ главнымъ воротамъ дворца. Площадь передъ дворцомъ была усѣяна съѣзжавшимися къ выходу экипажами и любопытствовавшимъ народомъ. Многіе заглядывали на дворъ, а нѣкоторые, при видѣ Государя, входили и клапялись Ему въ ноги. Выводя караулъ за дворцовыя ворота, Государь замѣтилъ подъ ними пришедшаго туда Полковника Хвощинскаго, раненаго и обагреннаго кровью, и велѣлъ ему куда нибудь укрыться, чтобы видомъ его не распалить еще болѣе страстей. Потомъ, поставя караулъ поперегъ воротъ, съ внѣшней ихъ стороны, Онъ вышелъ на площадь совершенно одинъ, потому что остававшагося при Немъ Адъютанта Адлерберга послалъ ускорить приходъ 1-го баталіона Преображенскаго полка. Завидя Государя, народъ сталъ отовсюду къ Нему стекаться, съ криками: ура! Чтобы дать время войскамъ собраться, надобно было отвлечь вниманіе чѣмъ нибудь необыкновеннымъ. «Читали ли вы Мой манифестъ?» началъ спрашивать Государь у окружавшихъ. Бо́льшая часть отвѣчала отрицательно. Тогда Онъ взялъ печатный экземпляръ у кого-то въ толпѣ и Самъ сталъ его читать, протяжно и съ разстановкою, толкуя каждое слово. Слушатели съ радостными криками бросали вверхъ шапки. Для многихъ изъ нихъ дѣло представлялось совсѣмъ новымъ. До тѣхъ поръ, въ слѣдствіе разнесшагося слуха о

бунтѣ въ Московскомъ полку, были толки лишь о томъ, что часть войскъ остается вѣрною Константину Павловичу и не хочетъ присягать никому другому; но почему же *надобно* и *должно* присягнуть другому, этого никто не объяснилъ народу, ни изустными вразумленіями, ни прочтеніемъ хотя бы манифеста: ибо въ церквахъ, по случаю будняго дня, число слышавшихъ его было весьма не велико и самая обѣдня въ этотъ день, за происходившею съ утра въ присутственныхъ мѣстахъ присягою, совершалась, большею частію, очень поздно. Едва Государь окончилъ чтеніе, какъ прискакалъ опять Нейдгардтъ съ донесеніемъ, что возмутившіяся роты Московскаго полка уже заняли Сенатскую площадь. Спокойно выслушалъ его Государь и тутъ же передалъ эту вѣсть народу сжато, кратко . . . . Тысячная масса, послѣ объясненнаго ей Самимъ Государемъ, мгновенно все поняла и оцѣнила. Она сдвинулась, сплотилась вокругъ Царя и множество голосовъ закричало, что не допустятъ никого до Него, разорвутъ всѣхъ на клочки, не выдадутъ Его. Въ эту минуту подошли къ Государю два человѣка, въ партикулярной одеждѣ, съ Георгіевскими крестами въ петлицахъ. «Мы знаемъ, Государь,—сказалъ одинъ изъ нихъ—что̀ дѣлается въ городѣ, но мы старые, раненые воины и покуда живы, Васъ не коснется рука измѣнниковъ!» То были отставные офицеры Веригинъ и Бедряга. Другіе хватали Его руки, фалды мундира, падали на землю, цѣловали Ему ноги. Русскій народъ вполнѣ выказалъ тутъ врожден-

ную ему царелюбивость, тò святое, патріархальное чувство, которымъ искони сильна наша Русь. Но при первомъ словѣ Царя: «ребята!» это всколебавшееся море опять успокоилось и сдѣлалось тихо и неподвижно. «Ребята — сказалъ Государь — не могу поцѣловать васъ всѣхъ, но — вотъ за всѣхъ.» Онъ обнялъ и поцѣловалъ ближайшихъ, такъ сказать лежавшихъ у Него на груди (*), и нѣсколько секундъ, въ тишинѣ смолкшихъ тысячъ, слышались только поцѣлуи. Народъ свято дѣлилъ между собою поцѣлуй Царя! Возвысивъ опять голосъ, Государь сталъ говорить, что унять буйство принадлежитъ властямъ; что никто посторонній не долженъ смѣть вступаться, ни словомъ, ни дѣломъ, во чтó бы то ни было; что любовь и преданность оцѣнятся по спокойствію и строгой покорности приказаніямъ тѣхъ, которые одни знаютъ чтó и кáкъ дѣлать. Наконецъ, заключивъ совѣтомъ идти по домамъ, Государь сказалъ: «дайте

(*) Въ дѣлахъ Императорской Публичной Библіотеки есть любопытный документъ объ этомъ моментѣ, именно всеподданнѣйшее письмо къ Императору Николаю I, отъ 13-го Августа 1850 года, Черниговской губерніи, Суражскаго уѣзда, Клинцовскаго мѣщанина Луки Чеснокова. Поднося Его Величеству одну старинную рукопись, онъ писалъ: «Въ 1825 году, Декабря 14-го дня, при восшествіи Вашего Величества на прародительскій наслѣдственный Престолъ и при первомъ воззрѣніи на своихъ вѣрноподданныхъ въ Зимнемъ дворцѣ, при главной гауптвахтѣ, я, съ горящею и нелицемѣрною любовію къ своему вѣнценосному Владыкѣ, удостоился всемилостивѣйшаго Вашего отеческаго объятія и снисходительнаго разговора, и *перваго* меня удостоили Вашимъ Монаршимъ цѣлованіемъ и обѣщаніемъ Вашей Монаршей великой милости.»

теперь мѣсто.» И тихо отодвинулась толпа къ краямъ площади, очистивъ то пространство передъ дворцомъ, которое долженъ былъ занять приближавшійся баталіонъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка.

Удостоенный особеннымъ вниманіемъ усопшаго Императора и благодѣтеля своего, Преображенскій полкъ искренно и глубоко скорбѣлъ объ Его утратѣ. Но злоумышленники покусились было дѣйствовать и на этотъ, всегда образцовый, полкъ×13-го Декабря, вечеромъ, во 2-ю роту 1-го баталіона, состоявшую изъ молодыхъ солдатъ, вошелъ внезапно незнакомый офицеръ, въ адъютантскомъ мундирѣ. Польстивъ сначала нижнимъ чинамъ увѣреніемъ, что вся Гвардія ждетъ отъ нихъ примѣра и указанія, онъ объявилъ потомъ въ превратномъ видѣ о назначаемой на слѣдующее утро присягѣ и прибавилъ что жертвуетъ собою для спасенія перваго Русскаго полка отъ присяги клятвопреступной. Фельдфебель (*), человѣкъ умный и надежный, пославъ тотчасъ предупредить объ этомъ начальство, убѣждалъ офицера прекратить свои разсказы, а солдаты, выведенные наконецъ изъ терпѣнія его дерзостію, объявили что не выпустятъ его.×Какъ нарочно, въ казармахъ не случилось въ ту пору никого изъ командировъ, а на зовъ фельдфебеля пришелъ дежурный по баталіону, прикомандированный не-

(*) Дмитрій Косяковъ, бывшій послѣ Полиціймейстеромъ въ Павловскѣ и умершій, въ отставкѣ, Полковникомъ.

задолго передъ тѣмъ къ полку изъ Арміи, совоспитанникъ упомянутаго офицера по Пажескому Корпусу. Возмутитель встрѣтилъ его жалобами на мнимыя грубости нижнихъ чиновъ и угрозами, что начальники будутъ извѣщены о неисправности его, дежурнаго, который испугался этого, велѣлъ выпустить бывшаго своего товарища и проводилъ его съ извиненіями. Но, вслѣдъ за тѣмъ, фельдфебель доложилъ о случившемся своему Капитану, жившему противъ казармъ; виновнаго отыскали и арестовали въ ту же самую ночь и его покушеніе осталось безъ всякаго вліянія на умы солдатъ. Утромъ 14-го Декабря, баталіоны присягнули: 1-й, по прочтеніи передъ нимъ манифеста Бригаднымъ Командиромъ Шеншинымъ, въ дворцовомъ экзерцирганзѣ, а 2-й на баталіонномъ дворѣ, близъ Таврическаго сада (*). Стрекаловъ, посланный за 1-мъ баталіономъ, засталъ людей совершенно спокойными и уже раздѣвшимися, почему велѣлъ имъ одѣваться въ полную форму; но явившійся послѣ него Адлербергъ взялъ на себя выводить ихъ, для выигранія времени, не въ мундирахъ, а въ шинеляхъ, и поспѣшилъ донести о томъ Государю, котораго нашелъ на дворцовой площади, по прежнему одного, въ ту минуту, какъ отъ Него расходился народъ. За Адлербергомъ пришли еще Генералъ-Адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ и Адъютантъ Принца Евгенія Виртембергскаго, Полковникъ Молостовъ. Государь приказалъ С.-Петербургскому Ко-

(*) 3-й баталіонъ, расположенный въ окрестностяхъ Царскаго Села, присягалъ позже, по-ротно.

менданту, Генералъ-Лейтенанту Башуцкому (*), остаться при поставленномъ передъ дворцовыми воротами главномъ караулѣ и не трогаться съ мѣста безъ особаго повелѣнія, а Самъ пошелъ къ Преображенскому баталіону, который, изготовясь и прибывъ съ быстротою неимовѣрною, сталъ спиною къ Комендантскому подъѣзду, лѣвымъ флангомъ къ экзерциргаузу, правымъ же почти примкнулъ къ главнымъ дворцовымъ воротамъ. Имъ начальствовалъ Полковникъ Микулинъ (**) и тутъ же находился Полковой Командиръ, Генералъ-Маіоръ Пеленьевъ (***).

Въ эту минуту, къ другой сторонѣ Зимняго дворца, подъѣзжала, почти тайно, простая извощичья карета. Она везла того, который, черезъ воцареніе Его родителя, призванъ былъ къ сану Наслѣдника Русскаго Престола—Великаго Князя Александра Николаевича. Кавелинъ нашелъ Его въ Аничкиномъ домѣ—молодыя Великія Княжны уже прежде отвезены были въ Зимній дворецъ—занятаго раскрашиваніемъ литографированной картинки, которая изображала переходъ Александра Македонскаго черезъ Гра-

(*) Занимавъ Комендантскую должность тридцать лѣтъ, онъ испросилъ себѣ отъ нея увольненіе въ 1833-мъ году и умеръ въ 1836-мъ, въ званіи Генералъ-Адъютанта и Сенатора.

(**) Умеръ, въ 1841-мъ году, Генералъ-Адъютантомъ, состоя при Гвардейскомъ корпусѣ.

(***) Умеръ, въ 1851-мъ году, Генералъ-Адъютантомъ, Инспекторомъ Гвардейскихъ запасныхъ и Гренадерскихъ резервныхъ баталіоновъ и Членомъ Комитета 18-го Августа 1814-го года.

никъ (*) . . . . . Для большей осторожности, Его привезли, вмѣстѣ съ находившимся при Его воспитаніи Флигель-Адъютантомъ Мердеромъ, въ наемной каретѣ. По исполненіи сего, Кавелину тотчасъ дано было отъ Государя новое порученіе: привести тѣ роты Лейбъ-Гвардіи Павловскаго полка, которыя были не въ караулѣ. Такихъ оказалось всего три и Кавелинъ, для прикрытія дворца, двѣ изъ нихъ поставилъ въ Милліонной, у моста черезъ Зимнюю канавку, а третью—у другаго моста на Дворцовой набережной.

Когда Государь приблизился къ Преображенскому баталіону, люди отдали честь. Онъ быстро прошелъ по фронту и потомъ звонкимъ, далеко разносившимся, голосомъ сказалъ: «Послѣ отреченія брата Константина Павловича вы присягнули Мнѣ, какъ законному своему Государю, и поклялись стоять за Меня и Мой домъ до послѣдней капли крови. Помните, присяга—дѣло великое. Я требую теперь исполненія. Знаю, что у Меня есть враги, но Богъ поможетъ съ ними управиться» . . . На вопросъ: готовы ли они идти за Нимъ куда велитъ, громко загремѣло молодецкое: «рады стараться!» Взглядъ и вся наружность солдатъ представляли спокойное, *гранитное,* какъ говорилъ послѣ Государь, выраженіе глубокаго чувства долга. Государь обнялъ Пеленьева и Ми-

(*) Картинка эта и теперь хранится у Государя Императора, въ томъ самомъ видѣ, какъ она тогда осталась.

кулина. Онъ былъ въ восхищеніи отъ этого, по истинѣ *перваго* баталіона въ свѣтѣ, который, въ минуту столь примѣчательную, вполнѣ обнаружилъ истинную свою преданность. Тутъ подошелъ Графъ Милорадовичъ, котораго не было видно съ утра. «Cela va mal, Sire — сказалъ онъ—ils entourent le monument (*); mais je m'en vais leur parler.» У Государя не вырвалось ни одного слова въ укоръ ему за всѣ предшедшія увѣренія въ мнимомъ спокойствіи столицы. «Вы, Графъ, долго командовали Гвардіею,—отвѣчалъ Онъ—солдаты васъ знаютъ, любятъ и уважаютъ: уговорите же ихъ, вразумите что ихъ нарочно вводятъ въ обманъ; вамъ они скорѣе повѣрятъ, чѣмъ другимъ.» Милорадовичъ пошелъ. Провидѣніе уже рѣшило его судьбу и новому Императору предопредѣлено было снова его увидѣть только—при отданіи ему послѣдняго долга. Продолжая, между тѣмъ, оставаться пѣшкомъ и все въ одномъ мундирѣ, Государь скомандовалъ Преображенскому полку, словами устава того времени: «къ атакѣ въ колонну стройся, 4-й и 5-й взводы прямо, скорымъ шагомъ маршъ, маршъ,» и повернувъ колонну, почти съ мѣста, лѣвымъ плечемъ впередъ, въ направленіи къ Адмиралтейской площади, остановилъ ее противъ угла строившагося тогда и обнесеннаго временнымъ деревяннымъ заборомъ дома Главнаго Штаба. Тутъ привели Ему верховую лошадь и, садясь на нее, Онъ случайно замѣ-

(*) Памятникъ Петра Великаго, на Сенатской площади. Слова Милорадовича относились къ взбунтовавшейся части Московскаго полка.

тилъ вышедшаго изъ-за воротъ забора одного штабъ-офицера, котораго печальная, извѣстная по исторіи заговора роль скоро должна была открыться. Въ эту минуту послышались, со стороны Сенатской площади, ружейные выстрѣлы, которыхъ причину мы объяснимъ ниже. Государь спросилъ Полковника Микулина заряжены ли у людей ружья и, по отрицательному отвѣту, велѣлъ зарядить боевыми патронами, вызвать на фланги стрѣлковъ и Полковому Командиру Исленьеву, съ тремя фузелерными ротами, идти къ Сенатской площади, гдѣ стать правымъ флангомъ къ Адмиралтейскому булевару, противъ дома Князя Лобанова, что̀ нынѣ Военное Министерство. Потомъ, обратясь къ остававшейся еще на мѣстѣ Своей ротѣ, и какъ бы запамятовавъ на ту минуту новый Свой санъ, Онъ сказалъ: «рота Его Величества остается при Мнѣ.» Такимъ образомъ этой ротѣ, подъ командою Капитана Игнатьева (*), выпалъ счастливый жребій слѣдовать за всѣми первыми движеніями Государя и преданіе о томъ свято живетъ въ ней донынѣ, хотя въ рядахъ ея уже не осталось никого изъ тогдашняго состава (**). Съ одною этою ротою,

(*) Въ послѣдствіи Дежурный Генералъ Главнаго Штаба; нынѣ Генералъ-Адъютантъ, Членъ Государственнаго Совѣта и С.-Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ.

(**) Императоръ Николай и съ Своей стороны сохранялъ до конца Своихъ дней особенное благорасположеніе къ 1-му баталіону и вообще ко всему Преображенскому полку, милостиво называя его, при всѣхъ случаяхъ: «Моя семья.»

сопровождаемый, сверхъ Кутузова и Адлерберга, Стрекаловымъ, Перовскимъ и Флигель-Адъютантомъ Дурново, къ которымъ вскорѣ присоединились Генералъ-Адъютанты Князь Трубецкой и Графъ Комаровскій, Государь двинулся за фузелерными ротами, по направленію къ Сенатской площади, останавливаясь, впрочемъ, нѣсколько разъ на пути для отданія приказаній и выслушанія донесеній; причемъ свободно допускаемы были къ Нему многія, какъ должностныя, такъ и частныя лица. На углу Невскаго проспекта подошелъ, такимъ образомъ, офицеръ Нижегородскаго драгунскаго полка, съ черною повязкою вокругъ головы и съ огромными черными глазами и усами, придававшими его наружности что-то замѣчательно отвратительное. На вопросъ: какъ его зовутъ, услышавъ, удержанную въ памяти изъ похвальныхъ отзывовъ Графа Милорадовича, фамилію Якубовичъ, Государь спросилъ: чего онъ желаетъ? «Я былъ *съ ними*,—дерзко отвѣчалъ заговорщикъ—но, услышавъ что они за Константина, бросилъ ихъ и явился къ Вамъ.»—«Спасибо,—сказалъ Государь — вы поняли вашъ долгъ и Я теперь же дамъ вамъ возможность загладить прошедшее. Ступайте къ своимъ и постарайтесь ихъ вразумить и воротить къ порядку, если, впрочемъ, не боитесь опасности.»—«Вотъ доказательство что я не изъ трусливыхъ»—отвѣчалъ Якубовичъ, указывая на свою обвязанную голову. «Браво, браво!» раздался сзади голосъ Флигель-Адъютанта Дурново. Государь остано-

вилъ эту неумѣстную выходку строгимъ замѣчаніемъ. Уже позже обнаружилось что Якубовичъ, подъ личиною возвращенія къ законному долгу, старался только развѣдать происходившее въ противныхъ злоумышленникамъ рядахъ, чтобы дѣйствовать по обстоятельствамъ.

Продолжая медленно ѣхать впередъ, Государь послалъ, сперва, бывшаго при Немъ верхомъ стараго рейткнехта Лондырева, а потомъ Перовскаго, за Конною Гвардіею. Изъ числа возмутившихся войскъ, Сенатскую площадь тогда занимала только еще упомянутая выше часть Московскаго полка, которая, при крикахъ: ура Константинъ! выкинула стрѣлковую цѣпь, никого не пропускавшую. Перовскому, который ѣхалъ въ саняхъ, солдаты дали, однако же, дорогу и хотя черпь, изъ-за заборовъ вокругъ Исакіевскаго собора, бросала въ него, сама не зная что̀ дѣлаетъ, каменьями, но онъ успѣлъ выполнить данное ему порученіе. Орловъ поспѣшилъ въ казармы. Пока было отдаваемо приказаніе скорѣе одѣваться и сѣдлать лошадей, далеко впереди шелъ только что смѣнившійся съ внутренняго дворцоваго караула Князь Одоевскій, который—какъ разсказывали послѣ—говорилъ людямъ: «успѣете, нечего торопиться.» При личной бытности Орлова, это не произвело, впрочемъ, никакого замедленія и когда оканчивали сѣдлать, самъ онъ поѣхалъ, верхомъ, на Сенатскій мостъ, чтобы осмотрѣть расположеніе мятежниковъ. Его тамъ узнали и изъ рядовъ ихъ послышались крики:

«вотъ Орловъ выѣзжаетъ съ мѣдными лбами,» а одинъ Сенатскій чиновникъ, находившійся въ толпѣ, ухватился за его ногу и умолялъ не ѣхать далѣе, чтобъ не быть убиту. По возвращеніи въ казармы, Орловъ велѣлъ трубить тревогу. Въ эту минуту пріѣхалъ Милорадовичъ. Послѣ разсказаннаго нами свиданія съ Государемъ на Дворцовой площади, онъ спѣшилъ, пѣшкомъ, къ мѣсту сборища мятежниковъ. На дорогѣ ему встрѣтился Оберъ-Полиціймейстеръ Шульгинъ. Милорадовичъ, высадивъ его изъ саней, помчался въ нихъ съ Адъютантомъ своимъ, Башуцкимъ (сыномъ Коменданта), къ Сенатской площади; но ему не было такой удачи какъ Перовскому. Отъ угла булевара невозможно было пробраться далѣе, за сплошною массою народа, занявшаго собою все пространство до памятника Петра Великаго, котораго подножіе предводители бунта избрали какъ бы мѣстомъ опоры для совершенія своей измѣны. Милорадовичъ принужденъ былъ объѣхать кругомъ, черезъ Синій мостъ, по Мойкѣ, на Поцѣлуевъ мостъ, и оттуда въ Конную Гвардію, гдѣ встрѣтился съ Орловымъ. «Allons ensemble parler aux mutins» сказалъ онъ послѣднему съ довольно встревоженнымъ видомъ. J'en viens—отвѣчалъ Орловъ—et croyez-moi, Monsieur le Comte, n'y allez pas. Ces gens ont besoin de commettre un crime; ne leur en donnez pas l'occasion. Quant à moi, je ne peux, ni ne dois vous suivre: ma place est avec la troupe que je commande et que je dois conduire auprès de l'Empereur, comme j'en

ai l'ordre.»—«Que serait-ce donc qu'un Gouverneur-Général qui ne saurait répandre son sang quand le sang doit couler!» вскричалъ Милорадовичъ, сѣлъ на лошадь, взятую имъ у Адъютанта Орлова, Бахметева, и поѣхалъ на площадь. За нимъ слѣдовалъ, пѣшкомъ, одинъ Башуцкій. Они врѣзались въ толпу и остановились шагахъ въ десяти отъ бунтующихъ солдатъ. Народъ отступилъ за лошадь, очистивъ такимъ образомъ мѣсто впереди, и стѣснился съ остальныхъ трехъ сторонъ. Здѣсь старый воинъ, герой Лекко, Амштетена, Бородина, Краснаго, Кульма, Бріенна, Феръ-Шампенуаза, былъ уже на настоящемъ своемъ поприщѣ. Безстрашный, привыкшій говорить съ Русскимъ солдатомъ, чтимый имъ, онъ разразился могучею рѣчью и наконецъ, въ доказательство что не могъ бы измѣнить Цесаревичу Константину, выдернулъ изъ ноженъ полученную въ даръ отъ Него шпагу, обернулъ ее эфесомъ къ мятежникамъ и сталъ указывать и громко читать надпись: «другу моему Милорадовичу.» Все это, вмѣстѣ съ славнымъ его именемъ, съ отважнымъ видомъ, съ покрытою звѣздами грудью, оставшеюся дѣвственной отъ ранъ послѣ пятидесяти сраженій, сильно подѣйствовало на солдатъ: они стояли вытянувшись, держа ружья подъ прикладъ, и робко глядѣли ему въ глаза. Но вдругъ—поднятыя къ верху руки Милорадовича опустились, будто свинцовыя, туловище перегнулось, лошадь рванулась впередъ и онъ упалъ на грудь Башуцкаго. Переодѣтый отставной Поручикъ Каховскій, стоявшій въ толпѣ народа за лошадью Графа, под-

крался къ нему и выстрѣлилъ, почти въ упоръ, изъ пистолета, въ бокъ, подъ самый крестъ надѣтой на немъ Андреевской ленты (*). Лишь только Милорадовичъ упалъ, какъ раздались выстрѣлы и нѣсколько пуль полетѣло изъ рядовъ мятежниковъ въ стоявшую за нимъ толпу. Это обстоятельство осталось неразъясненнымъ: быть можетъ что бунтовщики, на минуту образумленные словами Милорадовича, подъ вліяніемъ свѣжаго еще отъ нихъ впечатлѣнія послали эти выстрѣлы—его убійцамъ. Башуцкій, съ помощью двухъ, вызванныхъ тутъ же изъ толпы простолюдиновъ, понесъ умиравшаго въ Конногвардейскія казармы, какъ ближайшее безопасное мѣсто. Все это произошло такъ быстро, что Орловъ только еще выстраивалъ тамъ выѣзжавшихъ людей. «Напрасно не послушался тебя» прошепталъ Милорадовичъ, когда его несли мимо.

Полкъ тронулся къ мѣсту назначенія (**).

(*) Кромѣ этой, безусловно смертельной раны, Милорадовичъ получилъ еще другую, довольно глубокую, штыкомъ въ спину. По слѣдствію и суду открыто, что сію послѣднюю нанесъ, одновременно съ выстрѣломъ Каховскаго, другой офицеръ, утверждавшій, впрочемъ, что хотѣлъ только ранить лошадь, чтобы принудить Графа удалиться.

(**) Тутъ было только четыре эскадрона. Остальные два, по тѣснотѣ помѣщенія, стояли въ Семеновскихъ казармахъ, гдѣ находился фуражный дворъ, и пришли позже, о чемъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Мы уже говорили о выстрѣлахъ, слышанныхъ Государемъ когда Онъ остановился у дома Главнаго Штаба. Это были тѣ, которые раздались послѣ паденія Милорадовича. Въ слѣдъ за ними принесъ Государю извѣстіе о ранѣ Графа прибѣжавшій съ Сенатской площади Флигель-Адъютантъ Князь Андрей Голицынъ. Государь, въ видимомъ сокрушеніи, разсуждалъ передъ окружавшими лицами Своей свиты о мрачныхъ происшествіяхъ дня, обращаясь къ толпившемуся вокругъ народу, убѣждалъ его разойтись. «По Мнѣ стрѣлять будутъ—говорилъ Онъ—и могутъ въ васъ попасть. Не хочу, чтобъ кто нибудь пострадалъ за Меня. Ступайте по домамъ: завтра узнаете чѣмъ кончилось.»—«Надѣньте шапки—прибавилъ Онъ, обратясь къ стоявшимъ съ обнаженными головами—простудитесь!» И когда многіе повернулись и, идя, начали креститься, Онъ сказалъ: «Вотъ такъ, хорошо: молитесь Богу, а завтра мы здѣсь увидимся.» Тутъ же Государь подозвалъ Капитана Игнатьева и сказалъ ему: «Я знаю привязанность твоей роты къ покойному Моему брату и не могу придумать чѣмъ лучше наградить эту роту, какъ давъ ей послѣдній Его Преображенскій мундиръ и Его вензель на эполеты.» Эта милость была тотчасъ объявлена людямъ и привела ихъ въ изступленный восторгъ. Всѣ, въ одинъ голосъ, откликнулись: «рады умереть за Ваше Величество! (*)»

(*) Здѣсь должно замѣтить случай, которымъ подтверждается, что не всѣ, принадлежавшіе къ заговору, имѣли свѣдѣніе о готовившемся на 14-е Де-

Постепенно подвигаясь, Государь достигъ уже конца Адмиралтейской площади и находился у угла, образуемаго продолженіемъ Вознесенской улицы и домомъ Лобанова, что́ нынѣ зданіе Военнаго Министерства.* Въ это время пришла Конная Гвардія. Обогнувъ Исакіевскій соборъ отъ стороны Синяго моста и выѣхавъ въ бывшую между нимъ и сказаннымъ домомъ улицу,* полкъ построился спиною къ послѣднему, въ эскадронной колоннѣ. Государь приблизился къ рядамъ и поздоровался съ солдатами, которые громко отвѣтили на Его привѣтствіе: «Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!» Послѣ сего Онъ спросилъ ихъ: признаютъ ли они Его своимъ Государемъ? и когда, на этотъ вопросъ, отъ всѣхъ чиновъ, стоявшихъ во фронтѣ, раздалось душевное и долго не умолкавшее: «Ура! Да здравствуетъ Ваше Императорское Величество!» то Онъ сказалъ: «Мнѣ не нужно новыхъ увѣреній въ вашей преданности, вы всегда служили вѣрно всѣмъ законнымъ Царямъ. Первый мундиръ, который Я носилъ, былъ вашъ, и хотя Я былъ тогда еще ребенокъ, но съ сожалѣніемъ

кабря возмущеніи, или хотѣли въ немъ участвовать. При сказанной ротѣ находился временно прикомандированный Прапорщикъ, также изъ числа заговорщиковъ. Услышавъ о Царской милости, онъ подошелъ къ Капитану и убѣждалъ исходатайствовать тутъ же у Его Величества, чтобы и на него распространено было право носить вензель покойнаго Императора. Игнатьевъ, приказавъ ему возвратиться къ своему мѣсту, обѣщалъ доложить о его желаніи своевременно по начальству. Проведя, при ротѣ, ночь на биваках, этотъ офицеръ, до возвращенія въ казармы, усердно исполнялъ свою обязанность, едва ли предугадывая, что скоро потомъ будетъ арестованъ, какъ участникъ въ заговорѣ.

помѣнялся имъ съ братомъ Константиномъ.» За тѣмъ Онъ велѣлъ полку идти на Сенатскую площадь. По одной ея сторонѣ тянулись тогда заборы, окружавшіе строеніе Исакіевской церкви и доходившіе почти до тѣхъ частныхъ домовъ, которые стояли на мѣстѣ нынѣшняго зданія Св. Синода; другая же, противуположная, сторона была загромождена выгруженными для строенія каменьями, такъ что до памятника Петра Великаго отъ мѣста, гдѣ остановилась Конная Гвардія, было только шаговъ пятьдесятъ. Идя на этомъ пространствѣ по шести человѣкъ въ рядъ, полкъ выстроился въ двѣ линіи, правымъ флангомъ въ направленіи къ памятнику, а лѣвымъ почти примыкая къ заборамъ. Мятежныя роты Московскаго полка стояли, съ своей стороны, въ густой, неправильной колоннѣ, тыломъ къ зданію Сената. Общая физіономія площади и бунтовавшей толпы—разсказываетъ одинъ очевидецъ, случайно зашедшій туда во время утренней своей прогулки—представляла зрѣлище совершенно своеобразное. Тутъ были лица, какихъ никогда не видать въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ массами: старинныя фризовыя шинели съ множествомъ откидныхъ воротниковъ; шинели гражданскія, порядочныя, и при нихъ на головахъ мужицкія шапки; полушубки при круглыхъ шляпахъ; бѣлыя полотенцы вмѣсто кушаковъ, и тому подобное—цѣлый маскарадъ распутства, замышляющаго преступленіе. Солдаты, растегнутые, съ заваленными на затылокъ киверами, въ амуниціи безпорядочно накинутой, были большею частію пьяны. Въ середи-

нѣ развѣвалось одно изъ знаменъ Московскаго полка, а возлѣ него сидѣлъ верхомъ, видимо по неволѣ, полицейскій жандармъ—*взятый въ плѣнъ*, какъ говорила, смѣясь, стоявшая вокругъ чернь. ×Все это оглашало воздухъ дикими воплями, безсмысленнымъ говоромъ, посреди котораго слышался иногда явственный крикъ: ура Константину Павловичу! Солдаты грѣлись переминаясь; нѣкоторымъ хотѣлось ѣсть и они посылали на Сенатскую гауптвахту просить хлѣба. Изъ страха ли быть затѣсненными, или заранѣе предчувствуя свою участь и жалѣя другихъ, ×два или три унтеръ-офицера безпрестанно отгоняли народъ отъ колонны и говорили, что если уже пришлось умирать, такъ пусть умрутъ одни они, Московцы, а народу не къ чему лѣзть на смерть.×Въ рядахъ мелькали, по временамъ, Александръ Бестужевъ, Рылѣевъ и нѣсколько другихъ, неизвѣстныхъ нашему зрителю лицъ, въ упомянутыхъ фантастическихъ нарядахъ. Одинъ Бестужевъ ходилъ въ мундирѣ; болѣе никого не было видно въ этомъ мѣстѣ похожаго, по одеждѣ, на офицера или на начальника. Вдругъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, которые отняли у нашего повѣствователя охоту продолжать долѣе свои наблюденія.

× Выстрѣлы были по Генералѣ Войновѣ, покусившемся было также уговаривать бунтовщиковъ. Они ему не нанесли вреда; но Флигель-Адъютантъ Бибиковъ, посланный Государемъ узнать, ×отъ чего медлитъ приходомъ вытребованный на площадь Гвардейскій Морской Экипажъ, былъ схва-

ченъ и жестоко избитъ въ то время какъ пробивался черезъ выставленную мятежниками цѣпь. Опомнившись отъ ударовъ и едва успѣвъ освободиться отъ напавшихъ на него, онъ объѣхалъ, на извощикѣ, уже вокругъ Исакіевскаго собора, чтобы донести Государю, что Гвардейскій Морской Экипажъ, о которомъ дотолѣ не было извѣстно ничего положительнаго, присоединился къ мятежной толпѣ Московскаго полка. Позже открылось, что матросы, вовлеченные въ обманъ, подобно солдатамъ этого полка, нѣкоторыми изъ своихъ офицеровъ, съ самаго начала отказались присягать, и хотя Бригадный Командиръ Шиповъ (*) арестовалъ ротныхъ командировъ, но матросы ихъ освободили. Когда же на Сенатской площади стали стрѣлять послѣ нанесенія раны Милорадовичу, то большая часть Экипажа, по крику: «ребята, слышите ли стрѣльбу!»—бросилась изъ казармъ, не смотря на усилія Командира его, Капитана 1-го ранга Качалова (**), который еще въ воротахъ старался удержать бѣжавшихъ. Эта новая толпа, примкнувъ къ ротамъ Московскаго полка, расположилась впереди ихъ, поперегъ праваго ихъ флага. При такомъ подкрѣпленіи, полученномъ бунтовщиками, Государь нашелъ необходимымъ отрѣзать имъ сообщеніе съ Васильевскимъ островомъ и прикрыть правый флангъ Конной Гвардіи, для чего отдѣлилъ оставшуюся при Немъ Преображенскую роту и велѣлъ Принцу Евгенію Виртембергскому поставить ее у Исакіев-

(*) Теперь Генералъ-Адъютантъ и Сенаторъ, уволенный въ безсрочный отпускъ.

(**) Умеръ, въ 1855-мъ году, Адмираломъ и Членомъ Адмиралтействъ Совѣта.

скаго моста, но съ тѣмъ чтобы Игнатьевъ, въ случаѣ выстрѣловъ по ротѣ, не отвѣчалъ на нихъ до особаго о томъ повелѣнія. Принцъ Евгеній поднялъ свою лошадь на дыбы и, повернувъ ее, сказалъ съ досадою: «Cela ne servira à rien.» Въ то же время было послано еще за другими войсками, а Самъ Государь, съ Генералъ-Адъютантомъ Бенкендорфомъ, выѣхалъ на Сенатскую площадь, чтобы ближе осмотрѣть расположеніе скопища. И Его встрѣтили выстрѣлами. . . . . .

Теперь, для ясности и полноты разсказа, намъ должно возвратиться нѣсколько назадъ.

Великій Князь Михаилъ Павловичъ, устранивъ возникшее утромъ замѣшательство въ Конной Артиллеріи, возвращался въ Зимній дворецъ, но на Преображенскомъ плацѣ Его настигъ нарочный, съ донесеніемъ о случившемся въ Московскомъ полку. Великій Князь былъ и Шефомъ этого полка, и Начальникомъ той дивизіи, къ которой онъ принадлежалъ, и потому немедленно поспѣшилъ въ казармы. Когда Онъ прискакалъ туда, часть одного баталіона была уже увлечена злоумышленниками на Сенатскую площадь, а часть другаго еще не возвращалась изъ карауловъ, которые занимала наканунѣ, такъ что на мѣстѣ оставалось, отъ обоихъ баталіоновъ, не болѣе четырехъ ротъ. Онѣ были собраны на полковомъ дворѣ, а пе-

редъ ними стоялъ священникъ, въ облаченіи, за аналоемъ, и ходили, въ недоумѣніи, Генералы Войновъ и Бистромъ, истощившіе уже всѣ средства убѣжденія. При видѣ Великаго Князя, солдаты стали кричать ура и спрашивать: какимъ же образомъ ихъ увѣряли, что Его Высочество въ оковахъ? «Вы видите, слѣдственно, что васъ гнусно обманули»—отвѣчалъ Онъ и, объяснивъ имъ всѣ обстоятельства въ истинномъ видѣ, спросилъ, готовы ли они теперь, по долгу своему, присягнуть законному Государю, Императору Николаю Павловичу? «Рады стараться!»—откликнулись выведенные изъ заблужденія солдаты. «Если такъ—продолжалъ Великій Князь—то, въ бо́льшее еще доказательство, что васъ обманывали и что отъ Меня вы слышали одну сущую правду, Я самъ вмѣстѣ съ вами присягну.» И точно, велѣвъ офицерамъ повторять за священникомъ слова̀ присяги и слѣдить по рядамъ какъ будутъ произносить се нижніе чины, Михаилъ Павловичъ сталъ возлѣ аналоя и тутъ же, на полковомъ дворѣ, подъ открытымъ небомъ, посереди солдатъ, принесъ вѣрноподданническій обѣтъ Своему брату—первый еще актъ сего рода во всю Его жизнь (*).

(*) Законъ 1797-го года постановляетъ, чтобы при торжественномъ объявленіи совершеннолѣтія лицъ, по крови къ Императорскому дому принадлежащихъ, они присягали, въ присутствіи Монарха, въ вѣрности ему и Отечеству и въ соблюденіи права наслѣдства и установленнаго фамильнаго распорядка. Но при достиженіи совершеннолѣтія Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ Павловичами, торжественнаго объявленія не было, а потому и присяги Они не приносили. Николай Павловичъ присягнулъ, впервые, брату Своему Константину, а Михаилъ Павловичъ—въ упомянутомъ теперь случаѣ.

«Теперь, ребята—сказалъ Онъ—если нашлись мерзавцы, которые осрамили вашъ мундиръ, то докажите что есть между вами и честные люди, которые присягали не попапрасну и готовы омыть этотъ стыдъ своею кровью.» «Рады стараться»—раздалось снова со всѣхъ сторонъ и всѣ четыре роты, съ своими офицерами, повинуясь безпрекословно командному слову, выступили, въ совершенномъ порядкѣ, изъ казарменныхъ воротъ, откуда Великій Князь лично повелъ ихъ, по Гороховой, къ Сенатской площади—*повелъ*, въ полномъ смыслѣ слова, потому что, съ Его прибытія въ Петербургъ, Ему не успѣли еще и даже не знали куда привести верховую лошадь. Вразумленная словами Великаго Князя часть Московскаго полка пришла къ Адмиралтейской площади въ ту именно минуту, когда Государь возвращался отъ скопища мятежниковъ, встрѣтившихъ Его выстрѣлами. Офицеры бросились цѣловать Ему руки и ноги и усердно просили позволенія немедленно искупить своею кровью нанесенное полку безчестье. Государь отвращался еще отъ мысли кровопролитія; но, въ свидѣтельство довѣренности Своей къ раскаянію пришедшаго отряда, поставилъ его на углу забора передъ Исакіевскою церковью, противъ самыхъ бунтовщиковъ. Михаилъ Павловичъ, которому Государь далъ тутъ Свою лошадь, изъявлялъ желаніе идти въ ряды возмутившихся, съ нѣсколькими старыми и особенно уважаемыми солдатами изъ вѣрной части полка, чтобы подѣйствовать на первыхъ личнымъ Своимъ появленіемъ и примѣромъ товарищей, но

Государь, при видѣ явной опасности, не допустилъ этого великодушнаго порыва. Напрасно Великій Князь нѣсколько разъ повторялъ съ жаромъ: «Ваше Величество позвольте идти сей часъ, позвольте отнять знамена.»—Государь отвѣчалъ и на это: «Нѣтъ, останься здѣсь.» Между тѣмъ къ Нему прибылъ Генералъ-Адъютантъ Васильчиковъ и пришли Кавалергардскій полкъ и 2-й баталіонъ Преображенскаго. Оставя Кавалергардовъ въ резервѣ на Адмиралтейской площади, Государь велѣлъ 2-му Преображенскому баталіону, вмѣстѣ съ тремя ротами 1-го, примкнуть, рядами на право, къ Конной Гвардіи и послалъ Генералъ-Адъютанта Графа Комаровскаго, на Васильевскій островъ, за 1-мъ баталіономъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка, который долженъ былъ занять Исакіевскій мостъ, а для пресѣченія разлива мятежниковъ и во всѣ другія стороны, предназначилъ привести на Галерную улицу— въ обходъ по Почтамтской и черезъ Крюковъ каналъ— тѣ роты Павловскаго полка, которыя, при первыхъ вѣстяхъ о возмущеніи, были поставлены Кавелинымъ у Зимняго дворца; остававшуюся же свободною между Исакіевскимъ соборомъ и Конногвардейскимъ манежемъ позицію, въ правомъ флангѣ мятежниковъ, занять Семеновскимъ полкомъ. Но какъ этотъ полкъ еще не приходилъ, то Государь поручилъ Своему брату ускорить его прибытіе и принять потомъ въ Свое начальство отрядъ, долженствовавшій составиться такимъ образомъ по ту сторону Исакіевскаго собора. Великій Князь встрѣтилъ Семеновскій

полкъ уже на Красномъ мосту и привелъ его по назначенію, но, по тѣснотѣ мѣста, долженъ былъ поставить баталіонъ за баталіономъ, прямо противъ стоявшей тутъ мятежной части Гвардейскаго Морскаго Экипажа.

Не являлся на мѣсто дѣйствія еще и другой полкъ, по всѣмъ отношеніямъ близкій сердцу Государя, который, въ санѣ Великаго Князя, былъ его Шефомъ и сперва Бригаднымъ, а потомъ Дивизіоннымъ Командиромъ—полкъ Измайловскій. Кавелинъ уже давно, —тотчасъ по разстановкѣ Павловскихъ ротъ у Зимняго дворца,—былъ посланъ его привести, въ такомъ, разумѣется, случаѣ, если въ немъ спокойно. Но ни посланнаго, ни полка все еще не было. Позже, это замедленіе объяснилось слѣдующимъ образомъ. Пріѣхавъ въ казармы, Кавелинъ услышалъ отъ Бригаднаго Командира Мартынова (*), что у присяги во 2-й Гренадерской ротѣ нѣсколько голосовъ произнесло имя Константина. Кавелинъ—прежде поступленія въ Адъютанты къ Николаю Павловичу самъ Измайловскій офицеръ—хотѣлъ удостовѣриться въ расположеніи умовъ личными распросами въ ротѣ; но какъ, послѣ присяги, одинъ ея взводъ пошелъ относить знамена во дворецъ, то онъ обратился къ ротному командиру Богдановичу съ вопросомъ: отвѣчаетъ ли тотъ жизнію, что люди исполнятъ свою обязанность? Богдановичъ, не колеблясь,

(*) Умеръ, въ 1838-мъ году, Генералъ-Адъютантомъ и С.-Петербургскимъ Комендантомъ.

поручился въ этомъ и прибавилъ что крики у присяги: «Константину», были произнесены только нѣсколькими молодыми офицерами, позади фронта. Кавелинъ, однако же, дождался возвращенія взвода и, вмѣстѣ съ Полковымъ Командиромъ Симанскимъ, пошелъ въ роту, на половину состоявшую изъ гренадеръ 3-й роты, которой онъ прежде былъ командиромъ. Обратясь тутъ къ людямъ, онъ сказалъ что про нихъ идетъ дурная молва, но что онъ не хочетъ ей вѣрить, зная прежнюю ихъ отличную службу и довѣренность къ старшимъ начальникамъ, которые никогда ихъ не обманывали. Всѣ солдаты, также подтвердивъ что крики: «Константину», были не отъ нихъ, а отъ молодыхъ офицеровъ, съ восторгомъ и въ одинъ голосъ отвѣчали просьбою—вести ихъ куда угодно начальству. Въ слѣдствіе того полкъ былъ выведенъ и Генералъ-Адъютантъ Левашовъ, присланный отъ Государя узнать о причинѣ замедленія, уже нашелъ все въ совершенномъ порядкѣ. Кавелинъ и Мартыновъ сами пошли съ людьми. Для бо́льшей осторожности, послѣдній приказалъ двумъ надежнымъ унтеръ-офицерамъ втайнѣ наблюдать за навлекшими на себя подозрѣніе офицерами, которые, впрочемъ, шли также во фронтѣ.

Но прежде еще, чѣмъ Измайловскій полкъ успѣлъ дойти до мѣста дѣйствія, тамъ многое приняло другой видъ.

Упорство мятежниковъ, которые, не смотря на усиливавшуюся вокругъ массу войскъ, продолжали стоять неподвижно на занятыхъ мѣстахъ; покушеніе на жизнь Графа Милорадовича; насильственные ихъ поступки противъ разныхъ, попадавшихся имъ въ руки лицъ; выстрѣлы по Генералѣ Войновѣ и другимъ, наконецъ и по самомъ Государѣ—все это, къ сожалѣнію, указывало на необходимость обратиться къ мѣрамъ болѣе энергическимъ и рѣшительнымъ. Принцъ Евгеній Виртембергскій совѣтовалъ испытать конную атаку, какъ средство подавить и разсѣять упорное скопище. Государь Самъ скомандовалъ Конной Гвардіи: «за Бога и Царя, маршъ, маршъ,» и Орловъ повелъ ее, подивизіонно, противъ мятежной колонны. Но на площади было очень мало снѣга, неподкованныя на шипы лошади скользили по оледенѣлымъ каменьямъ, у людей не были отпущены палаши и, сверхъ того, при тѣснотѣ мѣста, бунтовщики, въ сомкнутой массѣ, имѣли всю выгоду на своей сторонѣ. Первая атака и повторенныя за ней нѣсколько другихъ остались безуспѣшными. Напротивъ, отъ батальнаго огня, которымъ встрѣчали мятежники каждый натискъ Конной Гвардіи, въ ней многіе были ранены, въ томъ числѣ Полковникъ Вельо (*), лишившійся руки. Орловъ, видя невозможность врубиться, скомандовалъ: «назадъ равняйсь,» и отвелъ свои дивизіоны на прежнее мѣсто, оставаясь, при отступленіи, лицомъ къ мятежникамъ, чтобы наблюдать за ихъ дѣйствіями. Движеніе сіе было, одна-

(*) Теперь Генералъ-Лейтенантъ и Комендантъ города Царскаго Села.

ко, не совсѣмъ безъ послѣдствій. Прискакавшій въ это время изъ своихъ казармъ дивизіонъ Лейбъ-Гвардіи Конно-піонернаго и 1-го Конно-піонернаго эскадроновъ, подъ командою Полковника Засса (*), одновременно съ помянутыми атаками бросился отъ угла Конногвардейскаго манежа во флангъ мятежниковъ и успѣлъ, вдоль Сената, пробиться, черезъ ихъ толпу, до Исакіевскаго моста, гдѣ пристроился къ правому флангу Государевой Преображенской роты, а въ слѣдъ за нимъ пронеслись и два остальные эскадрона Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка, стоявшіе, какъ говорено выше, въ Семеновскихъ казармахъ и отъ того прибывшіе позже другихъ. Этотъ напоръ Засса былъ до того быстръ и отваженъ, что въ Преображенской ротѣ отрядъ его приняли даже сперва за врага (**).

Безуспѣшность кавалерійскихъ атакъ заставила думать

(*) Умеръ, въ 1857 году, въ званіи Генералъ-Адъютанта.

(**) Хотя во все время этой атаки вокругъ Конно-піонеровъ свистали пули, но убиты были только одинъ унтеръ-офицеръ, замѣчательный тѣмъ, что, при формированіи Конно-піонернаго эскадрона, онъ первый, въ образчикъ обмундированія, былъ представленъ на смотръ покойному Государю, и одинъ рядовой. Подъ Зассомъ пьяный мужикъ ушибъ въ лобную кость отличную лошадь, подаренную ему, за нѣсколько времени до сего, Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ, и въ то же время унтеръ-офицеръ Московскаго полка, также пьяный, хотѣлъ проколоть его штыкомъ въ правый бокъ; но Зассъ удачно отбилъ штыкъ и выкололъ тому унтеръ-офицеру саблею глазъ. Въ толпѣ бунтовщиковъ слышны были голоса: «убейте Засса, стащите его съ лошади: онъ первый фаворитъ Николая Павловича!» Въ Государевой Преображенской ротѣ, черезъ которую, при отраженіи бунтовщиками кавалерійскихъ атакъ, пули летѣли роемъ, не было ни убитыхъ, ни раненыхъ.

объ артиллеріи, по крайней мѣрѣ для устрашенія бунтовщиковъ ея появленіемъ. Чтобъ выиграть время, некоторые предлагали послать за конною; но, послѣ бывшаго тамъ утромъ колебанія, Государь предпочелъ ей пѣшую. Увидя между зрителями одного изъ ея офицеровъ, Поручика Булыгина, Онъ приказалъ ему ѣхать въ казармы за орудіями и въ лабораторію за зарядами, а въ слѣдъ за нимъ послалъ, съ тѣмъ же приказаніемъ, къ Генералу Сухозанету, Дежурнаго Генерала Потапова; Самъ же направился назадъ на дворцовую площадь, чтобы принять мѣры къ обезпеченію Зимняго дворца, гдѣ, еще прежде того, велѣно было усилить караулъ обоими Саперными баталіонами: Гвардейскимъ и Учебнымъ (*). Въ этотъ переѣздъ Государя опять

(*) Приказаніе Гвардейскому Саперному баталіону идти къ Зимнему дворцу получено было съ двухъ сторонъ. Еще передъ совершеніемъ присяги, когда одинъ взводъ, подъ командою Капитана Квашнина-Самарина, отправленный за знаменемъ въ Аничкинъ домъ, возвращался въ казармы, два Конно-Артиллерійскіе офицера, скакавшіе въ саняхъ, перерѣзали ему дорогу и съ словами: «не присягайте, братцы, васъ обманываютъ,» помчались далѣе. Но Квашнинъ-Самаринъ напомнилъ людямъ о ихъ долгѣ безусловнаго повиновенія начальникамъ и привелъ взводъ, въ совершенномъ порядкѣ, на баталіонный дворъ, гдѣ тотчасъ и началась присяга. Въ назначенное для молебствія время всѣ офицеры, кромѣ ротныхъ командировъ, остававшихся, по особому распоряженію, въ казармахъ, съѣхались въ Зимній дворецъ. Здѣсь Командиръ баталіона, Полковникъ Геруа (*), услышалъ, что Государь,

(*) Геруа былъ послѣдній, по назначенію, Флигель-Адъютантъ Императора Александра и, получивъ это званіе передъ самымъ выѣздомъ Государя въ Таганрогъ, не успѣлъ даже принести Ему своей благодарности. Онъ умеръ, въ 1852-мъ году, Генералъ-Адъютантомъ и Членомъ Военнаго Совѣта и Комитета 18-го Августа 1814-го года.

окружала толпа и опять приближались къ Нему разныя лица, съ изъявленіемъ своей преданности. Между ними былъ и Карамзинъ. Онъ пріѣхалъ къ назначенному во дворцѣ молебствію и обѣ Императрицы, жаждавшія всякую минуту извѣстій съ мѣста дѣйствія, просили его сходить на площадь и узнать ближе, что тамъ происходитъ. Выйдя въ слѣдствіе того, какъ явился во Дворецъ, въ пудрѣ, въ мундирѣ и шелковыхъ чулкахъ, Карамзинъ, надѣвъ шубу и теплыя сапоги, но безъ шляпы (*), пробрался на булеваръ и оттуда, сквозь толпу любопытныхъ, сошелъ поклониться Государю. Сверхъ того подошелъ къ Нему тогдашній ганноверскій Посланникъ при нашемъ Дворѣ, престарѣлый Графъ Дёрнбергъ. Собравшіеся на булеварѣ, сначала изъ одного любопытства, иностранные Министры, поручили почтенному старцу испросить имъ позволеніе стать въ свиту

по поводу какихъ-то безпорядковъ, находится на площади, но, не зная еще въ чемъ дѣло, отправился за приказаніями къ Начальнику Гвардейскаго Штаба. Нейдгардтъ спросилъ его, отвѣчаетъ ли онъ за свой баталіонъ и, по отзыву «отвѣчаю, какъ за самого себя,» приказалъ вести баталіонъ къ Зимнему дворцу и поставить тамъ на большомъ дворѣ. Пока это происходило во дворцѣ, Флигель-Адъютантъ Князь Голицынъ привезъ отъ Государя то же самое повелѣніе прямо въ казармы. За отсутствіемъ Геруа, его принялъ старшій изъ ротныхъ командировъ, Капитанъ Витовтовъ (нынѣ Генералъ-Адъютантъ и Командиръ 4-го Армейскаго корпуса). Онъ велѣлъ раздать людямъ боевые патроны и тотчасъ повелъ баталіонъ бѣглымъ шагомъ, такъ что встрѣтилъ Геруа уже у экзерциргауза Зимняго дворца, откуда всѣ вмѣстѣ и прибыли на указанное мѣсто большаго двора.

(*) Тогда, при мундирахъ, носили подъ мышкою мягкія шляпы, такъ называемыя chapeaux claques, которыхъ нельзя было надѣть на голову.

Государя, какъ бы въ сильнѣйшее еще подтвержденіе передъ народомъ законности Его правъ. Принявъ милостиво привѣтъ Дёрнберга, Николай Павловичъ поручилъ ему, поблагодаривъ своихъ товарищей, сказать имъ: «que cette scène était une affaire de famille, à la quelle l'Europe n'avait rien à démêler.» Этотъ отвѣтъ очень полюбился стоявшимъ вокругъ Русскимъ, а иностраннымъ дипломатамъ далъ первое понятіе о характерѣ новаго Монарха.

Но среди такихъ изъявленій пріязни, сердцу молодаго Царя предстояло новое огорченіе, столь же малопредвидѣнное, какъ и всѣ другія происшествія этого дня.

Изъ состава Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка, двѣ роты 1-го баталіона занимали 14-го Декабря караулы въ Петропавловской крѣпости; а двѣ другія и весь 2-й баталіонъ находились въ полковыхъ казармахъ, на Петербургской сторонѣ (*). Когда бывшая на лицо часть полка, въ присутствіи Полковаго Командира Стюрлера, начала присягать, Подпоручикъ Кожевниковъ, пьяный, выбѣжавъ на обращенную во дворъ галлерею офицерскаго флигеля и перевѣсясь черезъ рѣшетку, закричалъ солдатамъ: «За чѣмъ вы забываете клятву, данную Константину Павловичу? Кому присягаете? Все обманъ!» Его тотчасъ схватили и арестовали; послѣ чего присяга кончилась въ порядкѣ.

(*) 3-й баталіонъ, какъ во всѣхъ полкахъ, находился въ загородномъ расположеніи.

Но когда люди сѣли обѣдать, а офицеры стали уѣзжать къ молебствію во дворецъ, то командовавшій 1-ю Фузелерною ротою офицеръ, уже присягнувшій вмѣстѣ съ прочими, подошелъ къ ней съ словами: «Братцы, напрасно мы послушались; другіе полки не присягнули и собрались на Сенатской площади. Одѣньтесь, зарядите ружья, за мной, и не выдавать. Ваше жалованье у меня въ карманѣ: я раздамъ его безъ приказа.» Рота, по привычкѣ слѣпо повиноваться начальнику, пошла за нимъ почти въ полномъ составѣ, хотя въ большомъ безпорядкѣ, черезъ полковой плацъ и ворота, на улицу. Полковникъ Стюрлеръ, еще не успѣвшій уѣхать во дворецъ, узнавъ о случившемся, схватилъ перваго извощика и бросился въ погоню за бѣглецами. Онъ настигъ ихъ въ Дворянской улицѣ и сталъ уговаривать вернуться; но слова и крикъ Ротнаго Командира взяли верхъ надъ убѣжденіями Полковаго. Рота побѣжала на Васильевскій островъ и оттуда, черезъ Исакіевскій мостъ, къ Сенатской площади, а Стюрлеру осталось только возвратиться въ казармы, гдѣ, въ исполненіе присланнаго между тѣмъ отъ Государя приказанія чтобы полкъ, по требованію, былъ немедленно готовъ, онъ велѣлъ остальной его части скорѣе одѣваться и выходить передъ казармы. Тогда Баталіонный Адъютантъ 2-го баталіона, Поручикъ Пановъ, также присягнувшій, зная, что прочіе офицеры уже уѣхали, началъ бѣгать изъ роты въ роту и увѣрять людей, что имъ будетъ худо отъ другихъ полковъ и отъ Константина Павловича; но солдаты не слушали его внушеній.

Къ несчастію, пока они, исполняя приказаніе Полковаго Командира, строились передъ казармами, съ Сенатской площади донесся гулъ отъ выстрѣловъ. Пановъ воспользовался этимъ для новыхъ убѣжденій перейти на сторону Императора Константина и его слова стали производить нѣкоторое колебаніе въ рядахъ. Замѣтивъ это, онъ бросился въ середину колонны и съ возмутительнымъ крикомъ ура! увлекъ нѣсколько ротъ, вслѣдъ за 1-ю фузелерною, по другой, однако же, дорогѣ, именно черезъ Большую Милліонную и Дворцовую площадь. На пути ему вдругъ пришла ужасная мысль—овладѣть Зимнимъ дворцомъ и, въ случаѣ сопротивленія, истребить всю находившуюся въ немъ Царственную семью. Съ этимъ намѣреніемъ онъ подступилъ къ главнымъ дворцовымъ воротамъ. Здѣсь Комендантъ Башуцкій, принявъ предводимую Пановымъ и шедшую еще въ нѣкоторомъ порядкѣ толпу, за новый отрядъ, присланный Государемъ для охраненія дворца, самъ велѣлъ караулу отъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка разступиться и пропустить пришедшихъ. Одно милосердіе Божіе не попустило совершиться злодѣйскому замыслу. Мятежники, съ Пановымъ въ головѣ, начали смѣло входить на дворъ, но тамъ уже стоялъ, только что пришедшій и оканчивавшій строиться въ колонну, Гвардейскій Саперный баталіонъ. Одинъ изъ пріѣхавшихъ во дворецъ къ молебствію Лейбъ-Гвардіи Гренадерскихъ офицеровъ, Поручикъ Баронъ Зальца (*), увидѣвъ изъ окна что ниж-

*) Теперь Генералъ-Лейтенантъ и 1-й Ревельскій Комендантъ.

ніе чины его полка вошли на дворъ, сбѣжалъ внизъ и сталъ распрашивать людей: за чѣмъ они тутъ? «Мы ничего не знаемъ,—отвѣчали они—насъ привелъ Поручикъ Пановъ.» Тогда Зальца обратился къ Панову, который, приложивъ руку къ головѣ, казался погруженнымъ въ размышленіе о чемъ-то важномъ. На вопросъ что все это значитъ, онъ поднялъ обнаженную шпагу и закричалъ: «оставь меня,» а потомъ, когда Зальца продолжалъ спрашивать объясненія, онъ сказалъ: «если ты отъ меня не отстанешь, я велю прикладами тебя убить.» Раздумье Панова происходило отъ неожиданнаго препятствія, которое онъ встрѣтилъ на дворцовомъ дворѣ. Приходъ Саперпаго баталіона, предварившій Панова, разрушилъ его замыселъ. Поднявъ шпагу и закричавъ: «да это не наши, ребята за мною!» поворотилъ свою толпу назадъ и устремился съ нею, черезъ главныя ворота, направо. Зальца пошелъ въ слѣдъ за ними. Въ сторонѣ, на площади, стоялъ, въ саняхъ, Полковой Командиръ Стюрлеръ, который, подозвавъ его къ себѣ, сказалъ: «старайтесь спасти знамя; Пановъ взбунтовалъ полкъ.» По удаленіи Лейбъ-Гренадеръ, всѣ наружные выходы дворца тотчасъ были заняты усиленными постами отъ Лейбъ-Гвардіи Саперпаго баталіона и, сверхъ того, 1-я Минерная рота стала у главныхъ воротъ, 1-й взводъ 1-й Саперной роты—на собственномъ Государевомъ подъѣздѣ, а 2-й взводъ 2-й Саперной роты—на Посольскомъ (Іорданскомъ) подъѣздѣ. Если бы только *нѣсколькими минутами* за-

медлилось прибытіе и вступленіе на дворъ Зимняго дворца этого баталіона, то нѣтъ сомнѣнія, что Пановъ, имѣя противъ себя лишь одинъ слабый караулъ отъ Финляндскаго полка, могъ бы исполнить свое звѣрское намѣреніе, со всѣми его неисчислимыми послѣдствіями, почти безпрепятственно! . . . . . .

Государь, ничего не зная о происшедшемъ, ѣхалъ, какъ мы уже сказали, назадъ къ Зимнему дворцу. Передъ зданіемъ Главнаго Штаба Ему встрѣтилась упомянутая толпа, со знаменами, но безъ офицеровъ и въ совершенномъ безпорядкѣ. Въ недоумѣніи, хотя и не подозрѣвая еще истины, Онъ хотѣлъ остановить и выстроить людей. На Его «стой», они закричали: «мы за Константина!»—«Когда такъ, то вотъ ваша дорога» хладнокровно отвѣчалъ Государь и, указавъ имъ на Сенатскую площадь, скомандовалъ войскамъ раздаться и пропустить Лейбъ-Гренадеръ, которые, хлынувъ мимо Него, по обѣимъ сторонамъ Его лошади, скоро примкнули къ прочимъ бунтовщикамъ. Само, конечно, Провидѣніе внушило Государю эту мысль. Отстранивъ раздѣльное, вдругъ на нѣсколькихъ точкахъ, дѣйствіе мятежниковъ и кровопролитіе почти подъ окнами дворца, совокупивъ весь ихъ составъ въ одно мѣсто и облегчивъ тѣмъ послѣдующее ихъ пораженіе, она одна, можно сказать, рѣшила участь дня. Этою благодатною мыслію и чудеснымъ, за минуту до того, спасеніемъ Императорскаго дома, явно

ознаменовалось покровительство Промысла Божія наступившему Царствованію. Здѣсь мы не можемъ не остановиться также съ умиленіемъ еще и передъ другими знаменіями Провидѣнія, проявлявшимися въ этотъ день, середи измѣны и клятвопреступленія, въ тѣхъ подвигахъ истинной доблести, которые оно внушало защитникамъ праваго дѣла. Такъ, въ томъ же Лейбъ-Гвардіи Гренадерскомъ полку, Командиръ роты Его Величества, бѣжавшей съ прочими, Капитанъ Князь Мещерскій настигъ солдатъ на дорогѣ, убѣдилъ, при довѣріи ихъ къ нему, почти всѣхъ возвратиться къ долгу и, вмѣстѣ со стрѣлковымъ взводомъ той же роты, еще прежде образумленнымъ твердостію Подпоручика Тутолмина, привелъ къ Государю (*). Такъ караулъ отъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка, подъ командою Подпоручика Насакина 1-го, стоявшій на Сенатской гауптвахтѣ—слѣдственно окруженный мятежниками, которыхъ тылъ примыкалъ къ караульной платформѣ—все время безстрашно выстоялъ подъ ружьемъ. Не слушая ни убѣжденій, ни угрозъ бунтовщиковъ, караулъ до конца остался непоколебимъ въ исполненіи своихъ обязанностей, даже отдавалъ честь всякій разъ, когда въ виду его показывался Государь, и каждые два часа разводилъ обыкновенную смѣну, которая проникала черезъ мятежное каре къ посту у дома Лобанова и возвращалась тѣмъ же путемъ

(*) Въ награду Государь предоставилъ Мещерскому съ этою ротою почетное мѣсто—присоединиться къ Саперамъ для защиты Зимняго дворца.

къ гауптвахтѣ, сохраняя должный порядокъ (*). Такъ другой караулъ отъ того же полка, подъ командою Поручика Зейфорта, назначенный къ Главному Адмиралтейству, бывъ задержанъ на пути возмутившимися ротами Московскаго полка, стремившимися на Сенатскую площадь, отбился отъ нихъ силою и пришелъ къ своему мѣсту (**). Кромѣ оставшихся въ скромной безвѣстности, много, въ этотъ день, было и другихъ подвиговъ, которые должны были пролить отраду въ сокрушенное сердце Государя. Упомянемъ, между ними, еще о слѣдующихъ. Полковникъ Стюрлеръ, когда часть его полка была увлечена къ мятежу обольщеніями Панова и его товарища, презрѣлъ, для исполненія обязанности, видимую опасность и, усиливаясь вразумить отложившихся отъ покорности, пошелъ въ ихъ ряды на Сенатскую площадь; только смертельная рана, нанесенная пулею того же убійцы, отъ руки котораго палъ и Милорадовичъ, могла остановить его порывъ (***). Поручикъ Баронъ Заль-

(*) Государь, *въ тотъ же еще вечеръ*, призвалъ Пасакина передъ Себя и поздравилъ его Поручикомъ и кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. За старшаго въ этомъ караулѣ былъ унтеръ-офицеръ Ѳедоръ Волковъ. Замѣчательно, что и содержавшіеся на Сенатской гауптвахтѣ арестанты, по увѣщанію одного изъ нихъ, не сдѣлали ни малѣйшей попытки освободиться.

(**) Зейфортъ—въ послѣдствіи Генералъ-Маіоръ и Начальникъ Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи—былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 4-й степени.

(***) Встрѣтивъ Стюрлера посреди самаго скопища мятежниковъ, у памятника Петра Великаго, Каховскій спросилъ его по французски: «А вы, Полковникъ, на чьей сторонѣ?»—«Я присягалъ Императору Николаю и ос-

ца, исполняя упомянутое выше приказаніе своего Полковаго Командира, еще на Дворцовой площади остановилъ знаменщика, унтеръ-офицера Пивоварова, который безпрекословно отдалъ ему знамя и вмѣстѣ съ нимъ, пробиваясь черезъ толпу, побѣжалъ къ Невскому проспекту. Но настигнувшіе ихъ, по приказанію Панова, гренадеры, нанеся Зальцу нѣсколько ударовъ ружейными прикладами, вырвали у него знамя и передали опять Пивоварову. Далѣе, однако, близъ Адмиралтейства, Зальцу съ Пивоваровымъ, продолжавшимъ нести знамя, удалось отдѣлиться отъ толпы, но не надолго, потому что солдаты, какъ и въ первый разъ, снова втолкали знаменщика къ себѣ въ середину и уже не выпускали его. Капитанъ Лейбъ-Гвардіи Сапернаго баталіона Витовтовъ, принявшій, какъ мы говорили, въ отсутствіе Геруа, повелѣніе вести баталіонъ къ Зимнему дворцу, только наканунѣ лишился жены, которой тѣло даже еще не было положено въ гробъ, и между тѣмъ, забывая душевную скорбь и обратясь весь къ призыву долга, немедленно исполнилъ полученное приказаніе. Нижніе чины, съ своей стороны, также показали много примѣровъ вѣрности и военной дисциплины. Мы разсказали уже о пріемѣ, сдѣланномъ ими въ Преображенскомъ полку, 13-го Декабря, офицеру,

таюсь Ему вѣренъ» отвѣчалъ Стюрлеръ. Тогда Каховскій выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, а другой офицеръ закричалъ: «ребята! рубите, колите его.» и нанесъ ему самъ два удара саблею по головѣ. Стюрлеръ, смертельно раненый, сдѣлалъ съ усиліемъ нѣсколько шаговъ, зашатался и упалъ. Онъ былъ отнесенъ въ домъ Лобанова, гдѣ умеръ на другой день.

который покушался обольстить ихъ ложными увѣреніями. Въ тотъ же день и въ Измайловскомъ полку тайно ходилъ по ротамъ другой молодой офицеръ, уговаривая солдатъ не присягать Николаю Павловичу; но унтеръ-офицеры удаляли его отъ нихъ, говоря что больше вѣрятъ старшимъ начальникамъ и что если онъ не уйдетъ, то отведутъ его къ командирамъ. 14-го числа, при смѣнѣ утромъ и выходѣ изъ Зимняго дворца Конногвардейскаго караула, командовавшій имъ заговорщикъ Князь Одоевскій сказалъ людямъ, чтобы они шли домой одни, а ему не время ихъ вести. «Нѣтъ, Ваше Сіятельство,—отвѣчалъ старшій унтеръ-офицеръ и съ нимъ, въ одинъ голосъ, весь караулъ—вы слышали, что Генералъ велѣлъ идти къ присягѣ; ведите насъ куда приказано, мы васъ не отпустимъ.» И дѣйствительно, Одоевскій принужденъ былъ идти съ карауломъ и вмѣстѣ съ нимъ присягнуть. Караулъ отъ Лейбъ-Гвардіи Павловскаго полка, подъ командою унтеръ-офицера Ивана Тюрикова, выстоялъ въ Московскихъ казармахъ все время мятежа, съ непоколебимою отважностію и вѣрностію своимъ обязанностямъ. Къ поставленной у Исакіевскаго моста Государевой ротѣ Преображенскаго полка нѣсколько разъ высылали изъ мятежнической толпы нижнихъ чиновъ для переговоровъ. При запрещеніи стрѣлять, которое было строго соблюдено, фельдфебель Андреяновъ и нѣкоторые изъ унтеръ-офицеровъ отгоняли этихъ людей, или удаляли посредствомъ убѣжденій. Наконецъ, когда ротные командиры

Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка Пущинъ и Штакельбергъ, стараясь вразумить увлеченныя въ мятежъ свои роты, продолжали уговаривать людей уже внутри самаго каре бунтовщиковъ, и два другіе офицера, бросясь на нихъ, закричали солдатамъ: «ребята! вотъ измѣнники, колите;» то солдаты—сами участники бунта—стали, напротивъ, защищать ихъ, говоря: «не за что ихъ колоть: они пришли съ своими ротами.»

Но и независимо отъ этихъ частныхъ подвиговъ доблести, утѣшительна была еще та увѣренность, тотчасъ возникшая изъ свойства возстанія и позже вполнѣ подтвердившаяся по слѣдствію и суду, что даже въ рядахъ самихъ бунтовщиковъ помыслы горсти злоумышленниковъ совсѣмъ не были помыслами массы и что преступныя цѣли первыхъ не находили никакого сочувствія въ увлеченныхъ ими солдатахъ. Не мечтами о какомъ нибудь новомъ, для нихъ совершенно непонятномъ порядкѣ вещей; не желаніемъ чуждыхъ имъ преобразованій; не словомъ: *конституція*, которому возмутители, чтобы осмыслить его для простодушнаго солдата, даже придавали нелѣпое значеніе «супруги Императора Константина;» не всѣмъ этимъ были обольщены нижніе чины; ихъ увлекъ—повторимъ здѣсь опять—выставленный имъ призракъ законности, почерпавшій главную свою силу въ увѣреніяхъ, отчасти ближайшихъ начальниковъ, что требуемая новая присяга есть обманъ. Солдаты были, слѣд-

ственно, только жертвами коварнаго подлога, и съ этой точки зрѣнія смотрѣло на нихъ потомъ и Правительство, даровавъ нижнимъ чинамъ, при искреннемъ ихъ раскаяніи, общее помилованіе.

Возвратимся къ ходу событій.

Грозившая Царственной семьѣ опасность и нечаянное столкновеніе Государя съ возмутившеюся частію Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка еще настоятельнѣе требовали усиленія мѣръ предосторожности. Государь послалъ Адлерберга къ Шталмейстеру Долгорукому съ приказаніемъ приготовить, безъ огласки, загородные экипажи, чтобы, въ крайнемъ случаѣ, обѣихъ Императрицъ и Августѣйшихъ дѣтей перевезти, подъ прикрытіемъ Кавалергардовъ, въ Царское Село. Долгорукой былъ во дворцѣ, и Императрицы, узнавъ что Адлербергъ пріѣхалъ съ площади, потребовали его передъ Себя. Марію Θеодоровну онъ нашелъ въ слезахъ, внѣ себя отъ отчаянія и не таившею самыхъ печальныхъ опасеній. Александра Θеодоровна сохраняла болѣе спокойствія и твердости духа. Скрывъ отъ обѣихъ цѣль, для которой онъ присланъ, Адлербергъ старался Имъ передать личную его, основанную на внутреннемъ предчувствіи, увѣренность, что все кончится благополучно.

Мы уже упомянули, что артиллеріи, сперва черезъ Булыгина, а потомъ черезъ Потапова, послано было приказаніе явиться на площадь; оно дошло до Генерала Сухозанета на возвратномъ его пути изъ Конноартиллерійскихъ казармъ. Поскакавъ въ 1-ю Артиллерійскую бригаду, онъ тотчасъ самъ повелъ оттуда четыре орудія 1-й Легкой роты, подъ командою Поручика Бакунина (*), и вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ: Бригадному Командиру, Полковнику Нестеровскому, отправить въ слѣдъ за нимъ прочія орудія, какъ только будутъ запряжены; Бригадному Адъютанту Философову (**) — ѣхать, съ передками, за зарядами въ лабораторію, а Поручику Булыгину—отправиться туда же, съ нумерами зарядныхъ сумъ, чтобы принятые заряды привезти прямо ко дворцу. Но въ лабораторіи едва не встрѣтилось затрудненіе. Командиръ ея, Полковникъ Челяевъ, слышавшій о происшедшемъ бунтѣ, недоумѣвалъ къ которой сторонѣ принадлежитъ присланная команда и потому никакъ не хотѣлъ выдавать ключей отъ сараевъ, такъ что Философовъ собирался уже вырубить двери, какъ вдругъ, на счастье, пришелъ состоявшій при лабораторіи Прапорщикъ Гольяновъ, который видѣлъ утромъ присягу артиллеріи и потому могъ разрѣшить сомнѣ-

(*) Потомъ Адъютантъ Великаго Князя Михаила Павловича и наконецъ Генералъ-Маіоръ. Умеръ, въ 1841-мъ году, на Кавказѣ, отъ ранъ, полученныхъ въ дѣлѣ противъ Горцевъ.

(**) Теперь Генералъ-Адъютантъ и Членъ Комитета 18-го Августа 1814-го года.

ніе Челяева. Въ слѣдъ за тѣмъ явился и Булыгинъ, который, снабдивъ зарядами привезенныхъ съ собою изъ казармъ людей и разсадивъ ихъ на извощиковъ, поѣхалъ вмѣстѣ съ передками на площадь. Еще до прибытія ихъ Сухозанетъ, близъ продолженія Вознесенской улицы, настигнулъ Государя, возвращавшагося опять отъ дворца къ войскамъ. По Его приказанію, онъ поставилъ приведенныя четыре орудія поперегъ Адмиралтейской площади и, снявъ ихъ съ передковъ, скомандовалъ, для острастки бунтовавшихъ, сколько могъ громче, чтобы заряжали пушки *боевыми зарядами*. Государь подъѣхалъ къ фронту и поздоровался съ людьми. «Орудія заряжены,—донесъ Ему Сухозанетъ такъ тихо, чтобы никто другой не могъ слышать—но *безъ боевыхъ зарядовъ;* они скоро будутъ.»

Между тѣмъ дерзость бунтовщиковъ, подкрѣпленныхъ Лейбъ-Гренадерами, еще болѣе возрасла. Они участили свою нестройную стрѣльбу и вокругъ Государя засвистали пули. Онъ пристально посмотрѣлъ на стоявшаго неподалеку Бенкендорфа. Замѣтивъ, что послѣдній выговариваетъ нѣкоторымъ солдатамъ, наклонявшимъ головы отъ выстрѣловъ, Онъ спросилъ о чемъ рѣчь, и, выслушавъ отвѣтъ, далъ шпоры Своей лошади, которая вынесла Его впередъ подъ самыя пули. Уже и прежде чернь, легко наклонная къ буйству и увлекаемая примѣромъ безнаказанности, изъ-за заборовъ и угловъ кидала въ войска полѣньями и камнями; теперь

нѣкоторые изъ простонародья, подкупаемые деньгами и виномъ, стали явно перебѣгать къ бунтовщикамъ. При одномъ изъ залповъ со стороны послѣднихъ, лошадь подъ Государемъ испугалась и отскочила въ сторону: тогда Ему кинулось въ глаза, что толпа вокругъ Него, которую Онъ сперва не могъ уговорить накрыться, стала надѣвать шапки и смотрѣть съ какою-то наглостію. «Шапки долой» закричалъ Онъ съ невольною строгостію. Въ одно мгновеніе всѣ головы обнажились и толпа хлынула отъ Него прочь. Мѣсто было немедленно очищено и у выходовъ изъ улицъ разставили кавалерійскіе пикеты, чтобы никого не пропускать на площадь.

Наконецъ пришелъ и Измайловскій полкъ. Доложили что онъ прибылъ въ порядкѣ и ждетъ у Синяго моста. Когда Государь подъѣхалъ, люди отдали честь съ радостными лицами. «Мнѣ хотѣли васъ очернить,—сказалъ Онъ—но Я не повѣрилъ; впрочемъ, если бы нашлись между вами такіе, которые хотятъ идти противъ Меня, Я не мѣшаю и позволяю сей часъ пристать къ мятежникамъ.» Раздалось единодушное, изступленное ура! «Если такъ, то заряжать ружья.» Государь Самъ повелъ полкъ прямо по продолженію Вознесенской улицы и, оставя его въ резервѣ у передняго угла дома Лобанова, направился, вокругъ Исакіевскаго собора, къ отряду Своего брата, между соборомъ и Конногвардейскимъ манежемъ, противъ рядовъ мятежнаго Морскаго Экипажа. Здѣсь Великій Князь Михаилъ Павловичъ снова сталъ предлагать Се-

бя въ посредники для убѣжденія бунтовщиковъ. Государь, все еще надѣясь отвратить кровопролитіе, которое, иначе, казалось неизбѣжнымъ, не противился болѣе великодушному порыву Своего брата и только приказалъ сопровождать Его Генералъ-Адъютанту Левашову. Великій Князь подъѣхалъ вплоть къ Экипажу и обратился къ людямъ съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ. Изъ мятежной толпы раздалось дружное: «здравія желаемъ, Ваше Высочество!»—«Что съ вами дѣлается и что вы это задумали?» продолжалъ Онъ. И матросы начали объяснять, ка́къ, двѣ недѣли тому назадъ, когда никто еще не слыхалъ и про болѣзнь Государя Императора Александра Павловича, имъ вдругъ объявили, что Его не стало; ка́къ потомъ приказано было присягнуть Государю Константину Павловичу и они это безпрекословно исполнили, и ка́къ наконецъ, теперь, заставляютъ ихъ снова присягать *другому* Государю, увѣряя что прежній не захотѣлъ ихъ присяги и отказался царствовать. «Можемъ ли же мы, Ваше Высочество,—говорили они—взять это на душу, когда тотъ, кому мы присягали, еще живъ, а мы Его не видимъ? Если уже присягою шутить, такъ что же останется святаго!» Тщетно Великій Князь старался завѣрить ихъ, что Константинъ Павловичъ точно по доброй Своей волѣ отрекся отъ Престола; что Онъ, Великій Князь, былъ личнымъ тому свидѣтелемъ и что именно на этомъ основаніи Самъ принесъ присягу новому Государю. «Мы всегда готовы вѣрить Вашему Высочеству,—отвѣчали ослѣпленные лжи-

выми внушеніями своихъ непосредственныхъ начальниковъ—×да пусть Константинъ Павловичъ Самъ придетъ подтвердить Свое отреченіе, а то мы не знаемъ даже гдѣ Онъ».—Всѣ дальнѣйшія увѣщанія остались безполезными. ×Великій Князь принужденъ былъ возвратиться безъ успѣха, едва еще не запечатлѣвъ Свой мужественный подвигъ потерею жизни. Въ то время какъ Онъ увѣщевалъ матросовъ Морскаго Экипажа возвратиться къ порядку, между ними бродилъ, возбуждая ихъ, молодой человѣкъ, отставной гражданскій чиновникъ, одинъ изъ недавнихъ, но самыхъ уже фанатическихъ участниковъ заговора. Онъ вздумалъ воспользоваться благопріятнымъ, въ его смыслѣ, случаемъ и, въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія, навелъ пистолетъ на брата своего Царя . . . . . ×Великій Князь былъ спасенъ только мгновеннымъ движеніемъ трехъ матросовъ, стоявшихъ также въ рядахъ бунтовщиковъ. Замѣтя злодѣйское покушеніе, они всѣ трое бросились на преступника, съ криками: «что Онъ тебѣ сдѣлалъ!» вышибли у него изъ рукъ пистолетъ и стали бить его ружейными прикладами. Трогательное свидѣтельство, что, даже посреди всѣхъ увлеченій и разгара страстей, народъ нашъ гнушается всякимъ преступнымъ замысломъ противъ Царственной семьи, искони являющейся предметомъ его любви и благоговѣнія (*)!

(*) Три матроса, спасшіе Великаго Князя и потомъ щедро Имъ награжденные и навсегда обезпеченные, были: Дороѳѣевъ, Ѳедоровъ и Куроптевъ.

Описавъ фазы мятежа и различныя измѣненія, которыя онъ принималъ по ходу обстоятельствъ, мы должны еще упомянуть, хотя нѣсколько позже самаго событія, о 1-мъ баталіонѣ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка, который долженъ былъ привести Генералъ-Адъютантъ Графъ Комаровскій. Въ казармахъ, за отъѣздомъ Полковаго Командира Воропанова во дворецъ, онъ засталъ одного Бригаднаго, Генерала Головина, только что возвратившагося съ присяги Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка. Выведя баталіонъ, въ полной походной амуниціи и съ боевыми патронами, они оба вмѣстѣ съ нимъ направились, согласно приказанію, къ Исакіевскому мосту. На пути Головинъ узналъ, хотя къ сожалѣнію уже слишкомъ поздо, что пришедшая изъ караула Карабинерная рота Его Высочества не была, вопреки его приказанію, приведена къ присягѣ. Проходя мимо положенныхъ черезъ Неву по льду мостковъ, онъ счелъ нужнымъ, для охраненія всхода оттуда на набережную, оставить 3-ю Егерскую роту, а остальныя три повелъ впередъ въ густой взводной колоннѣ, съ заряженными ружьями. Далѣе встрѣтилъ ихъ Принцъ Евгеній Виртембергскій, съ повелѣніемъ отъ Государя спѣшить на указанное мѣсто. Люди почти бѣгомъ достигли Исакіевскаго моста и Головинъ съ Комаровскимъ, въ головѣ ихъ, были уже за половину его, какъ

Изъ обнародованнаго въ общее свѣдѣніе приговора Верховнаго Уголовнаго Суда извѣстно, что мѣра наказанія злоумышленника, схваченнаго потомъ уже въ Варшавѣ, была смягчена, противъ опредѣленной строгостію закона, собственно по ходатайству Великаго Князя.

вдругъ на Сенатской площади открылся сильный ружейный огонь и въ то же время, въ серединѣ колонны на мосту, нѣсколько голосовъ закричало: «стой!» По этому слову вся колонна остановилась и пришла въ нѣкоторое замѣшательство. Впереди всѣхъ была неприсягнувшая рота. Карабинерный ея взводъ колебался, однако же, недолго и, подъ командою Капитана Вяткина (*), перейдя остальную часть моста, сталъ лицомъ къ памятнику и тыломъ къ рѣкѣ. Но стрѣлковый взводъ, который стоялъ не по баталіонному разсчету, а за карабинернымъ, не пошелъ далѣе. На всѣ убѣжденія и угрозы Бригаднаго и Баталіоннаго Командировъ, равно и Графа Комаровскаго, люди отвѣчали однимъ: что они не присягали Николаю Павловичу и ничего дурнаго не сдѣлаютъ, но по своимъ стрѣлять не станутъ. Причиною всего этого, какъ послѣ обнаружилось, былъ одинъ изъ тайныхъ заговорщиковъ, молодой Поручикъ, который, не оглашая ничѣмъ своего участія въ мятежѣ, успѣлъ скрытными наговорами смутить взводъ, весь почти составленный изъ молодыхъ солдатъ, вновь поступившихъ изъ Учебнаго Карабинернаго полка. Слѣдовавшія за стрѣлковымъ взводомъ и остановленныя имъ 1-я и 2-я Егерскія роты также упорствовали идти съ мѣста; но 3-я, оставленная Головинымъ на набережной Васильевскаго острова, по его приказанію перешла, въ полномъ составѣ, черезъ рѣку по льду и присоединилась къ карабинерному взводу. Вообще это замѣшательство не имѣло даль-

(*) Теперь Генералъ-Лейтенантъ и Виленскій Комендантъ.

нѣйшихъ послѣдствій и даже воля Государя была въ точности исполнена: ибо пока мѣсто передъ Исакіевскимъ мостомъ охранялось Конноніонерами, ротою Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка и частію 1-го Финляндскаго баталіона, другая часть сего послѣдняго, въ совершенномъ спокойствіи и порядкѣ, оставалась на серединѣ моста, какъ бы въ резервѣ.

Государь, до свѣдѣнія котораго все разсказанное нами теперь дошло уже въ послѣдствіи, поставя, покамѣстъ, пришедшій Лейбъ-Гвардіи Егерскій полкъ въ резервѣ, на Адмиралтейской площади, противъ Гороховой, за линіею артиллеріи, сталъ Самъ опять на прежнемъ мѣстѣ, по сю сторону Исакіевскаго собора. Такимъ образомъ всѣ наличныя силы столицы постепенно были стянуты къ одному мѣсту; но прежде чѣмъ употребить ихъ въ дѣйствіе, сердце молодаго Монарха все еще желало новыми мѣрами кротости и увѣщанія образумить заблуждающихся. Рѣшено было испытать надъ ними убѣжденія религіи.

Въ Зимнемъ дворцѣ, для предназначавшагося торжественнаго молебствія, съ утра ожидали два Митрополита: С.-Петербургскій Серафимъ и Кіевскій Евгеній. Государь послалъ Генерала Стрекалова за первымъ, но ему добровольно сопутствовалъ и второй. Оба, въ томъ облаченіи, въ какомъ они были для молебствія, съ двумя своими Иподіако-

нами (*), поѣхали на площадь въ извощичьей каретѣ, на запятки которой сталъ Стрекаловъ, въ мундирѣ и лентѣ. Серафимъ и его Иподіаконъ вышли у ближайшаго къ площади угла Адмиралтейскаго булевара: ихъ обступилъ народъ и, припадая къ землѣ, умолялъ не идти на явную смерть, уже постигшую Графа Милорадовича. Но подъѣхавшій Генералъ-Адъютантъ Васильчиковъ повторилъ, объявленное уже прежде черезъ Стрекалова, желаніе Государя, чтобы Митрополитъ испыталъ подѣйствовать на умы заблужденныхъ силою вѣры. Въ это время палъ, въ глазахъ его, отъ руки Каховскаго, Полковникъ Стюрлеръ. Не смотря на то, ревностный къ своему долгу пастырь, приложась къ кресту и возложивъ это знаменіе мира на голову, пошелъ къ бунтующей толпѣ; за нимъ слѣдовали Митрополитъ Евгеній съ Иподіаконами. При видѣ Святителя, идущаго подъ защитою только своего сана и сѣдинъ, солдаты взяли съ плеча и стали креститься, а нѣкоторые и прикладываться къ простертому имъ кресту. Но пока Митрополитъ старался, призывая Бога въ свидѣтели истины своихъ словъ, вразумить ихъ изъясненіемъ событій въ настоящемъ видѣ и изобразить преступность измѣны законному Царю и ожидающую виновныхъ кару небесную, предводители возмущенія, издѣваясь надъ

(*) При Серафимѣ находился Иподіаконъ Прохоръ Ивановъ, при Евгеніи— Павелъ Ивановъ. Прохоръ Ивановъ, умершій въ 1853-мъ году, первый изъ діаконовъ православной церкви удостоился, въ двадцатипятилѣтіе 14-го Декабря (въ 1850-мъ году), въ память событій этого дня, сопричисленія къ ордену Св. Анны 3-й степени.

священнымъ его саномъ, кричали что законный ихъ Царь—Константинъ; что Онъ въ оковахъ близъ столицы; что это дѣло не духовное и если Архіерей можетъ присягать по два раза на недѣлѣ, то такое клятвопреступленіе имъ не примѣръ; что имъ надо не попа̀, а Михаила Павловича; наконецъ велѣли бить въ барабаны, чтобы заглушить его рѣчь, и грозились по немъ стрѣлять: надъ головою Митрополита уже скрестились шпаги и штыки. Мужественная его готовность осталась безплодною и онъ, съ сподвижниками своими, былъ принужденъ поспѣшно удалиться къ забору Исакіевской церкви, откуда всѣ они возвратились во дворецъ въ простыхъ извощичьихъ саняхъ (*).

Наступило уже три часа и сильно смеркалось; погода, изъ довольно сырой, начала переходить въ холодную. Мятежники на Сенатской площади были въ видимой нерѣшимости что̀ предпринять, но упорно стояли на занятомъ ими мѣстѣ, шумя и крича еще болѣе прежняго, и хотя бо̀льшая часть солдатъ въ ихъ рядахъ стрѣляла вверхъ, однако пули ранили многихъ въ Конной Гвардіи, находившейся ближе прочихъ войскъ къ ихъ огню. Надежда подѣйствовать увѣщаніями и снисхожденіемъ исчезла и нельзя было не опасаться что, съ на-

(*) Этотъ маститый и заслуженный Іерархъ преставился въ 1843-мъ году, на 80-мъ году отъ рожденія, на 44-мъ Архіерейства и на 22-мъ управленія здѣшнею епархіею. Митрополитъ Евгеній умеръ еще въ 1837-мъ году.

ступленіемъ ночи, участіе черни въ бунтѣ будетъ еще дѣятельнѣе, а это могло чрезвычайно затруднить положеніе войскъ, со всѣхъ сторонъ ею обступленныхъ. Сами войска горѣли нетерпѣніемъ положить конецъ дерзкому возстанію и начинали роптать на свое бездѣйствіе. Но Государю, по естественному чувству пощады, все еще казалось возможнымъ окружить и стѣснить бунтующую толпу до такой степени, чтобы принудить ее сдаться безъ кровопролитія. Желая убѣдиться въ томъ новымъ осмотромъ ея расположенія, Онъ опять выѣхалъ на Сенатскую площадь; но по Немъ снова сдѣлали залпъ. «Картечи бы имъ надо!» закричалъ вдругъ кто-то сзади. Государь обернулся. За Нимъ былъ Генералъ-Адъютантъ Толь.

При отъѣздѣ Великаго Князя Михаила Павловича изъ Пенпаля, подъ свиту Его потребовались всѣ почтовыя лошади, и потому Толь, на подставныхъ, отсталъ и пріѣхалъ въ Петербургъ только въ два часа пополудни. Онъ явился прямо во дворецъ; но услышавъ тамъ о случившемся, сѣлъ въ скорости на генералъ-адъютантскую лошадь и прискакалъ на мѣсто дѣйствія. «Voyez ce qui se passe ici,—сказалъ Государь, увидѣвъ его—voilà un joli commencement de règne: un trône teint de sang!»—«Sire—отвѣчалъ Толь—le seul moyen d'y mettre fin, c'est de faire mitrailler cette canaille.»

Не одинъ Толь былъ такого мнѣнія. Его раздѣлялъ и дру-

гой человѣкъ—прежній начальникъ Государя по Гвардейскому Корпусу, глубоко Имъ уважаемый за высокія чувства и образъ мыслей — Генералъ-Адъютантъ Васильчиковъ (*). «Sire—сказалъ и онъ—il n'y a plus un moment à perdre; l'on n'y peut rien maintenant: il faut de la mitraille!»

Самъ Государь, по убѣжденіямъ холоднаго разсудка, не могъ не раздѣлять того же взгляда; но сердце Его противилось сознанію горькой необходимости. «Vous voulez donc que le premier jour de mon règne je verse le sang de mes sujets?»—отвѣчалъ Онъ. «Pour sauver votre Empire!»—возразилъ Васильчиковъ. Дѣйствительно, было только два выбора: или пролить кровь лишь нѣсколькихъ и черезъ то, почти несомнѣнно, спасти всѣхъ остальныхъ и самое Государство; или, подчинясь вліянію личнаго чувства, пожертвовать для него благомъ общимъ.

Слова Васильчикова заставили Государя подавить въ Себѣ личное чувство . . . . .

Конная Гвардія была отодвинута вправо и стала тыломъ къ Невѣ, а Конноніонеровъ отвели на Англійскую набережную. За тѣмъ, изъ четырехъ орудій, которыя первыя явились на площадь, три, подъ командою Поручи-

(*) Въ послѣдствіи Графъ, Князь и Предсѣдатель Государственнаго Совѣта. Увѣнчанный лаврами воинскихъ и гражданскихъ доблестей и оплаканный Монархомъ и цѣлою Россіею, онъ скончался въ 1847-мъ году.

ка Бакунина, зайдя, у самаго угла булевара, лѣвымъ плечомъ впередъ, снялись съ передковъ и выстроились передъ фронтомъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка, лицомъ къ лицу съ мятежническою колонною, а четвертое, съ фейерверкеромъ, было отдѣлено къ отряду Великаго Князя Михаила Павловича, расположенному по ту сторону Исакіевскаго собора. Государь велѣлъ зарядить картечью. Еще оставался лучъ надежды, что мятежники, устрашенные такими приготовленіями и не видя себѣ спасенія, сдадутся добровольно.

Но они продолжали упорно держаться, съ прежними криками. Государь, находясь верхомъ у лѣваго фланга батареи, послалъ Генерала Сухозанета сказать бунтовщикамъ послѣднее слово помилованія. Сухозанетъ поднялъ лошадь въ галопъ и въѣхалъ въ толпу, которая, держа ружья у ноги, разступилась передъ нимъ. «Ребята—закричалъ онъ—пушки передъ вами, но Государь милостивъ, жалѣетъ васъ и надѣется что вы образумитесь. Если вы сей часъ положите оружіе и сдадитесь, то, кромѣ главныхъ зачинщиковъ, всѣ будете помилованы.» Солдаты, подъ видимымъ впечатлѣніемъ этихъ словъ, потупили глаза; но нѣсколько офицеровъ и постороннихъ людей распутнаго вида окружили посланнаго, съ ругательствомъ спрашивали привезъ ли онъ имъ конституцію и грозились на него. «Я присланъ съ пощадою, а не для переговоровъ»—отвѣчалъ онъ, порывисто обер-

нулъ лошадь и выскочилъ изъ среды отшатнувшихся заговорщиковъ. Въ слѣдъ ему раздался залпъ. Отъ выстрѣловъ посыпались перья съ его султана и были раненые за батареею и на булеварѣ.

«Ваше Величество—донесъ Сухозанетъ возвратясь—сумасбродные кричатъ конституція! . . . . .»

Государь пожалъ плечами и поднялъ глаза къ небу. *Всѣ* способы были испытаны и истощены. Настала рѣшительная минута. Онъ скомандовалъ: «пальба орудіями по порядку, правый флангъ начинай, первая.»

Команда, повторенная всѣми начальниками по старшинству, была уже выговорена и послѣднимъ—Бакунинымъ. Но сердце Государя болѣзненно сжалось. Слово «отставь» остановило выстрѣлъ. То же самое повторилось опять черезъ нѣсколько секундъ. Наконецъ Государь скомандовалъ въ третій разъ. Но произнесенное Бакунинымъ роковое слово—оставалось безъ исполненія. Пальникъ, уже два раза слышавшій отказъ, не спѣшилъ выполненіемъ команды. Бакунинъ замѣтилъ или ожидалъ это: онъ мгновенно соскочилъ съ лошади, бросился къ пушкѣ и спросилъ у пальника за чѣмъ онъ не стрѣляетъ? «Свои, ваше благородіе!»—отвѣчалъ тотъ, робко, въ полголоса. «Если бы даже я самъ стоялъ передъ дуломъ—закричалъ Бакунинъ—и скомандовали пали, тебѣ

и тогда не слѣдовало бы останавливаться.» Пальникъ повиновался . . . . . .

×Первый выстрѣлъ ударилъ высоко въ зданіе Сената. На него отвѣчали пеистовыми воплями и бѣглымъ огнемъ.

×Но за первымъ выстрѣломъ послѣдовали второй и третій, которые разразились въ самой серединѣ толпы и тотчасъ ее смѣшали. Часть ея бросилась къ той сторонѣ площади, которая была занята Семеновскимъ полкомъ, и наперла на него всею силою. Великій Князь, подобно Государю, колебался. «Прикажите палить, Ваше Высочество,—сказалъ фейерверкеръ—не то они самихъ насъ сомнутъ.»×Командное слово раздалось и здѣсь.

Измѣна всегда робка. Заговорщики, забывъ всѣ тщеславные замыслы и думая единственно о спасеніи жизни, ×обратились въ бѣгство; нижніе чины, отовсюду стѣсненные, покинутые возбуждавшими ихъ зачинщиками, можетъ быть и внезапно образумленные побѣгомъ послѣднихъ, не могли держаться одни;×они также быстро разсыпались по разнымъ направленіямъ: по Галерной, гдѣ стояли роты Павловскаго полка (*); по Англійской набережной; одни кида-

(*) Эти роты, стоя почти противъ направленныхъ въ мятежниковъ пушечныхъ выстрѣловъ, отъ которыхъ нѣсколько гренадеръ даже было ранено, нисколько черезъ то не поколебались и еще открыли по бунтовщикамъ, когда послѣдніе были сбиты, батальный огонь.

лись черезъ загородки на Неву, гдѣ падали въ глубокій снѣгъ; другіе старались достигнуть берега Крюкова канала, или укрывались на дворахъ, въ погребахъ, въ подвалахъ . . . . . На Сенатской площади, за мигъ передъ тѣмъ кипѣвшей буйною толпою, не осталось никого—кромѣ тѣхъ, которые не могли уже болѣе встать; но ихъ было мало: картечь, на такомъ близкомъ разстояніи, или разсыпалась вверхъ, или, отразившись отъ земли также вверхъ, не была смертоносна; она оставила только много пятенъ на стѣнахъ зданія Сената и ближайшихъ къ нему домовъ.

После трехъ выстрѣловъ, артиллерія, по приказанію Государя, взялась на передки и двинулась къ памятнику Петра Великаго, гдѣ, снявшись, сдѣлала еще два выстрѣла по скопищу, начинавшему было снова выстроиваться, въ нѣкоторомъ порядкѣ, на льду Невы. Сверхъ того былъ сдѣланъ второй выстрѣлъ съ позиціи Великаго Князя Михаила Павловича по толпѣ, бѣжавшей вдоль Крюкова канала.

Все было кончено . . . . .

Тѣ мѣста, на которыхъ стояли бунтовщики, тотчасъ были заняты полками Преображенскимъ и Измайловскимъ, съ отдѣленіемъ нѣсколькихъ взводовъ изъ послѣдняго и изъ

Семеновскаго для поимки и задержанія укрывшихся по домамъ въ Галерной. Въ числѣ схваченныхъ почти въ самую первую минуту находился одинъ изъ офицеровъ Лейбъ-Гвардіи Московскаго полка,* и Толь поскакалъ во дворецъ донести о томъ Государю, предполагая что Онъ уже туда возвратился. Здѣсь, въ парадной залѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, съ утра находились цѣлый дворъ и съѣхавшіяся къ молебствію лица; всѣ ждали развязки, въ смертельной тревогѣ, которую еще болѣе усиливали приносимые съ площади отрывочные и разнорѣчивые разсказы, внезапное передъ тѣмъ вторженіе на дворцовый дворъ толпы Лейбъ-Гренадеръ, что́ ясно было видно изъ этой залы, обращенной туда окнами (*), и наконецъ пушечная пальба, которой ни причины, ни послѣдствій никто навѣрное не зналъ. Взгляды всѣхъ обратились, съ заботливымъ любопытствомъ, къ вошедшему Толю, который спѣшилъ во внутреннія комнаты, отыскивая Государя. Его, однако, не было еще во дворцѣ и Толь нашелъ только Императрицъ, которыя также цѣлое утро *ожидали,* въ чувствахъ, недоступныхъ описанію..... Все время бунта Онѣ провели въ угловомъ, на Адмиралтейскую площадь, маленькомъ кабинетѣ Императрицы-матери (**); супруга новаго Императора сидѣла на окнѣ,

(*) Эта зала отдѣльно теперь уже не существуетъ и вошла въ составъ покоевъ 2-й запасной половины.

(**) И этотъ кабинетъ теперь болѣе не существуетъ: онъ вошелъ въ составъ угловой комнаты подлѣ внутренняго караула легкой кавалеріи.

откуда, пока еще было свѣтло, видна была, въ отдаленіи, часть мѣста дѣйствія. Передъ ихъ глазами пробѣжали по площади, въ величайшемъ разстройствѣ, возмутившіеся Лейбъ-Гренадеры и пронесся на всѣхъ рысяхъ, для присоединенія къ прочимъ войскамъ, Кавалергардскій полкъ. Государь неоднократно присылалъ къ Нимъ, съ извѣстіями о ходѣ дѣлъ, Принца Евгенія Виртембергскаго, Генералъ-Адъютанта Князя Трубецкаго и Генералъ-Лейтенанта Демидова. Когда пріѣхалъ Демидовъ, Императрица Марія Θеодоровна, при возраставшемъ въ Ней все болѣе и болѣе волненіи, возъимѣла трогательную мысль, внушенную высоко-поэтическою Ея душею. Она схватила со стола маленькой портретъ покойнаго Императора, работы славнаго Изабе, и, вручая его Демидову, сказала: «Prenez ce portrait et allez le montrer aux insurgés: peut-être que son aspect les fera revenir à eux et rentrer dans l'ordre! . . . . .» Когда загремѣлъ первый пушечный выстрѣлъ, Императрица Александра Θеодоровна была въ кабинетѣ одна, съ возвратившимся съ площади Карамзинымъ. Она пала на колѣни и въ этомъ положеніи, въ горячей молитвѣ, оставалась до пріѣзда Адлерберга съ извѣстіемъ отъ Государя что все кончено. Но самого Государя еще не было и потому безпокойство родительницы и супруги Его не миновалось. «Ah, voilà notre cher Toll—вскричала Императрица Марія Θеодоровна, когда онъ вошелъ—que nous apportez-vous encore de nouveau? Mon Dieu, il y a donc eu du sang versé!! . . . .»—«Calmez-Vous, Madame—отвѣчалъ Толь—la

mesure était indispensable et elle a été décisive. Les rebelles s'enfuient de toutes parts et on les saisit. Tout est fini. Votre Majesté peut être complètement tranquille sur le compte de l' Empereur et Il doit revenir incessament.»—«Ah, allez, Général, allez le rejoindre.» При выходѣ Толя изъ дворца, Государь, въ сопровожденіи нѣсколькихъ Генераловъ и Адъютантовъ, сходилъ съ лошади у подъѣзда что̀ подъ аркою главныхъ воротъ. Все время до сей минуты Онъ провелъ еще на площади, лично отдавая нужныя, по обстоятельствамъ, приказанія. Преслѣдовать и захватывать разбѣжавшихся было возложено на Генералъ-Адъютанта Бенкендорфа, съ четырьмя эскадронами Конной Гвардіи и Конноопіонернымъ эскадрономъ, подъ командою Генералъ-Адъютанта Орлова, на Васильевскомъ острову, и съ двумя эскадронами Конной Гвардіи по сю сторону Невы (*). Между тѣмъ совершенно уже стемнѣло. Чтобы лишить злонамѣренныхъ возможности возобновить свои покушенія въ ночное время, признано было за нужное оставить войска подъ ружьемъ на цѣлую ночь. Государь Самъ ихъ разставилъ (**) и толь-

(*) Всего было тогда забрано до 500 человѣкъ. Бо́льшая часть нижнихъ чиновъ Морскаго Экипажа и Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка сама собою воротилась въ казармы, гдѣ, съ истиннымъ раскаяніемъ и въ страхѣ отъ пагубнаго своего изступленія, просила пощады и помилованія. Они, какъ уже упомянуто, были прощены и той же милости удостоились и бунтовщики Лейбъ-Гвардіи Московскаго полка, во вниманіи къ ревности и усердію остальной, большей его части.

(**) Расположеніе войскъ было слѣдующее: на Дворцовой площади Преображенскій полкъ и двѣ роты 1-го баталіона Лейбъ-Гвардіи Егерскаго, при 10-ти орудіяхъ 1-й и 2-й Батарейныхъ ротъ, и три эскадрона Кавалергард-

ко послѣ этихъ распоряженій возвратился во дворецъ. Встрѣча Его съ Царственною семьею была на деревянной лѣстницѣ, которая, прежде пожара Зимняго дворца (въ 1837-мъ году), вела, изъ-подъ главныхъ воротъ, въ переднюю дежурную комнату возлѣ почивальни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Эта встрѣча, это свиданіе, еще менѣе доступны нашему перу. Императрицѣ-супругѣ казалось что Она видитъ передъ Собою и обнимаетъ совсѣмъ новаго человѣка . . . . . .

Вмѣстѣ съ Императрицами находился и Государь Наслѣдникъ (*), которому въ этотъ день, еще съ утра, въ первый разъ въ жизни, велѣно было надѣть Андреев-

скаго полка; въ Большой Милліонной, у моста на Зимней канавкѣ, рота Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка, при двухъ орудіяхъ; у моста Эрмитажнаго театра другая рота того же полка, при четырехъ орудіяхъ; на углу Зимняго дворца къ Адмиралтейству, противъ сего послѣдняго и на Дворцовой набережной: 1-й баталіонъ Измайловскаго полка и эскадронъ Кавалергардовъ, съ четырмя орудіями; на Адмиралтейской площади 2-й баталіонъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка; на Сенатской, подъ командою Генералъ-Адъютанта Васильчикова: баталіоны Семеновскій и Московскій и 2-й баталіонъ Измайловскій, при четырехъ орудіяхъ, и четыре эскадрона Конной Гвардіи; на Васильевскомъ острову, подъ командою Генералъ-Адъютанта Бенкендорфа: баталіонъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка, при четырехъ конныхъ орудіяхъ, два эскадрона Конной Гвардіи и Конноопіонерный эскадронъ. За тѣмъ, на дворцовомъ дворѣ оставлены были Гвардейскій Саперный баталіонъ, къ которому примкнулъ и Учебный, и рота Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка, а по прочимъ частямъ города былъ наряженъ въ разъѣзды Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ.

(*) Братъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Герцогъ Александръ Виртембергскій, также все утро оставался на Ея половинѣ, въ бывшей голубой гостиной, удерживая при себѣ и обоихъ своихъ сыновей, Принцовъ Александра и Евгенія, хотя въ то время уже взрослыхъ и офицеровъ.

скую ленту. Государь пожелалъ вывести Его къ выстроенному на дворѣ Саперному баталіону. Императрица Марія Θеодоровна сначала опасалась подвергнуть ребенка простудѣ, но послѣ уступила, и камердинеръ Ея Гриммъ бережно снесъ Его по внутренней лѣстницѣ. На дворѣ, Государь показалъ Своего первенца Саперамъ, прося полюбить Его сына также, какъ Онъ, Государь, любитъ ихъ; потомъ передалъ Великаго Князя на руки находившимся въ строю Георгіевскимъ кавалерамъ и велѣлъ первому человѣку отъ каждой роты подойти Его поцѣловать. Заслуженные воины съ восторгомъ и радостными кликами прильнули къ рукамъ и ногамъ Царственнаго отрока.

Настала, наконецъ, минута того молебствія, которое предназначалось сперва въ 11-мъ часу, потомъ во 2-мъ, и теперь должно было дѣйствительно начаться уже почти въ половинѣ 7-го, при совершенно другихъ чувствахъ, чѣмъ думали утромъ. Государь, съ Императрицею-супругою Своею и всѣми членами Императорскаго дома (*), вышелъ, въ предшествіи двора и съ обыкновенною торжественностію такихъ выходовъ, въ большую дворцовую церковь. Словами: «благословенъ грядый во имя Господне!» встрѣтилъ новаго Императора, при вступленіи Его въ храмъ, тотъ самый Іерархъ,

(*) Кромѣ Императрицы-матери, которая, въ крайнемъ изнуреніи послѣ такого дня, въ выходѣ не участвовала и слушала молебенъ изъ ризницы.

который еще недавно несъ свою жизнь въ жертву священному долгу. Во время молебствія, возгласа къ колѣнопреклоненію не было; всѣ стояли; только Царственная чета, отъ перваго слова Божественной службы до послѣдняго, лежала распростертою на колѣняхъ. Всевышній принималъ сердце Царево въ свою руку!

Никто, конечно, изъ присутствовавшихъ при этомъ священномъ обрядѣ никогда не забудетъ умилительной его торжественности. Всѣ были потрясены; у всѣхъ были слезы и въ сердцѣ и на глазахъ, и когда, въ этотъ завѣтный для Россіи часъ, впервые возгласилось многолѣтіе: «благочестивѣйшему Императору Всероссійскому Николаю Павловичу,» то единодушно и прямо отъ сердецъ вознеслась къ небу общая и теплая молитва всѣхъ стоявшихъ въ церкви: «да подастъ ему Господь благоденственное и мирное житіе, здравіе же и спасеніе, и на враги побѣду и одолѣніе!.....»

По истинѣ, скажемъ еще съ тѣмъ писателемъ, на котораго мы уже ссылались, исторія признаетъ что слова: *Божіею милостію*, имѣли свой полный смыслъ въ Императорскомъ титулѣ Николая I-го. Онъ прямо изъ руки Всевышняго принялъ Свою корону и, разъ принявъ ее, мужественно отстоялъ даръ Божій въ ту роковую минуту, когда враждебная сила покушалась на ея похищеніе. Данное Богомъ, Богомъ и сохранилось!

«Любезный, милый Константинъ!—написалъ Государь Цесаревичу въ первомъ волненіи своихъ чувствъ—твоя воля исполнена: Я Императоръ; но какою цѣною, Боже мой! цѣною крови моихъ подданныхъ.....»

Еще прежде молебствія, среди всѣхъ тяжкихъ заботъ этого дня, Государь неоднократно обращался мыслію къ доблестному воину, положившему за Него животъ свой. Для изъявленія участія въ положеніи Графа Милорадовича и, вмѣстѣ, для полученія точнѣйшихъ о немъ извѣстій, были посыланы сперва Генералъ-Адъютантъ Князь Трубецкой, потомъ Генералъ Толь. Выйдя изъ церкви, Государь, не принимавшій съ самаго утра никакой пищи (*), тотчасъ собственноручно написалъ Графу письмо, исполненное чувствъ признательности, сожалѣнія и—надежды. Милорадовичъ все еще лежалъ въ Конногвардейскихъ казармахъ; пулю вынули, но съ тѣмъ вмѣстѣ врачи произнесли и смертный приговоръ. Посланный съ письмомъ Кавелинъ имѣлъ приказаніе сказать, чтобы Графъ принялъ эти собственноручныя строки въ видѣ личнаго посѣщенія Государя, котораго удерживаетъ пріѣхать лишь чрезвычайная важность обстоятельствъ. Съ глубокимъ чувствомъ и даже усиливаясь приподняться, умиравшій отвѣ-

(*) Изъ Камеръ-Фурьерскаго журнала видно, что Ихъ Величества обѣдали въ этотъ день въ 8-мь часовъ.

чалъ Государеву Адъютанту: «Доложите Его Величеству, что я умираю; и счастливъ, что умираю за Него!» — Когда ему прочли самое письмо, онъ поторопился взять его изъ рукъ читавшаго, прижалъ къ сердцу и не выпускалъ до минуты своей смерти (*). Пулю, которою была нанесена рана Милорадовичу, Кавелинъ принесъ Государю.

При наступленіи ночи, когда все было уже приведено въ нѣкоторый порядокъ, Государь поручилъ Своему брату съѣздить еще къ арсеналу, чтобы лично удостовѣриться все ли тамъ тихо. Великій Князь поѣхалъ, въ саняхъ, черезъ Милліонную и Царицынъ лугъ. Вначалѣ, до моста черезъ Зимнюю канавку, все имѣло видъ только что завоеваннаго города: вокругъ разложенныхъ огней стояли, биваками, многочисленныя войска, на самомъ мосту — пушки; но миновавъ его, сцена тотчасъ перемѣнялась: улицы были также безлюдны и тихи, какъ обыкновенно въ ночную пору; изрѣдка только мелькалъ запоздалый извощикъ, или одинокій пѣшеходъ, и ничто, по внѣшности, не напоминало и не носило на себѣ признаковъ пронесшейся надъ Россіею грозы. Около арсенала, гдѣ занимала караулы Учебная Артиллерійская бригада, и на возвратномъ пути черезъ Дворцовую набе-

(*) Онъ испустилъ духъ ночью около трехъ часовъ.

режную, все было точно также тихо и спокойно; только отъ моста у Эрмитажнаго театра, къ сторонѣ дворца, городъ принималъ опять оживленный видъ военнаго стана (*). Когда Великій Князь вошелъ въ кабинетъ Государевъ, Ему представилось совершенно неожиданное явленіе. Передъ новымъ Императоромъ лежалъ на колѣняхъ, умоляя о жизни, одинъ изъ заговорщиковъ, стяжавшихъ вдругъ самую несчастную извѣстность . . . Онъ и многіе другіе изъ его соумышленниковъ были уже схвачены, или сами явились съ повинною, и Государь, чуждый утомленія, тутъ же, въ глубокую ночь, въ шарфѣ и лентѣ, какъ былъ цѣлый день, дѣлалъ имъ первые допросы, принималъ стекавшіяся со всѣхъ сторонъ донесенія и отдавалъ нужныя приказанія (**). Великій Князь съ Своей стороны, не знавъ ничего о заговорѣ, до тѣхъ поръ относилъ все случившееся единственно къ недоразу-

(*) Все это продолжалось только до утра 15-го Декабря. По совершенномъ возстановленіи тогда порядка, Государь, объѣхавъ всѣ войска и отблагодаривъ за усердіе, вѣрность и отличный порядокъ, велѣлъ ихъ распустить. Съ тѣмъ вмѣстѣ войска, находившіяся въ загородномъ расположеніи, которымъ наканунѣ отданъ былъ приказъ подойти къ столицѣ, были возвращены въ свои квартиры, кромѣ Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго (нынѣ Конногренадерскаго) полка, приведеннаго для разъѣздовъ, и двухъ эскадроновъ полковъ Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго и Уланскаго, оставленныхъ близъ города, для поимки разбѣжавшихся заговорщиковъ.

(**) Государь и позже не ложился ни на минуту въ эту ночь, проведя ее всю въ тѣхъ же занятіяхъ. Императрица Александра Θеодоровна возвратилась отъ молебствія въ свои покои безъ голоса и безъ силъ. Всѣ Царственныя дѣти провели ночь въ двухъ комнатахъ, какъ бы на бивакахъ.

мѣніямъ по случаю новой присяги и только при видѣ этой сцены понялъ истину.

На другое утро появилось въ Петербургскихъ газетахъ краткое извѣстіе о событіяхъ роковаго дня. Вотъ его заключеніе: «Происшествія вчерашняго дня, безъ сомнѣнія, «горестны для всѣхъ Русскихъ и должны были оставить «скорбное чувство въ душѣ Государя Императора. Но «всякъ, кто былъ свидѣтелемъ поступковъ нашего Монар«ха въ сей памятный день, Его великодушнаго мужества, «разительнаго, ничѣмъ неизмѣняемаго хладнокровія, ко«ему съ восторгомъ дивятся всѣ войска и опытнѣйшіе вож«ди ихъ; всякъ, кто видѣлъ съ какою блистательною от«важностію и успѣхомъ дѣйствовалъ Августѣйшій братъ «Его, Великій Князь Михаилъ Павловичъ; наконецъ «всякъ, кто размыслитъ, что мятежники, пробывъ четыре «часа на площади, въ бо́льшую часть сего времени со всѣхъ «сторонъ открытой, не нашли себѣ другихъ пособниковъ, «кромѣ немногихъ пьяныхъ солдатъ и немногихъ же лю«дей изъ черни, также пьяныхъ, и что изъ всѣхъ Гвардей«скихъ полковъ ни одинъ въ цѣломъ составѣ, а лишь нѣ«сколько ротъ двухъ полковъ и Морскаго Экипажа могли «быть обольщены или увлечены пагубнымъ примѣромъ «буйства: тотъ, конечно, съ благодарностію къ Промыслу, «признáетъ, что въ семъ случаѣ много и утѣшительнаго; «что оный есть не иное что, какъ минутное испытаніе,

«которое будетъ служить лишь къ ознаменованію истин-«наго характера націи, непоколебимой вѣрности величай-«шей безъ всякаго сравненія части войскъ и общей пре-«данности Русскихъ къ Августѣйшему ихъ законному «Монарху.»

Прибавимъ съ нашей стороны, что опасность была очевидна. Гвардія дралась противъ Гвардіи; Государь, единственная опора Имперіи, нѣсколько часовъ сряду отваживалъ свою жизнь; народъ находился въ волненіи и трудно еще было распознать истинное настроеніе умовъ; былъ извѣстенъ заговоръ, но оставались еще сокрытыми во мракѣ глава его и его объемъ; все было еще окружено непроникнутою тайною* и все могло съизнова начаться. Эти размышленія представляли мало отраднаго; но мы видѣли твердость, присутствіе духа юнаго Монарха; офицеровъ они удивили, а солдатовъ привели въ восторгъ. Побѣда осталась на сторонѣ Престола и вѣрности и этого было довольно, чтобы войска душею привязались къ своему новому Царю. Всѣ, и въ ихъ рядахъ, и въ народѣ, поняли что если бы опасность возобновилась, то новый вождь, новый Монархъ — достоинъ и способенъ всѣмъ руководствовать и все отразить.

---

*Вскорѣ, дѣйствительно, вся сѣть заговора была открыта, всѣ участники его захвачены и преданы смягченной

Монаршимъ милосердіемъ карѣ, и сѣмя зла истреблено. Тогда, при торжественномъ молебствіи и поминовеніи на Сенатской площади, Императоръ Николай, въ манифестѣ 13-го Іюля 1826-го года, представившемъ вмѣстѣ и величественную программу Его царствованія, сказалъ Своей Россіи:

«Обращая послѣдній взоръ на сіи горестныя происшествія, обязанностію Себѣ вмѣняемъ: на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ, тому ровно семь мѣсяцевъ, среди мгновеннаго мятежа, явилась предъ Нами тайна зла долголѣтняго, совершить послѣдній долгъ воспоминанія, какъ жертву очистительную за кровь Русскую, за вѣру, Царя и Отечество на семъ самомъ мѣстѣ проліянную, и вмѣстѣ съ тѣмъ принести Всевышнему торжественную мольбу благодаренія. Мы зрѣли благотворную Его десницу, какъ она расторгла завѣсу, указала зло, помогла Намъ истребить его собственнымъ его оружіемъ—туча мятежа взошла какъ бы для того, чтобъ потушить умыслъ бунта.

«Не въ свойствахъ, не во правахъ Русскихъ былъ сей умыслъ. Составленный горстію изверговъ, онъ заразилъ ближайшее ихъ сообщество, сердца развратныя и мечтательность дерзновенную; но въ десять лѣтъ злопамѣренныхъ усилій не проникъ, не могъ проникнуть далѣе. Сердце Россіи для него было и всегда будетъ неприступно. . . . . .

«Всѣ состоянія да соединятся въ довѣріи къ Правительству. Въ Государствѣ, гдѣ любовь къ Монархамъ и преданность къ Престолу основаны на природныхъ свойствахъ народа; гдѣ есть отечественные законы и твердость въ управленіи, тщетны и безумны всегда будутъ всѣ усилія злонамѣренныхъ: они могутъ таиться во мракѣ, но при первомъ появленіи, отверженныя общимъ негодованіемъ, они сокрушатся силою закона. Въ семъ положеніи государственнаго состава, каждый можетъ быть увѣренъ въ непоколебимости порядка, безопасность и собственность его хранящаго, и, спокойный въ настоящемъ, можетъ прозирать съ надеждою въ будущее. Не отъ дерзостныхъ мечтаній, всегда разрушительныхъ, но свыше усовершаются постепенно отечественныя установленія, дополняются недостатки, исправляются злоупотребленія. Въ семъ порядкѣ постепеннаго усовершенія, всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ расширенію истиннаго просвѣщенія и промышлености, достигая къ Намъ путемъ законнымъ, для всѣхъ отверстымъ, всегда будутъ приняты Нами съ благоволеніемъ: ибо Мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другаго желанія, какъ видѣть Отечество наше на самой высшей степени счастія и славы, Провидѣніемъ ему предопредѣленной.

«Наконецъ, среди сихъ общихъ надеждъ и желаній, склоняемъ Мы особенное вниманіе на положеніе семействъ, отъ коихъ преступленіемъ отпали родственные ихъ члены. Во

все продолженіе сего дѣла, сострадая искренно прискорбнымъ ихъ чувствамъ, ×Мы вмѣняемъ Себѣ долгомъ удостовѣрить ихъ, что, въ глазахъ Нашихъ, союзъ родства передаетъ потомству славу дѣяній, предками стяжанную, но не омрачаетъ безчестіемъ за личные пороки или преступленія. ×Да не дерзнетъ никто вмѣнять ихъ по родству кому либо въ укоризну: сіе запрещаетъ законъ гражданскій и болѣе еще претитъ законъ христіанскій.»

Мы начали разсказъ нашъ письмомъ юнаго Великаго Князя Александра Павловича къ Графу Кочубею. Приведемъ здѣсь еще другое, трогательное письмо, которое, вскорѣ послѣ происшествій 14-го Декабря, было написано престарѣлою родительницею уже опочившаго Императора Александра I-го къ тому же самому лицу. Кочубей находился тогда за границею (*) и вотъ что писала ему, 16-го Февраля 1826-го года, Императрица Марія Ѳеодоровна:

«J'ai tardé, Monsieur le Comte, à vous répondre à deux lettres du 11 Décembre et du 3 Janvier, parceque j'ai voulu vous écrire de ma main et que j'étais si acca-

(*) Взысканный милостію Государя Императора Николая Павловича, также какъ и Его предшественника, Кочубей былъ потомъ Княземъ, Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Государственнымъ Канцлеромъ по внутреннему управленію. Умеръ въ 1834-мъ году.

blée qu'à peine j'ai suffi aux correspondances de ma famille. Je me sens bien, bien malheureuse, et les trois mois de tems de passés après la date de notre affreuse perte en font trois de tourments et d'angoisse. La mort de mon fils, de cet ange, est venue nous surprendre, nous frapper comme un coup de foudre; nous nous livrions à l'espoir, quoique, j'avoue, mon coeur maternel éprouvait des angoisses mortelles lorsque même on nous en donnait; et malheureusement le 19 Novembre les a légitimées; c'est le 27 que j'ai appris la perte du fils chéri, qui faisait le bonheur, la gloire de ma vie, tout le charme et la douceur de mon existence. La plume ne rend pas ce que j'ai souffert; j'ai cru ne pouvoir pas être plus malheureuse, lorsque la journée du 14 Décembre m'a fait connaître un nouveau genre de souffrance affreuse, voyant mes deux fils en danger de vie et la tranquillité de l'état exposée à des chances bien funestes. La miséricorde divine a détourné ce malheur, et la conduite noble de mon fils Nicolas, sa magnanimité, sa fermeté et son admirable abnégation, ainsi que le beau courage de Michel, ont sauvé l'état et la famille. Cette journée a été si cruelle, que lorsque tout fût appaisé le soir et que je me retrouvais seule chez moi, je bénissais Dieu de me retrouver avec ma douleur constante! Mais quelle horrible histoire; je remercie le ciel de ce que notre cher Empereur Alexandre l'a ignorée dans ses détails, quoiqu'il fut informé de la trâme. Bénissons encore le ciel, de ce que les auteurs ne

sont pour la plupart que des jeunes gens très peu marquants et qui, à l'exception des chefs, se sont laissé entrainer par l'orgueil et l'amour propre, sans prévoir peut-être l'abîme qu'ils creusaient sous leurs pas; les chefs eux-mêmes n'ont pas eu de titre par leurs services passés à une réputation très distinguée; il y en a qui ont bien servi, mais, grâce à Dieu, chez nous en Russie la bravoure est une vertu héréditaire dans notre militaire; toutefois il est malheureux qu'ils ont flétri par leur crime leur réputation d'officiers, et que leur inconduite fait la désolation de leurs parents, de leurs épouses . . . . . Le convoi de notre ange arrive le 20 á Tsarsko-Sélo: jugez quel jour de douleur et d'angoisse ce sera pour moi, comme toute cette quinzaine qui suivra; l'enterrement est fixé au 13 Mars: alors il n'y aura plus que le souvenir seul de cet ange de bonté qui nous restera.»

Прошли годы. При свиданіяхъ Государя Императора Николая Павловича съ Цесаревичемъ Константиномъ, когда рѣчь касалась описанныхъ нами событій, Цесаревичъ всегда неохотно вступалъ о нихъ въ разговоръ. Въ 1829-мъ году Они ѣхали вмѣстѣ изъ Замосца въ Луцкъ. «Надѣюсь,—сказалъ Государь въ минуту откровенной бесѣды—что теперь по крайней мѣрѣ ты отдаешь справедливость Моимъ тогдашнимъ поступкамъ и ихъ побужденію и сознаешься, что въ тѣхъ обстоятельствахъ,

въ которыхъ Я былъ поставленъ, Мнѣ невозможно было поступить иначе.» Цесаревичъ опять старался прервать разговоръ и наконецъ сказалъ, что можетъ быть оставитъ послѣ Себя актъ, въ которомъ раскроются и Его взглядъ на это дѣло и причины Его дѣйствій. Послѣ Его кончины, въ 1831-мъ году, Государь, увидясь въ Гатчинѣ съ Княгинею Ловицкою, сопровождавшею туда тѣло почившаго, сообщилъ ей объ этомъ разговорѣ. Княгиня отвѣчала, что если Цесаревичъ исполнилъ Свое намѣреніе, то вѣроятно найдется что нибудь въ Его письменномъ столѣ, спасенномъ въ Варшавскую революцію 1830-го года, съ отломленными ножками, и остававшемся съ того времени запечатаннымъ. Столъ былъ принесенъ и отпертъ; но въ немъ оказалось одно только старинное духовное завѣщаніе, 1808-го или 1809-го года, въ видѣ краткой записки, уничтожившееся уже смертію того лица, въ пользу котораго оно было сдѣлано. Съ тѣхъ поръ миновало опять болѣе двадцати лѣтъ и дѣло само собою впало въ забвеніе. Вдругъ, послѣ смерти, въ Августѣ 1852-го года, Министра Императорскаго Двора, Генералъ-Фельдмаршала Князя Волконскаго, при разборѣ его бумагъ неожиданно нашлись четыре тетради одинаковаго содержанія и съ одинаковымъ заглавіемъ: «Любезнѣйшимъ Своимъ соотчичамъ, отъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича, Великаго Князя Константина Павловича, торжественное объявленіе.» Всѣ четыре экземпляра были скрѣплены по листамъ собственною рукою Цесаревича и два изъ нихъ вложены въ незапечатанные

пакеты, адрессованные на имя: одинъ—Государя Императора Николая Павловича, другой — Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. При каждомъ изъ послѣднихъ двухъ экземпляровъ были и письма, подписанныя Цесаревичемъ, съ помѣтою «Варшава,» но безъ года и числа. Нѣтъ сомнѣнія, что это объявленіе и составляло тотъ актъ, о которомъ говорилъ Цесаревичъ въ 1829-мъ году и который не былъ обращенъ по назначенію, вѣроятно въ слѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, ни при Его жизни, ни послѣ кончины. Но какимъ образомъ сіи бумаги перешли къ Князю Волконскому и хранились, до его смерти, въ совершенной для всѣхъ, не исключая Самого Государя, неизвѣстности? Отвѣтъ на это можетъ быть только одинъ. Вскорѣ по кончинѣ Цесаревича умеръ приближенный къ Нему, пользовавшійся полною Его довѣренностію Генералъ Курута и всѣ оставшіяся послѣ него бумаги Государь Императоръ, не разсматривая ихъ, повелѣлъ передать Князю Волконскому. Думать должно, что въ томъ числѣ былъ и помянутый актъ и что Волконскій, ограничась храненіемъ врученныхъ ему бумагъ, ихъ не вскрывалъ или по крайней мѣрѣ не сообщалъ никому другому; пережившія же Куруту изъ приближенныхъ къ Цесаревичу лицъ, можетъ быть также знавшія о существованіи и содержаніи сего акта, никому о томъ не заявляли, не имѣвъ въ виду положительно выраженной на сіе воли почившаго.

Какъ бы то ни было, но это «Торжественное объявленіе»

существенно дополняетъ описанныя нами событія, и потому мы помѣщаемъ его въ приложеніяхъ къ нашему разсказу, въ слѣдъ за обоими письмами Цесаревича, при которыхъ оно найдено въ пакетахъ (*).

Прошли еще годы.

Императоръ Николай опочилъ отъ трудовъ Своихъ смертію праведника, × смертію, которая, неземнымъ ея величіемъ, удивила современниковъ и осталась назиданіемъ для потомства.

26-го Августа 1856-го года преемникъ Его Престола и доблестей, испросивъ благословеніе Всевышняго, возлагалъ на Себя, въ первопрестольной столицѣ, колыбели Своего рожденія, вѣнецъ предковъ. Среди выраженій и знаковъ благоволенія къ каждому изъ сословій въ Государствѣ, благодушная мысль Монарха склонилась и къ тѣмъ несчастнымъ, которые, бывъ увлечены, одни обольщеніями самонадѣянности, другіе неопытностію молодости, тридцатилѣтнимъ заточеніемъ и раскаяніемъ искупали свою вину.

× Въ самый день священнаго Своего Коронованія Императоръ Александръ II-й помиловалъ всѣхъ причастныхъ къ печальнымъ событіямъ 14-го Декабря; милосердіе Его

× (*) См. № 4-й Приложеній.

распространилось и на все потомство осужденныхъ—и живыхъ и умершихъ.

«Дай Богъ—сказалъ пововѣнчанный Императоръ, повелѣвая редактору настоящаго описанія перепечатать его книгу для общаго свѣдѣнія—дай Богъ, чтобы впредь никог-«да не приходилось Русскому Государю ни наказывать, «ни даже и прощать за подобныя преступленія!»

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Списокъ съ рескрипта Государя Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича Предсѣдателю Государственнаго Совѣта Князю Лопухину, отъ 3-го Декабря 1825-го года.

Съ душевнымъ и горестнымъ прискорбіемъ получилъ Я, при запискѣ Вашей Свѣтлости отъ 27-го минувшаго Ноября, копію съ журнала Государственнаго Совѣта, того жъ числа состоявшагося, съ изображеніемъ всѣхъ обстоятельствъ, которыя были слѣдствіемъ печальнаго извѣстія о кончинѣ блаженной и вѣчнодостойной памяти Государя Императора, Моего благодѣтеля, и непоколебимой воли Его Императорскаго Величества Николая Павловича, во исполненіе коей всѣ Члены Государственнаго Совѣта въ придворной церкви учинили Мнѣ присягу на подданство и вѣрность.

Поставляя всегда священнѣйшею обязанностію исполнять съ глубочайшимъ благоговѣніемъ волю покойнаго Государя Императора, Я вмѣняю Себѣ непремѣннымъ долгомъ изъявить при семъ случаѣ: что сдѣланную Мнѣ Членами Государственнаго Совѣта и прочими лицами присягу почитаю вовсе противною волѣ покойнаго Государя Императора, а потому самому, какъ совершенно ничтожную, Я не принимаю и не долженъ принять.

Вашей Свѣтлости и Государственному Совѣту не безъизвѣстно было изъ хранящагося въ архивѣ Государственной Канцеляріи, за замкомъ и за печатью Предсѣдателя, пакета, присланнаго отъ покойнаго Государя Императора 16-го Августа 1823 года (*), съ изображеніемъ послѣдней Его Высочайшей воли, ознаменованной въ копіи съ Высочайшаго манифеста, въ коемъ Его Величество опредѣляетъ быть наслѣдникомъ Престола Великому Князю Николаю Павловичу, по свободному Моему отъ онаго отреченію, какъ то изъяснено въ копіи съ письма Моего на имя покойнаго Государя Императора.

Равнымъ образомъ и не менѣе того была въ виду Государственнаго Совѣта учиненная всѣми подданными при восшествіи на Престолъ покойнаго Государя Императора присяга, въ коей, между прочимъ, именно упомянуто, что каждый вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться долженъ, какъ Его Императорскому Величеству Александру Павловичу, такъ и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола наслѣднику, *который назначенъ будетъ*. Каковая присяга, будучи повторяема при производствѣ въ чины и другихъ случаяхъ, тѣмъ вящше должна быть сохраняема въ памяти каждаго вѣрноподданнаго.

А какъ, изъ раскрытыхъ бумагъ въ Государственномъ Совѣтѣ, явно обнаружена Высочайшая воля покойнаго Государя Императора, дабы наслѣдникомъ Всероссійскаго Престола быть Великому Князю Николаю Павловичу: то, безъ нарушенія

(*) Мы уже сказали, въ текстѣ нашего описанія, что манифестъ хотя и былъ подписанъ 16-го Августа, но въ Совѣтъ, какъ видно изъ его актовъ, присланъ только 15-го Октября.

сдѣланной присяги, никто не могъ учинить иной, какъ только подлежащей Великому Князю Николаю Павловичу, и слѣдовательно присягу нынѣ принесенную, ни признать законною, ни принять оную не могу; но внимая священному долгу и глубочайшему благоговѣнію Моему къ Высочайшей волѣ блаженной памяти Государя Императора, пребываю непоколебимымъ въ Моей присягѣ и той непремѣнной рѣшимости, которую изъявилъ въ письмахъ Моихъ къ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ Его Императорскому Величеству Николаю Павловичу отъ 26-го минувшаго Ноября, отправленныхъ съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ. При чемъ Вашей Свѣтлости и то сказать долженъ, что присяга не можетъ быть сдѣлана иначе, какъ по манифесту за Императорскимъ подписаніемъ.

Изложивъ такимъ образомъ священную для Меня волю покойнаго Государя Императора, долгомъ поставляю изъявить съ крайнимъ прискорбіемъ Государственному Совѣту, что въ семъ случаѣ отступлено имъ отъ законной обязанности, принесеніемъ Мнѣ неслѣдуемой присяги, тѣмъ болѣе что сіе учинено безъ Моего вѣдома и согласія; а сдѣланная нынѣ присяга, завлекшая и другихъ, подавъ примѣръ къ неисполненію вѣрноподданническаго долга, есть неправильна и незаконна, и для того должна быть уничтожена и, вмѣсто оной, принесена Его Императорскому Величеству Николаю Павловичу. Каковую присягу на вѣрность и подданство, зная на то волю покойнаго Государя Императора, Самимъ изустно Мнѣ объявленную, учинилъ Я первый, прежде изданія Высочайшаго манифеста, въ письмѣ Моемъ Его Императорскому Величеству Николаю Павловичу.

Давая знать о семъ Вашей Свѣтлости, Я прошу Васъ поставить себѣ въ обязанность предъявить, гдѣ слѣдуетъ, все здѣсь изложенное и привести оное въ должное исполненіе.

Все оное пишу Вашей Свѣтлости единственно въ отвѣтъ на Ваше ко Мнѣ по сему предмету извѣщеніе, и прошу Васъ о полученіи онаго почтить Меня Вашимъ увѣдомленіемъ.

При семъ имѣю честь препроводить къ Вашей Свѣтлости въ копіяхъ: письмо Мое къ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и при томъ письмо покойнаго Государя Императора ко Мнѣ, которымъ благоугодно было Его Императорскому Величеству собственноручно Меня удостоить, а равно письмо Мое къ Его Императорскому Величеству Николаю Павловичу.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Высочества рукою подписано:

Константинъ Цесаревичъ.

Варшава.
3 Декабря 1825 года.

№ 2.

Списокъ съ рескрипта Государя Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича Министру Юстиціи Князю Лобанову-Ростовскому, отъ 8-го Декабря 1825-го года.

«Служащій въ Правительствующемъ Сенатѣ за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ, Коллежскій Совѣтникъ Никитинъ, доставилъ ко Мнѣ отъ Вашего Сіятельства пакетъ съ надписью: Его Императорскому Величеству Константину Павловичу всеподданнѣйшій рапортъ отъ Министра Юстиціи.

«Не почитая себя въ правѣ принять оный, Я обращаю его къ Вашему Сіятельству съ тѣмъ же самымъ чиновникомъ, какъ Мнѣ по означенному титулу не слѣдующій.» Изъ отношенія Моего къ Его Свѣтлости Предсѣдательствующему въ Государственномъ Совѣтѣ, Г. Дѣйствительному Тайному Совѣтнику 1-го класса Князю Лопухину, отъ 3-го сего Декабря, должны быть уже извѣстны Вашему Сіятельству въ подробности причины, воспрещающія Мнѣ принять Императорское достоинство. За симъ остается Мнѣ токмо вкратцѣ повторить здѣсь Вамъ, что за учиненною всѣми подданными при восшествіи на Престолъ, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, Государя Императора Александра Павловича, присягою, въ коей, между прочимъ, именно упомянуто, что каждый вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться долженъ какъ Его Императорскому Величеству Императору Александру

Павловичу, такъ и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола наслѣднику, *который назначенъ будетъ;* а таковымъ по Высочайшей волѣ покойнаго Государя Императора, явственно обнаруженной изъ бумагъ, раскрытыхъ въ Государственномъ Совѣтѣ и подобныхъ имъ, какъ Ваше Сіятельство объявили, хранящихся въ Правительствующемъ Сенатѣ, назначено быть наслѣдникомъ Всероссійскаго Престола Великому Князю Николаю Павловичу; то въ слѣдствіе сего Правительствующему Сенату, яко блюстителю закона, слѣдовало и слѣдуетъ въ точности исполнить Высочайшую Волю блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Александра Павловича.

Впрочемъ, чувствуя въ полной мѣрѣ оказанное Правительствующимъ Сенатомъ и къ лицу Моему относящееся усердное расположеніе, Я прошу Ваше Сіятельство изъявить сему высокопочтенному сословію истинную Мою признательность, присовокупя къ тому, что чѣмъ больше чувствую цѣну таковой приверженности, тѣмъ вящше поставляю Себѣ долгомъ пребыть непоколебимымъ исполнителемъ священнаго закона, установленнаго въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Высочества рукою подписано:

Константинъ Цесаревичъ.

Варшава.
8 Декабря 1825 года.

№ 5.

Отвѣтъ Государя Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича на извѣщеніе Государя Императора Николая Павловича о вступленіи Его Величества на Престолъ, отъ 20-го Декабря 1825-го года.

Всемилостивѣйшій Государь!

Съ сердечнымъ умиленіемъ имѣлъ я счастіе получить Всемилостивѣйшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества, возвѣщающій радостное вступленіе Ваше на прародительскій Престолъ любезнѣйшей Россіи.

Ея верховнымъ закономъ—закономъ священнымъ для всѣхъ земель, гдѣ твердость бытія уважается благимъ даромъ небесъ—есть воля милостію Божіею царствующаго Государя. Ваше Императорское Величество, послѣдовавъ сей волѣ, исполнили волю Царя Царей, коего направленіемъ и вдохновеніемъ дѣйствуютъ по столь важнымъ предметамъ Цари земные.

Совершилась воля священная. Поспѣшествуя въ томъ, я исполнилъ только долгъ мой—долгъ вѣрнѣйшаго подданнаго, преданнѣйшаго брата, долгъ Россіянина, гордящагося счастіемъ повиноваться Богу и Государю.

Милосердіе всемогущаго Творца, столь пекущееся о Россіи и величественномъ Престолѣ ея, столь обильно изліявшее всѣ благости на народъ, сохранившій законъ Его, будетъ вождемъ, будетъ наставникомъ Вашимъ, Всемилостивѣйшій Государь!

Ежели мои посильные труды, положенныя у подножія Престола, возмогутъ облегчить бремя, Богомъ на Васъ возложенное, оные явятся въ моей безпредѣльной преданности, въ моей вѣрности, въ моемъ повиновеніи и рвеніи въ исполненіи Высочайшей воли Вашего Императорскаго Величества.

Молю Всевышняго, да святый и невидимый Промыслъ Его сохранитъ драгоцѣнное здравіе Ваше, усугубитъ долгоденствіе, и слава Ваша, Всемилостивѣйшій Государь, слава Царства да не престанетъ преходить въ роды родовъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Вашего Императорскаго Величества,

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Высочества рукою подписано:

вѣрнѣйшій подданный

Константинъ

Варшава.
20 Декабря 1825 года.

№ 4.

1.

Письмо Государя Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича къ Государю Императору Николаю Павловичу.

Кончина блаженныя и вѣчнодостойныя памяти обожаемаго Государя Императора Александра Павловича была сопровождаема такими важными для Россійскаго Государства обстоятельствами, которыя, не будучи выставлены въ настоящемъ ихъ видѣ, безъ сомнѣнія произведутъ повсюду различные слухи и несвойственные толки.

Желая (сколько то съ моей стороны позволяетъ возможность) содѣйствовать къ отклоненію оныхъ и къ убѣжденію всѣхъ и каждаго въ той чистой истинѣ, какой въ особенности требуетъ важность предмета въ семъ случаѣ, я счелъ священнымъ долгомъ изложить всѣ сіи обстоятельства въ томъ настоящемъ видѣ, къ которому обязываетъ чистая совѣсть всякаго человѣка, приносящаго отчетъ въ дѣйствіяхъ всевидящему Богу.

Сдѣланное мною на сей конецъ любезнѣйшимъ соотчичамъ моимъ торжественное объявленіе всеподданнѣйше представляю на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе.

Ежели оное удостоено будетъ одобренія Вашего, Всемилостивѣйшій Государь, въ такомъ случаѣ осмѣливаюсь про-

сить о Высочайшемъ повелѣніи издать оное во всенародное извѣстіе; ежели, напротивъ того, прозорливость Вашего Императорскаго Величества усмотритъ непредвидимыя мною къ тому преграды, удостойте Ваше Императорское Величество принять сіе объявленіе собственно для Себя, яко жертву, приносимую отъ истинныхъ душевныхъ чувствъ вѣрнѣйшаго подданнаго своему Государю и долга соотчичамъ своимъ.

При чемъ долгомъ поставляю донести Вашему Императорскому Величеству, что копію съ онаго объявленія представилъ я вмѣстѣ съ симъ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

2.

Письмо Государя Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича къ Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Обстоятельства, происшедшія по кончинѣ обожаемаго Государя Императора Александра Павловича, лично ко мнѣ относящіяся, не всѣмъ извѣстны въ настоящемъ видѣ, важности дѣла соотвѣтствующемъ, безъ котораго, конечно, возродятся ложные слухи, а можетъ быть и неприличные толки. Желая предупредить оные (поколику то отъ меня зависѣть можетъ), я счелъ священнымъ долгомъ, въ прилагаемомъ у сего, въ копіи, торжественномъ объявленіи моемъ къ любезнымъ соотчичамъ моимъ, изложить, во всей подробности и во всей сущей справедливости, все то, въ чемъ по чистой совѣсти и всемогущему Богу отчетъ принести я готовъ. Сіе объявленіе всеподданнѣйше представилъ Его Императорскому Величеству, Государю Им-

ператору Николаю Павловичу, испрашивая Высочайшаго соизволенія на обнародованіе онаго.

Всенижайше испрашиваю Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія на принятіе отъ меня въ копіи сего объявленія, яко жертвы, отъ истинныхъ сердечныхъ чувствъ благодарнѣйшаго и признательнѣйшаго сына наинѣжнѣйшей и наимилостивѣйшей родительницѣ приносимой.

3.

Любезнѣйшимъ Своимъ соотчичамъ, отъ Его Императорскаго Высочества, Цесаревича, Великаго Князя Константина Павловича, торжественное объявленіе.

По прошествіи двадцати лѣтъ блаженнаго царствованія вѣчнодостойной памяти обожаемаго Государя Императора Александра Павловича, когда мало уже было надежды, чтобы послѣ кончины Его Величества осталось прямое Его поколѣніе для наслѣдованія Престола, Я, соревнуя о благоденствіи и спокойствіи Россіи, счелъ долгомъ Моимъ обратить Высочайшее вниманіе Государя Императора на драгоцѣннѣйшій предметъ для Государства, на прочное опредѣленіе и установленіе наслѣдства Императорскаго Престола.

Въ несчастномъ случаѣ кончины Его Величества при Моей жизни, наслѣдство Престола, по естественному праву первородства и по закону о Россійской Императорской фамиліи, переходило бы на Мое лице, если бъ наслѣдникъ назначенъ не былъ.

Для того Я счелъ необходимымъ обратить Высочайшее вниманіе на предметъ толико важный для Государства, что въ присягѣ, при манифестѣ о восшествіи на Престолъ Государя Императора Александра Павловича изданной, именно выражено было: «*и наслѣднику, который назначенъ будетъ,*» и дабы таковымъ заблаговременнымъ назначеніемъ наслѣдника Престола отвратить и самомалѣйшее сомнѣніе, могущее подать заключеніе на счетъ какой либо со стороны Моей личности.

Соображая могущее быть такое неожидаемое и нежелаемое (волею Всевышняго теперь сбывшееся) происшествіе, Я, по соприкосновенности правъ Моихъ на наслѣдованіе, предупреждая и сберегая всему свѣту извѣстную благость сердца обожаемаго Государя Императора, равную величію Его души и превыспренность священной правоты Его, соразмѣряемой чувствами сердечной привязанности къ благу Россіи, Я самъ, положивъ у Себя твердое рѣшеніе, предпринялъ предложить въ Бозѣ почивающему Государю Императору Александру Павловичу мысли Мои о столь важномъ предметѣ и, по неоцѣненной для Меня довѣренности Его Императорскаго Величества, осмѣлясь въ 1822-мъ году всеподданнѣйше испросить Высочайшее соизволеніе на изложеніе сихъ мыслей, предложилъ и собственное Мое свободное намѣреніе, чтобы, на случай безпотомственной кончины Его Величества, такъ какъ, по манифесту 20-го Марта 1820-го года, объемлющему дополнительное къ прежнимъ постановленіямъ объ Императорской фамиліи правило, должно и Меня считать безпотомственнымъ для Престола, обратить заблаговременно право наслѣдованія въ родъ Великаго Князя Николая Павловича, которому, послѣ обоихъ Насъ, предлежитъ сохранить, потомствомъ Своимъ, прародительскую безпрерывную цѣпь царствованія.

Постановляя въ душѣ Моей учинить сіи предложенія, Я не упускалъ изъ виду, что въ первородствѣ Моемъ заключаются не только права Мои, но и естественныя обязанности не уклоняться отъ бремени, назначеннаго волею Божіею роду, опредѣленному управлять великимъ народомъ Россійскимъ. Я разсуждалъ въ совѣсти Моей, что, отказавшись отъ правъ Моихъ, исполню обязанность Россіянина, споспѣшествуя, для спокойствія Россіи, упрочить твердый переходъ наслѣдованія Престола, переводя оное заблаговременно на младшаго брата Моего, коего потомство зритъ уже Россія и коего первородный сынъ, родившійся въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ въ Кремлѣ, есть уже залогомъ будущаго ея спокойствія. Я разсуждалъ также, что если бъ у Меня были дѣти, которыя, по коренному закону Россіи, изданному въ царствованіе покойнаго Государя Императора родителя Моего, имѣли бы право наслѣдованія Престола, то можетъ быть соотчичи Мои имѣли бы право жаловаться на Меня въ томъ, что Я отказался отъ права, служащаго не Мнѣ одному лично, но и поколѣнію Моему, самою природою для царствованія назначенному. Но находясь въ совершенно противномъ тому положеніи, Мое отреченіе отъ права наслѣдованія Престола было отступленіемъ отъ правъ, лично только Мнѣ принадлежавшихъ,—было собственнымъ пожертвованіемъ и долгомъ Моимъ для блага и спокойствія Россіи, по тому уваженію, что главнымъ основаніемъ монархическихъ державъ есть постоянный, продолжительный и обезпеченный переходъ Престола, по прямому, естественному, самою природою пріуготовленному наслѣдству.

Сими-то чувствами движимый, испросивъ предварительно Высочайшее соизволеніе, учинилъ Я оное предложеніе Его Императорскому Величеству объ отреченіи Моемъ отъ права на-

слѣдованія Престола, и о заблаговременномъ переводѣ онаго на лице любезнѣйшаго младшаго брата Моего.

Государь Императоръ, съ умиленіемъ выслушавъ предложенія Мои, въ борьбѣ возвышеннѣйшихъ чувствъ Своихъ, по извѣстной Его любви къ Россіи и по уваженію однихъ лѣтъ вѣка Нашего, изъ чего предполагалось, что кончина обоихъ Насъ можетъ быть почти одновременная, удостоилъ благосклоннымъ одобреніемъ таковое Мое желаніе и намѣреніе, и, по просьбѣ Моей, соизволивъ на представленіе онаго предложенія письменно, благоволилъ прежде повелѣть представить пріуготовленное о семъ письмо и оное собственноручно исправилъ.

За симъ Я исполнилъ твердое Мое постановленіе и подалъ Его Императорскому Величеству оное письмо объ отреченіи Моемъ отъ права наслѣдованія Престола.

Обожаемый Государь Императоръ благоволилъ довести письмо сіе и все рѣшеніе Мое до свѣдѣнія вселюбезнѣйшей родительницы Нашей, Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и потомъ изволилъ объявить Мнѣ, что Ея Императорское Величество, также какъ и Государь Императоръ, съ милостивѣйшимъ благоволеніемъ приняла сіе искреннѣйшее и посильное для блага величественной Россіи предложеніе; о чемъ имѣлъ Я счастіе удостоиться и личнаго вселюбезнѣйшей родительницы Государыни Императрицы Мнѣ подтвержденія, въ присутствіи Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны. Но, по возвышенности чувствъ души Своей и по неусыпнымъ попеченіямъ о благѣ Россіи, Государь Императоръ хотя удостоилъ Меня собственноручнымъ Высочайшимъ Императорскимъ рескриптомъ отъ 2-го Февраля 1822-го года, изъявляю-

щимъ одобреніе и принятіе Моего намѣренія и рѣшенія, но еще долго оставлялъ важность сего предмета безъ окончательнаго совершенія онаго государственными актами, спустя уже 18-ть мѣсяцевъ и 12-ть дней присланными въ Государственный Совѣтъ и въ Правительствующій Сенатъ отъ 16-го Августа 1823-го года.

Симъ совершилось неизъяснимое счастіе Мое въ принесеніи на Престолъ Богомъ осѣняемой Россіи посильнаго пожертвованія Моего.

Государь Императоръ, въ личныхъ потомъ изъясненіяхъ, благоволивъ подтверждать неоднократно признательность Свою за рѣшеніе Мое, изъявлялъ Мнѣ, (какъ бы предусматривая волю Всевышняго), въ семъ одномъ только случаѣ и однажды въ жизни Моей съ печалію и горестію Мною выслушиваемыя распоряженія Свои на случай кончины Его Величества, чтобы Я въ такомъ происшествіи исполнилъ тотъ же часъ присягу назначенному наслѣдникомъ Престола любезнѣйшему брату Николаю Павловичу, и чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ представилъ вселюбезнѣйшей родительницѣ, Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, вышеупомянутый Высочайшій рескриптъ, утверждающій отреченіе Мое и долженствуемый быть хранимымъ у Меня въ тайнѣ до кончины Государя Императора.

Такова была Высочайшая воля обожаемаго всѣми Государя Императора, о назначеніи, по добровольному отреченію Моему, наслѣдникомъ младшаго брата Великаго Князя Николая Павловича. Она есть священнымъ закономъ, долженствующимъ остаться неприкосновеннымъ и по кончинѣ Его Императорскаго Величества не могущимъ уже, яко по предмету назначенія наслѣдникомъ Императорскаго Престола, подвергаться никакой перемѣнѣ.

Вся Россія, исполняя присягу въ вѣрности подданства *Его Императорскому Величеству, истинному и природному Всемилостивѣйшему Великому Государю Императору Александру Павловичу, Самодержцу Всероссійскому*, клялась, съ тѣмъ вмѣстѣ, въ одной же присягѣ, и *Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола наслѣднику, который назначенъ будетъ*. Вся Россія должна остаться въ непреложномъ сохраненіи той клятвы и повторить ее Государю Императору Николаю Павловичу, который, *истиннымъ и природнымъ Великимъ Государемъ Россіи, давно уже назначенъ наслѣдникомъ Престола*.

Я присягалъ по сей формѣ также какъ и всѣ Россіяне, и, какъ первый сынъ Россіи, первый долженъ былъ сохранить сію присягу въ примѣръ Моимъ соотчичамъ;—исполнилъ Я симъ волю блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора, исполнилъ священнѣйшій долгъ преданнѣйшаго брата, вѣрнѣйшаго подданнаго и усерднѣйшаго Россіянина. Всемогущій Богъ свидѣтелемъ непорочности Моей совѣсти и дѣйствія ея предаю на судъ Его и на судъ вселенной.

Получивъ 25-го минувшаго Ноября, въ 7-мь часовъ вечера, о кончинѣ обожаемаго Государя, послѣдовавшей въ Таганрогѣ 19-го того же Ноября, горестное и печальнѣйшее отношеніе отъ Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества Генералъ-Адъютанта Барона Дибича и отъ Генералъ-Адъютанта Генерала отъ Инфантеріи Князя Волконскаго, Я, не знавъ ни о какихъ дальнѣйшихъ покойнаго Государя Императора распоряженіяхъ, кромѣ того, что́ Мнѣ было повелѣно хранить въ тайнѣ, безъ малѣйшаго замедленія, сколько превозмогли силы, ударомъ симъ пораженныя, и сколько естественная возможность дозволила

изготовить надлежащія бумаги, и именно 26-го Ноября, изъявилъ, въ отправленныхъ съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ письмахъ Моихъ къ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ Его Императорскому Величеству Николаю Павловичу, подтвержденіе прежней рѣшимости Моей и твердаго пребыванія въ свободномъ и непреложномъ отреченіи отъ наслѣдованія Престола; и въ слѣдствіе сего, внемля священному долгу и глубочайшему благоговѣнію Моему къ Высочайшей волѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора, Самимъ изустно Мнѣ объявленной, учинилъ Я первый присягу на вѣрность и подданство въ письмѣ Моемъ къ Его Императорскому Величеству Николаю Павловичу.

За симъ Я ожидалъ дальнѣйшихъ повелѣній отъ вступившаго на Престолъ Государя Императора, на томъ же мѣстѣ, гдѣ волею покойнаго Государя Императора, по долгу званія Моего, находился, и по сей же самой причинѣ непремѣнною поставлялъ обязанностію исполнить то, что на случай кончины Его Императорскаго Величества учинить Мнѣ повелѣно, дабы еще тѣмъ самымъ продлить, въ важнѣйшія минуты, дѣйствія окончившагося царствованія, сколько было для Меня возможно по пораженнымъ печалію чувствамъ Моимъ, которыя всѣ прочіе, Высочайше ввѣренные подчиненности Моей, при семъ горестномъ случаѣ раздѣляя со Мною, оставались спокойными во ожиданіи о восшествіи на Престолъ манифеста о учиненіи надлежащей присяги новому законному Императору Россіи. Но съ какимъ же изумленіемъ получилъ Я, вмѣсто того, извѣщеніе отъ Предсѣдательствующаго въ Государственномъ Совѣтѣ, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника 1-го класса Князя Лопухина, что Государственный Совѣтъ испол-

нилъ присягу для Моего лица, и сколь изумленіе сіе было для Меня разительно, печально, когда Я усмотрѣлъ изъ присланной Мнѣ, при вышеупомянутомъ извѣщеніи Свѣтлѣйшаго Князя Лопухина, копіи съ журнала Государственнаго Совѣта: что Высочайшая воля блаженныя и вѣчнодостойныя памяти обожаемаго всѣми Государя Императора была Государственному Совѣту, въ минуту полученія печальнаго свѣдѣнія о кончинѣ Его Величества, уже извѣстна;—что въ архивѣ Государственной Канцеляріи (о чемъ Мнѣ самому, какъ то я выше упомянулъ, вовсе не было извѣстно) хранился, за замкомъ и за печатью Предсѣдателя, пакетъ, присланный отъ покойнаго Государя Императора 16-го Августа 1823-го года, собственноручно Его Величествомъ подписанный, на имя Статсъ-Секретаря Оленина; — что въ семъ пакетѣ былъ пакетъ на имя Предсѣдателя Государственнаго Совѣта Князя Лопухина, а въ семъ послѣднемъ запечатанный пакетъ съ слѣдующею собственноручною Его Величества надписью: «Хранить въ «Государственномъ Совѣтѣ, до востребованія Моего, а въ случаѣ «Моей кончины, прежде всякаго другаго дѣйствія, раскрыть въ «чрезвычайномъ собраніи Совѣта;»—что бумаги, подобныя тѣмъ, которыя хранились въ Государственномъ Совѣтѣ, имѣются также и въ Правительствующемъ Сенатѣ; и что наконецъ Государственный Совѣтъ, раскрывъ оный пакетъ, выслушалъ только съ умиленными сердцами послѣднюю волю блаженной и вѣчнодостойной памяти Государя Императора Александра Павловича, ознаменованную въ копіи съ Высочайшаго манифеста, скрѣпленной собственноручно покойнымъ Государемъ Императоромъ, въ коемъ Его Величество опредѣляетъ быть *наслѣдникомъ Престола Великому Князю Николаю Павловичу*, по свободному Моему отреченію отъ онаго, какъ то ознаменовано въ копіи съ письма Моего на имя покойнаго Государя Императора, которая также скрѣплена рукою Его Величества и приложена въ копіи

съ Высочайшаго манифеста,—Государственный Совѣтъ, говорю, выслушалъ только сію священнѣйшую и торжественнѣйшую волю Государя Императора, но не послѣдовалъ ей и, увлеченный изъявленіями для Меня чувствъ братней нѣжности Его Императорскаго Величества Николая Павловича, приступилъ тотчасъ къ исполненію для Меня на вѣрность и подданство той присяги, которая принадлежитъ токмо *наслѣднику Императорскаго Престола, установленному столь явною и торжественною волею истиннаго и природнаго Государя Императора.*

Достопочтенны, по истинѣ, изъявленныя законнымъ наслѣдникомъ Престола, Его Императорскимъ Величествомъ Николаемъ Павловичемъ, возвышенныя чувства уважительности для старшаго брата. Правильное къ симъ чувствамъ всякій подданный долженъ имѣть уваженіе; но превыше всего суть права и обязанности законною властію постановленнаго наслѣдія Престола. Самъ Богъ назначаетъ одни роды, долженствующіе начальствовать надъ прочими родами человѣческими. Онъ, въ естественномъ порядкѣ, или въ верховной волѣ Вѣнценосцевъ, являетъ Свою святую волю, которой человѣкъ смертный да не преступитъ безгрѣшно, и Моя душевная горесть тѣмъ обильнѣе преисполняетъ Меня неизъяснимою печалію, что въ семъ дѣйствіи Государственнаго Совѣта усматриваю предполагаемую во Мнѣ готовность не только принять, но еще, можетъ быть, и потребовать обратно право наслѣдованія Престола, отъ котораго отказался Я свободно, добровольно, изъ одной любви къ Россіи, для ея блага и спокойствія, которое принято верховною законною властію и которое наконецъ передано, по законному порядку, достойному брату, который одаренъ, по милости Всевышняго, не токмо всѣми изящными качествами души, утверждающими залогъ благоденствія Россіи, но и благословенъ драгоцѣннымъ для Россіи потомствомъ.

Сказавъ сіе для облегченія сокрушеннаго сердца, для облегченія опечаленной души, Я, въ совѣсти только Моей спокойный, уповаю пользоваться всегда довѣріемъ Августѣйшаго брата, Государя Императора Николая Павловича, надѣюсь отъ соотчичей Моихъ сохраненія для Меня признательной любви, такъ какъ вся, болѣе тридцатилѣтняя служба Государямъ Императорамъ: родителю и брату, ознаменованная неограниченною Ихъ Императорскихъ Величествъ довѣренностію, словомъ, всѣ усилія и вся жизнь Моя были чисты и непорочны. Я отказался отъ правъ Моихъ, не нарушивъ Своихъ обязанностей. Величіе Россійскаго Престола, основанное на благоденствіи Государства, будетъ, по гробъ Мой, единственною цѣлію силъ души и тѣла Моего.

Приложенныя у сего копіи: а) съ письма Моего Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 26-го Ноября 1825-го года, при которомъ приложенъ, въ копіи же, Высочайшій Его Императорскаго Величества покойнаго Государя Императора рескриптъ на Мое имя отъ 2-го Февраля 1822-го года; б) съ письма Моего Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Павловичу отъ 26-го Ноября 1825-го года; в) съ копіи журнала Государственнаго Совѣта 27-го Ноября 1825-го года, представленнаго при запискѣ Предсѣдателя Совѣта, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника 1-го класса Князя Лопухина; г) съ отвѣта Моего на сей журналъ отъ 3-го Декабря 1825-го года, посланнаго на имя его же, Князя Лопухина, будутъ свидѣтельствомъ того, что Мною здѣсь изложено (*).

(*) Всѣ сіи бумаги помѣщены выше, или въ самомъ текстѣ нашего разсказа, или въ приложеніяхъ къ нему

Переводъ помѣщенныхъ въ текстѣ разсказа писемъ и разговоровъ на французскомъ языкѣ.

Стр. 3—6. Письмо Великаго Князя Александра Павловича, отъ 10-го Мая 1796 года, къ Виктору Павловичу Кочубею:

«Настоящее письмо, мой любезный другъ, вручитъ вамъ Г. Гаррикъ, о которомъ я уже писалъ вамъ прежде. Это даетъ мнѣ случай поговорить съ вами откровенно о многомъ.

«Сознайтесь, дорогой другъ, что вы дѣйствительно дурно поступаете, не извѣщая меня ни о чемъ лично васъ касающемся; только теперь я узналъ что вы взяли отпускъ и ѣдете лечиться въ Италію, а оттуда на нѣкоторое время въ Англію. Отъ чего вы мнѣ объ этомъ не написали ни слова? Я начинаю думать, что вы или сомнѣваетесь въ моей дружбѣ къ вамъ, или не имѣете достаточнаго ко мнѣ довѣрія, которое, смѣло могу сказать, вполнѣ заслуживаю моею безпредѣльною къ вамъ дружбою. Во имя ея умоляю васъ, передавайте мнѣ все что до васъ относится, чѣмъ, вѣрьте, доставите мнѣ самое большое удовольствіе. Впрочемъ, признаюсь, я восхищенъ что вы разстались съ мѣстомъ, которое приносило вамъ только однѣ непріятности, не вознаграждая за нихъ никакими наслажденіями.

«Г. Гаррикъ очень милый малой. Онъ провелъ здѣсь нѣсколько времени и ѣдетъ теперь въ Крымъ, откуда отправится въ Констан-

тинополь. Считаю его очень счастливымъ, потому что онъ будетъ имѣть случай видѣть васъ, и даже въ нѣкоторомъ отношеніи завидую его положенію, тѣмъ болѣе что отнюдь недоволенъ своимъ. Я чрезвычайно радъ, что рѣчь объ этомъ зашла сама собою, безъ чего очень затруднился бы завести ее. Да, милый другъ, повторю снова: мое положеніе меня вовсе не удовлетворяетъ. Оно слишкомъ блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствіе. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, не стоющихъ, въ моихъ глазахъ, мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лакеями; а, между тѣмъ, они занимаютъ здѣсь высшія мѣста, какъ напр. З . . . . . , П . . . . , Б . . . . , оба С . . . . , М . . . . и множество другихъ, которыхъ не стоитъ даже называть и которые, будучи надменны съ низшими, пресмыкаются передъ тѣмъ, кого боятся. Однимъ словомъ, мой любезный другъ, я сознаю что не рожденъ для того высокаго сана, который ношу теперь, и еще менѣе для предназначеннаго мнѣ въ будущемъ, отъ котораго я далъ себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ образомъ.

«Вотъ, любезный другъ, важная тайна, которую я уже давно хотѣлъ передать вамъ; считаю излишнимъ просить васъ не сообщать о ней никому, потому что вы сами поймете какъ дорого я могъ бы за нее поплатиться. Я просилъ Г. Гаррика сжечь это письмо, если бы ему не удалось лично вамъ его вручить, и никому не передавать для доставленія его къ вамъ.

«Я обсудилъ этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ. Надобно вамъ

сказать, что первая мысль о немъ родилась у меня еще прежде чѣмъ я съ вами познакомился и что я не замедлилъ придти къ настоящему моему рѣшенію.

«Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а Имперія, не смотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей возможно ли одному человѣку управлять Государствомъ, а тѣмъ болѣе исправить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія; это выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія, а я постоянно держался правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ исполнять его дурно. Слѣдуя этому правилу, я и принялъ то рѣшеніе, о которомъ сказалъ вамъ выше. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, по отреченіи отъ этого труднаго поприща (я не могу еще положительно назначить срокъ сего отреченія), поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ, полагая мое счастіе въ обществѣ друзей и въ изученіи природы.

«Вы вольны смѣяться надо мною и говорить что это намѣреніе несбыточное; но подождите исполненія и уже тогда произнесите приговоръ. Знаю, что вы осудите меня, но не могу поступить иначе, потому что покой совѣсти ставлю первымъ для себя закономъ, а могла ли бы она оставаться спокойною, если бы я взялся за дѣло не по моимъ силамъ. Вотъ, мой милый другъ, что я такъ давно желалъ сообщить вамъ. Теперь, когда все высказано, мнѣ только остается увѣрить васъ, что гдѣ бы я ни былъ, счастливымъ или несчастнымъ, богатымъ или бѣднымъ, ваша дружба ко мнѣ будетъ всегда однимъ изъ величайшихъ для меня утѣшеній; моя же къ вамъ, вѣрьте, кончится только съ жизнію.

«Прощайте, мой дорогой и истинный другъ; увидѣть васъ было бы для меня, пока, самымъ счастливымъ событіемъ.

«Жена моя вамъ кланяется; ея мысли совершенно согласны съ моими.»

стр. 31. Слова̀, сказанныя Императоромъ Александромъ I Князю А. Н. Голицыну:

«Положимся въ этомъ на Бога: Онъ устроитъ все лучше насъ, слабыхъ смертныхъ.»

стр. 45—46. Слова̀ Графа Милорадовича Великому Князю Николаю Павловичу:

«Получена ужасная новость, Ваше Высочество.»

«Императоръ умираетъ; остается только слабая надежда.»

стр. 47. Фраза изъ письма Императрицы Елисаветы Алексѣевны:

«Ему замѣтно лучше, но Онъ очень слабъ.»

стр. 47—48. Слова̀ Графа Милорадовича, обращенныя къ Великому Князю Николаю Павловичу, по полученіи извѣстія о кончинѣ Императора Александра:

«Все кончено, Ваше Высочество; покажите теперь примѣръ мужества.»

стр. 49. Слова̀ Великой Княгини Александры Ѳеодоровны, которыми Она умоляла Императрицу Марію Ѳеодоровну успокоиться:

«Маменька, дорогая маменька, ради Бога успокойтесь.»

Стр. 51. Разговоръ Императрицы-матери съ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ, по принесеніи послѣднимъ присяги:

«Николай, что ты сдѣлалъ! — воскликнула Императрица съ ужасомъ—развѣ ты не знаешь что существуетъ актъ, по которому ты назначенъ Наслѣдникомъ Престола?»

«Если такой актъ существуетъ,—отвѣчалъ Онъ—то онъ Мнѣ неизвѣстенъ и никто о немъ не знаетъ; но мы всѣ знаемъ, что нашъ Монархъ, нашъ законный Государь, послѣ Императора Александра, есть Мой братъ Константинъ; мы исполнили слѣдственно только нашу обязанность: пусть будетъ что будетъ!»

Стр. 54. Слова̀, произнесенныя въ Государственномъ Совѣтѣ Министромъ Юстиціи Княземъ Д. И. Лобановымъ-Ростовскимъ:

«Мертвые не имѣютъ воли.»

Стр. 74—75. Разговоръ Императрицы Маріи Ѳеодоровны съ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ, по пріѣздѣ изъ Варшавы Михаила Павловича:

«И такъ, Николай,—сказала Императрица—преклонись передъ твоимъ братомъ Константиномъ: онъ вполнѣ достоинъ почтенія и высокъ въ неизмѣняемомъ рѣшеніи передать тебѣ Престолъ.»

«Прежде чѣмъ Я преклонюсь, какъ Вы говорите, маменька,— отвѣчалъ Онъ—позвольте Мнѣ узнать побудительную къ тому причину; ибо это еще вопросъ, которую изъ двухъ жертвъ въ этомъ случаѣ должно считать выше: со стороны ли отказывающагося, или же со стороны принимающаго!»

Стр. 80. Императрица Марія Ѳеодоровна при прощаніи съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ сказала Ему:

«Когда увидишь Константина, скажи и растолкуй ему хоро-

шенько, что здѣсь дѣйствовали такъ потому, что иначе произошло бы кровопролитіе.»

«Его еще не было, но оно будетъ»—отвѣчалъ Онъ въ печальномъ предчувствіи.

Стр. 119. Письмо Императора Николая Павловича къ Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ:

«С.-Петербургъ, 14 Декабря 1825.

«Молись Богу за меня, дорогая и добрая Марія; пожалѣй о несчастномъ братѣ, жертвѣ Промысла Божія и воли двухъ своихъ братьевъ. Я удалялъ отъ себя эту горькую чашу пока могъ и молилъ о томъ Провидѣніе. Я сдѣлалъ то, что сердце и долгъ мнѣ повелѣвали.

«Константинъ, мой Императоръ, отринулъ присягу, мною и всею Россіею ему принесенную; я былъ его подданнымъ: мнѣ оставалось ему повиноваться.

«Нашъ Ангелъ долженъ быть доволенъ; его воля исполнена, какъ ни тяжела, какъ ни ужасна она для меня.

«Повторяю, молись Богу за твоего несчастнаго брата; онъ нуждается въ этомъ утѣшеніи; пожалѣй о немъ.

Николай.»

Стр. 125. Нейдгардтъ, прибѣжавъ къ Государю, сказалъ:
«Ваше Величество! Московскій полкъ въ полномъ возстаніи.

Шеншинъ и Фредериксъ тяжело ранены и мятежники пошли къ Сенату. Я едва ихъ обогналъ, чтобы донести о томъ Вашему Величеству. Ради Бога, прикажите двинуть противъ нихъ 1-й баталіонъ Преображенскаго полка и Конную Гвардію.»

Стр. 128. Государь, передъ выходомъ на площадь, проходя черезъ комнату Своей супруги, сказалъ Ей:
«Артиллерія колеблется.»

Стр. 129. Императрица Марія Θеодоровна вошла въ комнату Императрицы Александры Θеодоровны съ словами:
«Не рядись, мое дитя; въ городѣ безпорядокъ, бунтъ . . . .»

Стр. 138. Графъ Милорадовичъ подошелъ къ Государю и сказалъ Ему:
«Дѣло идетъ дурно, Ваше Величество; они (т. е. мятежники) окружаютъ памятникъ Петра Великаго; но я пойду туда уговаривать ихъ.»

Стр. 142—143. Разговоръ Графа Милорадовича съ Орловымъ:
«Пойдемте вмѣстѣ убѣждать мятежниковъ» сказалъ Графъ Милорадовичъ Орлову.
«Я только что оттуда — отвѣчалъ Орловъ — и совѣтую вамъ, Графъ, туда не ходить. Этимъ людямъ необходимо совершить преступленіе; не доставляйте имъ къ тому случая. Что же касается меня, то я не могу и не долженъ за вами слѣдовать: мое мѣсто при полку, которымъ командую и который я долженъ привести, по приказанію, къ Императору.»
«Что это за Генералъ-Губернаторъ, который не съумѣетъ пролить свою кровь, когда кровь должна быть пролита» вскричалъ Милорадовичъ.

стр. 160. Императоръ Николай Павловичъ поручилъ Графу Дёрнбергу сказать его товарищамъ: «что это происшествіе — дѣло домашнее, совсѣмъ не касающееся Европы.»

стр. 181. Разговоръ Государя съ Генералъ-Адъютантомъ Толемъ:
«Взгляните, что здѣсь происходитъ:—сказалъ Государь—прекрасное начало Царствованія: Престолъ обагренный кровью!»
«Ваше Величество!—отвѣчалъ Толь: одно средство окончить все дѣло—пустить картечью въ эту сволочь.»

стр. 182. Разговоръ Государя съ Генералъ-Адъютантомъ Васильчиковымъ:
«Ваше Величество — сказалъ Васильчиковъ — теперь не должно терять ни одной минуты; добромъ нечего здѣсь взять; необходима картечь.»
«И такъ вы хотите,—отвѣчалъ Государь — чтобы Я въ первый день Царствованія пролилъ кровь Моихъ подданныхъ?»
«Чтобы спасти Ваше Царство!»—возразилъ Васильчиковъ.

стр. 188. Слова̀, сказанныя Императрицею Маріею Ѳеодоровною Генералъ-Лейтенанту Демидову, при врученіи ему портрета Императора Александра, работы Изабе:
«Возьмите этотъ портретъ и покажите его бунтовщикамъ; быть можетъ, видъ его образумитъ ихъ и возвратитъ къ порядку.»

стр. 188—189. Разговоръ Императрицы Маріи Ѳеодоровны съ Генералъ-Адъютантомъ Толемъ, пришедшимъ во Дворецъ:
«Ахъ, вотъ нашъ любезный Толь — вскричала Императрица Марія Ѳеодоровна — что принесли вы намъ новаго? Боже мой, стало быть уже пролита кровь! . . »

«Успокойтесь, Государыня,—отвѣчалъ Толь—мѣра была необходима и она произвела рѣшительное дѣйствіе. Мятежники разбѣжались во всѣ стороны и ихъ ловятъ; все кончено. Относительно Государя, Ваше Величество можете быть совершенно спокойны; Онъ долженъ сей часъ сюда прибыть.»

«Идите Генералъ, идите къ Нему» сказала Императрица.

Стр. 200—202. Письмо Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Графу Кочубею:

«Я долго не отвѣчала, Графъ, на ваши два письма, 11-го Декабря и 3-го Января, отъ того что желала собственноручно писать къ вамъ, а такъ была подавлена горестью, что едва могла вести переписку съ моимъ семействомъ. Я чувствую себя очень, очень несчастною, и три мѣсяца, прошедшіе со дня нашей ужасной потери, были для меня тремя мѣсяцами мученій и тоски. Смерть моего сына, этого ангела, застигла насъ въ расплохъ, поразила, какъ громовымъ ударомъ; мы продолжали еще утѣшать себя надеждою, хотя, признаюсь, мое материнское сердце, даже въ то время, когда она улыбалась намъ, испытывало смертельную тоску, и это тоскливое предчувствіе, къ несчастію, оправдалось 19-го Ноября. 27-го я узнала о потерѣ возлюбленнаго сына, который составлялъ счастіе и славу моей жизни, всю прелесть и сладость моего существованія. Перо не въ состояніи передать того, сколько я выстрадала. Я думала, что потеря сына—верхъ несчастія; но 14-е Декабря ознакомило меня съ новымъ родомъ ужасныхъ мученій: въ этотъ день два мои сына подвергали свою жизнь опасности и спокойствіе Государства зависѣло отъ гибельной случайности. Милосердіе Божіе отвратило это бѣдствіе, и благородное поведеніе моего сына Николая, величіе его души, твердость и удивительное самоотверженіе, равно какъ по-

хвальная храбрость Михаила, спасли Государство и семейство. Этотъ день былъ до того ужасенъ, что когда къ вечеру все было усмирено и я осталась одна въ моей комнатѣ, то возблагодарила Бога, что сердце мое занято опять только постоянною моею скорбью. Но что за ужасное событіе! Благодарю Небо, что нашъ возлюбленный Императоръ Александръ не зналъ его во всѣхъ подробностяхъ, хотя и имѣлъ свѣдѣніе о существованіи заговора. Вознесемъ моленія къ Всевышнему и за то, что участники въ бунтѣ, большею частію, люди молодые, мало значущіе, которые, за исключеніемъ предводителей, были увлечены гордостію и самолюбіемъ, не замѣчая, быть можетъ, пропасти, въ которую они стремились. Сами начальники бунта не имѣютъ, по своимъ прежнимъ заслугамъ, особеннаго значенія. Есть между ними люди храбрые, но, благодаря Бога, храбрость у насъ въ Россіи—наслѣдственная доблесть военныхъ. Во всякомъ случаѣ горько, что они своимъ преступленіемъ запятнали честь и званіе офицера и повергли въ отчаяніе своихъ родителей и женъ . . . . . .

«20-го числа прибудетъ въ Царское Село печальный кортежъ съ тѣломъ нашего Ангела. Вы можете представить себѣ, какъ для меня будутъ тяжелы и этотъ, исполненный скорби и печали, день и послѣдующія за нимъ двѣ недѣли. Погребеніе назначено 13-го Марта; по совершеніи его, намъ останется только одно воспоминаніе объ этомъ ангелѣ благости.»

2007237431